

Рудольф Штейнер

Мировая противоположность Востока и Запада
Пути ее преодоления через антропософию

GA 83

*Десять лекций
прочитанных на втором международном конгрессе
антропософского движения
в Вене, с 1 до 12 Июнь 1922*

Из наследия Самиздата

Предварительное замечание д-ра Г.Э. Лауэра

I. Антропософия и науки

Вена - 1.VI.1922. Антропософия и естествознание

Вена - 2.VI.1922. Антропософия и психология.

Вена - 3.VI.1922. Антропософия и мировая ориентация (Восток-Запад в истории).

Вена - 4.VI.1922. Антропософия и мировое развитие (с географической точки зрения).

Вена - 5.VI.1922. Антропософия и космология.

II. Антропософия и социология

Вена - 7.VI.1922. Время и его социальные требования

Вена - 8.VI.1922. Время и его социальное формирование (атлантическая и тихоокеанская культуры)

Вена - 9.VI.1922. Время и его социальные недостатки (Азия - Европа)

Вена - 10.VI.1922. Время и его социальные надежды (Европа - Америка)

Вена - 11.VI.1922. Сущность социального вопроса

Эпилог. Мария Штейнер

Приложения

Венские дни. Альберт Штеффен

Из сообщения Рудольфа Штейнера о Венском конгрессе для членов Гётеанума
18 июня 1922 г. в Дорнахе

Западно-восточные афоризмы Рудольфа Штейнера

Предварительное замечание

Нижеследующие лекции были прочитаны Рудольфом Штейнером на "Западно-восточном конгрессе" антропософского движения в Вене в 1922 году. Это мероприятие должно было показать, как антропософия развитыми ею методами духовного познания и обновляющими импульсами, которые исходят от неё для разнообразнейших областей жизни, может примирить великое культурное напряжение, которое в последнее столетие всё сильнее развивалось между западным и восточным человечеством и разрешение которого представляет всемирно-историческую задачу нашей эпохи. Вена как центр бывшей державы, в которой уже давно встречались духовно-национальные проблемы Востока и социально-экономические проблемы Запада и которая поэтому совсем особенно была призвана к взаимопониманию народов, считалась особенно подходящей для того, чтобы с полным пониманием принять работу этого конгресса.

Доклады и высказывания касались разнообразнейших областей. Двенадцать дней с раннего утра до позднего вечера были заполнены научными, педагогическими, социальными, художественными мероприятиями. Вечерами читались лекции Рудольфа Штейнера. Многообразие обсуждавшихся в них областей и точек зрения отражали полноту тем, которыми занимался конгресс и учет которых определил также их выбор и расположение.

Мероприятия отдельных дней по мере надобности достигали апогея в этих вечерних лекциях. Их посещало в среднем около 2000 слушателей. Их изложение вращалось на вершинах человеческого духовного стремления. Точки зрения, о которых в них говорилось, были в высочайшем смысле всемирно-историческими во временном отношении, поистине глобальными в пространственном. Поэтому они раскрывают столь же глубокое, как и всеобъемлющее понимание великих проблем духовной и социальной жизни, возникших в новое время вследствие различных сил времени и из дифференцированных в земном пространстве действий.

С другой стороны, крупные явления для понимания своего значения требуют всеобъемлющих точек зрения. Вместе с показом решения западно-восточной проблемы антропософией, последняя тем самым сама охарактеризована с такой точки зрения, величественнее и плодотворнее которой для освещения её собственной сущности во всём её значении для человечества нельзя себе представить.

Д-р Ганс Эрхард Лауэр.

I. Антропософия и науки

Вена - 1.VI.1922.

Антропософия и естествознание

Многоуважаемые присутствующие! Об этом конгрессе Вы были уведомлены, как о конгрессе мировоззрения, и таким Вы его и примите, но кто сегодня хочет говорить о вопросах мировоззрения, тот не может пройти мимо естествознания, и прежде всего мимо последствий для мировоззрения, которые принесло это естествознание. Ведь естествознание уже столетия - можно сказать с 15-го, 16-го столетия - всё больше и больше становится в известном смысле властелином человеческого мышления в культурном мире.

Чтобы указать на великие познавательные триумфы этого естествознания и на преобразование всей нашей жизни завоеваниями естественнонаучного исследования, пришлось бы говорить очень много. Но это означало бы повторять известное всем уважаемым присутствующим. С точки зрения мировоззрения в естествознании должно интересоваться нечто совершенно иное. Это роль воспитателя всего цивилизованного человечества, которую уже давно взяло на себя естествознание. И именно когда говорят об этой воспитательной роли в ходе развития современного человечества, тогда приходят собственно к двум парадоксам. Разрешите мне, многоуважаемые присутствующие, начать сегодня с этих парадоксов.

Первый, который произошел из естественнонаучного способа исследования больше в отношении человеческого внутреннего, это преобразование человеческой мыслительной жизни как таковой. Кто сможет непредвзято рассмотреть прежние мировоззренческие течения, тот должен будет сказать себе, что в этих мировоззренческих течениях из условий человеческого развития в более ранние эпохи мышление как бы само собой разумеющимся образом прибавляло нечто из собственного человеческого к тому, что давали эксперимент и наблюдение природы. Стоит только вспомнить о преодоленных теперь отраслях знания, об астрологии, об алхимии, чтобы прийти к выводу, что в таких соответствовавших прежним культурным эпохам способах познания к природе подходили так, что человеческое мышление как бы само собой разумеющимся образом из себя придавало нечто тому, что оно хотело высказать, или также тому, что можно было раскрыть через вещи мира. Это, многоуважаемые присутствующие, было прекращено естественнонаучным образом мыслей нового времени. Сегодня мы известным образом, если можно так выразиться, обязаны просто принимать восприятия, даваемые нам наблюдением и экспериментом, и перерабатывать их в так называемые законы природы. В обработке эксперимента и наблюдения мы конечно пользуемся мышлением, но мы пользуемся мышлением лишь как средством сопоставления явлений, так, чтобы они раскрывали нам свою внутреннюю связь, свою закономерность своим собственным бытием. И мы ставим себе целью не прибавлять ничего из мышления к тому, что мы можем наблюдать во внешнем мире. Мы рассматриваем это именно как идеал естественнонаучного образа мыслей - и с

полным правом.

Чем стало человеческое мышление под такими влияниями? Оно стало собственно слугой, простым средством исследования. Когда дело идет о том, чтобы исследовать закономерность явлений в мире, мысли как таковой нечего больше сказать. Этим, однако, дан один из парадоксов, на которые я хотел бы указать.

Этим мысль как человеческое переживание исключена из отношения, в которое человек входит с миром реальностей. Мысль стала формальным вспомогательным средством понимания реальностей. В естествознании она больше не есть нечто самораскрывающееся. Для внутреннего человеческой жизни это значит чрезвычайно много. Это значит, что мы должны смотреть на мышление, как на то, что должно мудро и скромно воздерживаться от высказывания, когда при рассмотрении внешнего мира подходят к тому, что внутри душевной жизни существует в известной степени собственное течение.

И когда спрашивают себя: как само естествознание может приблизиться к этому мышлению - как раз тогда приходят к парадоксу, тогда говорят себе: если в переработке природных процессов мышление должно устраняться, если оно должно вмешиваться лишь формально, объясняюще, сопоставляюще, упорядочивающе, то оно и не находится в самих природных процессах, тогда будет парадоксом, если мы поставим теперь оправданный, конечно, с естественнонаучной точки зрения вопрос: как можем мы понять из естественнонаучной закономерности мышление как проявление человеческого организма? И тогда, если мы непредвзято и серьезно участвуем в естественнонаучной жизни, мы не можем сказать иначе, как: в той же мере, в какой мышление должно было устраняться из природных процессов, рассмотрение природных процессов может, правда, всё снова и снова стремиться достигнуть мышления, но оно не может сколько-нибудь удовлетворить это стремление. Мышление, как оно исключено методически, так же в действительности исключено из природных процессов и обречено быть простым образом, а не реальностью.

Я не думаю, многоуважаемые присутствующие, что уже сегодня многие люди вполне сознательно уяснили себе значение этого парадокса; но в подсознательных основах душевной жизни у бесчисленного множества людей современности уже живет ощущение того, что с тем, что собственно делает нас людьми - так как мы можем считать себя людьми лишь как мыслящие существа, в мышлении видим мы свое человеческое достоинство - мы проходим через мир как с чем-то, реальность чего мы пока не можем допустить, что мы несем через мир как образное бытие. Указывая на благороднейшее в человеческой природе, мы чувствуем себя в известной степени в нереальности.

Это нечто такое, многоуважаемые присутствующие, что находится в душе, которая серьезным образом приняла участие в естественнонаучных методах исследования как наук о неорганической природе, так и биологии, и хотела бы извлечь для себя из этих методов исследования больше следствий в смысле мировоззрения, чем отдельные результаты.

Хотелось бы сказать: здесь находится нечто, могущее привести к горькому

сомнению человеческой души. Сомнение возникает, конечно, сначала в уме, но устремляется в человеческое сердце. И именно тот, кто умеет рассматривать человеческую натуру в более глубоком, непредвзятом смысле - в каком я должен буду подробно объяснять в следующих лекциях, - тот знает, как состояние души - именно когда определенные течения этого состояния души переходят к постоянству - воздействует даже на состояние тела человека, и как из этого состояния тела или телесного предрасположения снова изливается жизненное настроение в том или ином направлении. От того, должны ли мы посыпать в душу сомнение или нет, от этого зависит идём ли мы через жизнь мужественно, так что мы сами себя сознаём стоящими прямо, что мы можем целебным образом действовать среди других людей, или мы странствуем по жизни раздраженно, подавленно, беспомощно для самих себя, беспомощно для других людей. Я не говорю - и мои ближайшие лекции покажут, что мне этого не нужно говорить, - что то, что я сейчас высказал, должно действительно вести к сомнению; но оно легко приводит на путь сомнения, когда нет никакого продолжения естествознания в тех направлениях, которые я буду описывать.

Грандиозные достижения естествознания во внешнем мире предъявляют человеку чрезвычайные требования относительно его души, когда он занимает положительное отношение к естествознанию, как это совершенно необходимо с точки зрения представленного здесь мировоззрения. Требования суметь крепче, сильнее противостоять сомнению, чем нужно противостоять, когда от надежных результатов естествознания такие требования не исходят.

Если, следовательно, с этой стороны естествознание, конечно лишь мнимо, ведет к чему-то отрицательному для душевной жизни, то с другой стороны - тем самым я должен высказать свой второй парадокс — оно принесло нам нечто чрезвычайно положительное. И я высказываю этим положительным парадоксом, который особенно сильно выступил перед моей душой, когда я теперь уже более двадцати лет назад разрабатывал свою "Философию свободы", когда я пытался, сохраняя действительное естественнонаучное мировоззрение, войти в сущность человеческой свободы.

Да, многоуважаемые присутствующие, естествознание со своей закономерностью легко теоретически приходит к отрицанию человеческой свободы. Но как раз здесь естествознание теоретически получает для своих воззрений, собственно, противоположное тому, что оно развивает на практике. Если мы всё серьезнее и серьезнее углубляемся в образную природу мышления, если мы именно из прослеживания естественнонаучного образа взглядов - не из естественнонаучных теорий - приходим к тому, чтобы внутренне душевно правильно пережить эту образную природу мышления, то мы говорим себе: если мышление в нас есть лишь образ, если оно не есть реальность, то оно не имеет принудительного действия, как природная сила. Тогда я должен сравнивать это мышление, и сравнение есть больше, чем просто сравнение с чем-то вроде суммы отражений. Образы, перед которыми я стою, не могут меня принуждать. Существующие силы могут принуждать меня, будут ли они мыслиться существующими вне меня или во мне, но образы не могут меня принуждать. Следовательно, если я должен постигать свои моральные импульсы в том чистом

мышлении, которое воспитано в нас именно естествознанием посредством его методов, если я могу так формировать в себе моральные импульсы, что для их формирования я живу в том же самом мышлении, к которому меня приучило естествознание, то в этих постигнутых чистым мышлением моральных импульсах я не имею никаких принуждающих сил, а лишь силы и образы согласно которым я могу определить себя только сам. Это значит, что как бы сильно, можно сказать даже с известным правом, естествознание ни должно было отрицать свободу из своих основ, оно приучает людей нашего культурного мира к свободе, приучая их к образному мышлению.

Это - хотелось бы сказать - два полюса, один в отношении мыслительной жизни, другой в отношении волевой жизни, перед которыми ставится человеческая душа естественнонаучными воззрениями современности. Но тем самым мы одновременно указываем на то, как естественнонаучное мировоззрение показывает выше самого себя. Оно ведь должно занять какое-нибудь положение по отношению к человеческому мышлению, но оно исключает это человеческое мышление. Тем самым оно указывает на метод исследования, который им - этим естествознанием - вполне оправдан, и который, тем не менее, может привести к постигаемому переживанию мышления. С другой стороны оно указывает на то, что естественнонаучный образ взглядов, так как он сам в сущности теоретически не может подойти к свободе, должен быть продолжен в другую область именно чтобы достигнуть сферы свободы.

То, что я здесь выставляю как необходимость, получающуюся из самого естествознания, продолжение этого естествознания в область, к которой, по крайней мере признанное сегодня естествознание, не может прийти, это пытается сделать мировоззрение, которое должно будет здесь представлено. Само собой разумеется, поскольку оно находится в начале своего становления, оно может сделать это сегодня лишь в некотором несовершенном виде, но попытка должна быть сделана, потому что именно те переживания в отношении мышления и свободы, которые я описал, распространяются на всё большее число душ современного человечества. Мы не должны больше полагать сегодня, что лишь те, которые каким-либо образом имели дело с наукой, должны ставить себе такие требования, вопросы и загадки, как я охарактеризовал; и в тех кругах - хотелось бы сказать - вплоть до отдаленнейших деревень, в которые не проникают никакие выдающиеся научные результаты, воспитание тем не менее приводит к такому мышлению, какого требует естествознание, и приносит тогда, - хотя сегодня ещё очень, очень неосознанно, неуверенность относительно человеческой свободы. Поэтому в этих вещах дело не просто в научных вопросах, но в совершенно общечеловеческих вопросах. Дело, следовательно, в том, можно ли, становясь на почву естественнонаучного воспитания, проникнуть на пути познания дальше, чем может проникнуть естествознание современности?

Многоуважаемые присутствующие, это можно попытаться сделать, можно попытаться сделать так, что пути могут быть оправданы перед строжайшим естествоиспытателем, это можно искать на путях, которые полностью проложены естественнонаучным образом мыслей и естественнонаучной добросовестностью. Начиная сегодня свои лекции, я хотел бы прежде всего сказать о таких путях,

однако сегодняшний путь познания, хотя многие его бессознательно уже страстно желали, ещё не легко даже выразить в понятиях. Поэтому я хотел бы, чтобы мы могли сегодня вечером понять друг друга, лишь для взаимопонимания привлечь описание более ранних путей познания, по которым шло человечество, чтобы прийти к познаниям, лежащим за той обыкновенной областью, которой сегодня занимается естествознание.

Можно сказать, что многое из того, о чем сегодня думают, совсем не может быть объектом познания, а лишь объектом веры, что традиционно вошло в развитие человечества, живет сегодня как достойная уважения традиция, и как таковая принимается в качестве содержания веры. Это для действительно непредвзятого рассмотрения истории всё-таки происходит из более древних методов познания, не согласующихся более с нашей сегодняшней культурой. Всё то, о чем сегодня думают, что оно должно оставаться именно представлением веры, что принимается как древняя достойная уважения традиция, уводит рассматривающего историю психологически в древнейшие эпохи человечества, и там оказывается, что такое сегодняшнее содержание веры было найдено как соответствующее тому времени содержание познания каким-либо человеком путем совершенствования своей собственной души, развития скрытых душевных сил, и следовательно представляет настоящее содержание познания. Сегодня не сознают, что многое исторически вошедшее в развитие человечества было некогда найдено, но оно было найдено на более древних путях познания. Многоуважаемые присутствующие, если описывать такие пути познания, то это, конечно, нужно делать уже с помощью методов, которые буду я излагать позже, то есть так, что тот, кто описывает древние эпохи человечества только по внешним историческим, не духовным документам, часто может быть шокирован моим описанием. Но тот, кто непредвзято изучает такие внешние исторические документы, а затем сравнит их с тем, что я сегодня должен буду сказать из некоторого видения, тот всё же не найдет настоящего противоречия. И я хотел бы подчеркнуть, что я описываю эти древние пути познания совсем не потому, что хотел бы сегодня рекомендовать их кому-нибудь для достижения высших познаний. Они были уместны в древние эпохи, а сегодня могут стать даже вредны человеку, который по ошибке применил бы их. Так что только для того, чтобы мы могли объясниться по поводу современных методов познания, я выхвачу два древних пути, опишу их и затем наглядно покажу те пути, по которым человеку нужно идти сегодня, если он хочет выйти за пределы сферы только естественнонаучного познания.

Прежде всего существовал некий путь - как сказано, из полноты древних путей познания я мог бы выхватить и другие пути, но я выхватываю два - прежде всего существовал некий путь, на который в его чистом виде в древние времена вступали отдельные люди на Востоке, путь йоги. Путь йоги проделал много фаз, и именно то, чему я буду сегодня придавать наибольшую ценность, в позднейшие эпохи пришло в совершенно упадочное, вредное состояние, так что то, что я должен буду обрисовать, историк, рассматривающий позднейшие эпохи, должен будет описывать как нечто, что, будучи исходящим от человека, даже вредно для него, однако человеческая природа проделала в следующих одна за другой эпохах

разнообразнейшие изменения. В древние эпохи человеческой природе соответствовало нечто совершенно иное, чем в позднейшие. То, что в прежние времена могло быть настоящим методом познания, позже может быть использовалось для удовлетворения жажды власти человека, жажды власти отдельного человека над другими людьми. В древнейшие времена, для которых я хотел бы охарактеризовать упражнения йоги, этого как раз не было.

В чем состоял путь йоги, на который в очень древние восточные времена вступали отдельные люди, представлявшие собой - употребляя современное выражение, - ученых в высших областях мира. Так вот, он состоял, наряду с другими, в особом рода дыхательных упражнениях - из полноты упражнений я выхватываю дыхательные упражнения, которые должен был выполнять ученик йоги, или ученый йог. Если мы сегодня обратим внимание на своё дыхание, то должны будем сказать: это процесс, который в здоровом человеческом организме большей частью происходит бессознательно. Если следят за дыханием, то в известном смысле уже должны нести в себе нечто болезненное. Чем естественнее - хотелось бы сказать - процесс дыхания разыгрывается в нашей жизни, тем правильнее это для обычного сознания и для обычной жизни. Но йог преобразовывал процесс дыхания во время своего упражнения, которым он хотел развить силы сознания, лишь дремлющие в обычном сознании. Почему он это делал? Он преобразовывал его так, что затрачивал иное время на вдох, задержку дыхания и выдох, чем делают при обычном естественном дыхании. Он делал это для того, чтобы довести дыхательный процесс до сознания. Обычный ритм дыхания не становится сознательным. Преобразованный дыхательный ритм, установленный в своей деятельности из человеческого произвола, протекает совершенно сознательно. Но что происходит благодаря этому? Ну, если хотят понять, чего достигал йог путем доведения до сознания своего процесса дыхания, то нужно лишь выразиться физиологически, пожалуй несколько популярно, не вполне научно. Когда мы вдыхаем, то дыхательный порыв входит в наш организм но он входит также в человеческий мозг через канал спинного мозга. Там ритм дыхательного течения соединяется с теми процессами, которые являются материальными носителями мыслительной жизни, с процессами в чувствительных нервах. Когда мы живем в обычном мышлении, мы собственно никогда не имеем просто нервно-чувствительных процессов, а всегда нервно-чувствительные процессы, пронизанные нашим дыхательным ритмом. Когда мы предоставляем течь нашей мыслительной жизни, то всегда происходит объединение, взаимодействие, гармонизация нервно-чувствительных процессов и процессов дыхательного ритма. Теперь когда йог совершенно сознательным образом посылал свой измененный дыхательный ритм в нервно-чувствительный процесс, то и для своего сознания он связывал дыхательный ритм с мыслительным ритмом, с логическим ритмом, если можно так сказать, или лучше сказать: с логическим составлением и анализом мыслей. Этим он изменял всю свою мыслительную жизнь. В каком направлении он её изменял? Так вот, именно потому, что дыхательный процесс становился для него вполне сознательным, мысли пронизывали теперь его организм в известной мере так же, как сам поток дыхания. Хотелось бы сказать, йог предоставлял мыслям течь с

потоками дыхания, и во внутреннем ритме своего человеческого существа он чувствовал себя наполненным живущими в потоках дыхания мыслями. Посредством этого ученый - йог выделялся из остальной массы людей и мог возвещать этой массе познания, которые она сама не могла иметь. Чтобы понять, чем собственно это было, нужно немного рассмотреть особый способ, на который я впрочем уже указывал, каким более древние познания действовали в обычном, популярном сознании человеческих масс.

Мы, многоуважаемые присутствующие, придаем наибольшее значение тому, чтобы, когда мы взираем на внешний мир, видеть чистые цвета, когда мы слышим звуки, слышать чистые звуки, и точно так же остальные восприятия принимать в известной чистоте, то есть в той чистоте, в какой они могут быть даны просто чувственными процессами. Для сознания более древних культурных людей это было не так. Не то, чтобы, как часто ошибочно думает некоторая ученость, люди более древних времен всячески фантазировали природу: фантазия не была так уж крайне деятельна; но по всей конституции человека того времени этому более древнему культурному человечеству было совершенно естественно видеть не просто чистые цветовые явления, чистые звуковые явления, чистые другие чувственные качества, но во всём одновременно воспринимать душевно-духовное. Так в Солнце и Луне, в звёздах, в ветре и грозе, в источнике и реке, в существах отдельных царств природы видели духовно-душевное, как мы сегодня видим чистые цвета, слышим чистые звуки, которые затем мы лишь стараемся познать в их взаимосвязи с помощью ставшего чистым мышления. Тем самым однако для более древнего человечества было дано ещё другое. Было дано то, что тогда не было такого сильного, внутренне укрепленного самосознания, как мы имеем сегодня. Воспринимая духовно-душевное во всех вещах окружающего мира, человек воспринимал себя самого как члена всего этого окружающего мира. Если бы я хотел говорить с помощью сравнений, то мог бы сказать: Если бы моя рука имела сознание, то как думала бы она о самой себе? Она говорила бы себе, что она не есть самостоятельное существо и имеет смысл только в моём организме. Примерно так же более древний человек не мог считать себя самостоятельным существом, а только членом всей природы, которую он однако должен был считать одухотворенной, одушевленной.

Йог поднимался из этого воззрения, которое обуславливало несамостоятельность человеческого я. Благодаря тому, что он связывал известным образом своё мышление с процессом дыхания, заполнявшим всё внутреннее существо человека, он приходил к постижению человеческой личности, человеческого я. То, что для нас сегодня - хотелось бы сказать - является само собой разумеющимся благодаря унаследованным свойствам,

благодаря воспитанию, если мы взрослые, то, что мы чувствуем себя личностью, я, в те древние времена этого приходилось добиваться окольным путем посредством упражнений. Благодаря этому, однако, от переживания личности, я, имели нечто совершенно иное, чем мы имеем сегодня. Совсем не одно и то же, принимают ли нечто как естественное переживание - а для нас чувство я, чувство личности есть естественное переживание - или его

добиваются лишь такими путями, путями познания, как это было для более древней восточной культуры. Тогда живут с тем, что действует, сплетается и творит во вселенной, тогда как при переживании того же уже на определенном уровне от Вселенной больше ничего не сопереживают. Итак йогой посредством его упражнений открывалась человеческая личность, человеческое я, человеческое душевное существо. И мы можем сказать: когда затем то, что могло быть найдено на этом пути познания, перешло как откровение в общее культурное сознание, оно стало содержанием важнейших духовных произведений более древних времен.

Я опять хочу выделить из многого одно. Из древнего Востока чудесно сияет великолепная песнь Бхагавадгита. В этой Гите из глубочайшей человеческой лирики чудесно описаны переживания человеческой личности, как эта личность человека, когда она познаётся в переживании, познавательно переживается, ведёт к сочувствию ко всему; как она открывает ему его собственную человечность и её связь с высшим миром, с духовный сверхчувственным миром. Во всё новых чудесных тонах описывает Гита это переживание собственной личности в её отдаче Вселенной. Для того, кто - как сказано - способен углубиться в эти древние времена с психологическим рассмотрением истории, для того ясно, что великолепные звучания Гиты произошли из того, что могло быть пережито посредством таких упражнений, какие я описал.

Многоуважаемые присутствующие, для более древней восточной культурной эпохи такой путь познания был уместен. Тогда было общечеловеческим убеждением, что если хотят иметь связь со сверхчувственными мирами, то должны удалиться в известное одиночество и отшельничество. И тот, кто делал такие упражнения, в известном отношении осуждал себя на одиночество, отшельничество; потому что эти упражнения приводили человека к известной чувствительности, они делали его сверхчувствительным по отношению к сильно действующему внешнему миру. Он должен был устраняться от жизни. Именно такие одинокие люди в более древние времена находили доверие у своих современников. То, что они говорили, принимали как представления познания. Сегодня это больше не соответствует нашей культуре. Сегодняшнее человечество с правом требует, чтоб тот, к кому оно должно иметь доверие, как к познающему, находился сред жизни, чтобы он мог воспринимать с сильно действующей жизнью, с человеческим трудом и человеческой деятельностью, как это диктует требование времени. С тем, кто должен устраняться от жизни, сегодняшнее человечество как раз не чувствует себя связанным таким же образом, как человечество более древних культурных эпох. Кто основательно обдумает это, тот должен сказать себе - Сегодняшние пути познания должны быть иными - и мы должны будем сразу после этого говорить о таких путях. Прежде я хотел бы, однако, опять только для взаимопонимания, не потому что я хотел бы, например, рекомендовать его какому-либо человеку современности, описать в принципе путь, который равным образом соответствовал более древним временам, путь аскезы.

На этот путь аскезы становились посредством того, что парализовали, подавляли телесные процессы, телесные требования, так что человеческое тело

действовало не таким сильным образом, как в нормальной жизни. Телесные функции парализовали также тем, что приводили человеческий внешний физический организм в мучительные состояния. Всё это, многоуважаемые присутствующие, приводило тех, кто вступал на этот аскетический путь, к некоторым человеческим переживаниям, которые были переживаниями вполне познавательными. Я, конечно, не хочу сказать, чтобы для здорового человеческого организма, посредством которого мы вродены в земную жизнь между рождением и смертью, было правильно подавлять его, когда дело идет о том, чтобы деятельно участвовать этим организмом в обычной жизни. Этот здоровый организм вполне соответствует внешней чувственной природе, которая ведь несет человеческую жизнь между рождением и смертью человека. При этом тем не менее остаётся верным то, что древние аскеты, которые подавляли эту организацию, приходили к тому, чтобы чисто переживать тогда своё душевное и осознавать себя со своим душевным находящимися в духовном мире. Наш физически-чувственный организм именно потому соответствует жизни между рождением и смертью, что он, как могли показать как раз переживания аскетов, скрывает от нас духовный мир. И простым переживанием древних аскетов было то, что путем подавления жизненных функций они могли вступать в духовные миры. Это опять не путь для современности. И тот, кто таким образом подавляет свой организм, делает себя негодным для деятельности среди своих современников и также для самого себя. Сегодняшняя жизнь требует людей, которые не устранились от неё, которые сохраняют своё здоровье или, когда оно ослаблено, даже усиливают его, а не людей, которые устранились от жизни. Последние не могли бы заслуживать доверия просто по настроению нашей современности. Поэтому этот путь аскезы, который однако в более древние времена непременно вёл к познаниям, не может быть сегодняшним путем.

Тем не менее, многоуважаемые слушатели, как то, что оставил путь Йоги, так и то, что доставил аскетический путь из познаний о сверхчувственном мире, сохранено в древних - хотелось бы сказать - священных традициях и воспринимается сегодня человечеством как удовлетворяющее определенным душевным потребностям. И не спрашивают о том, как то, что принимают как представления веры, было найдено на настоящем, хотя и не соответствующим нашему сегодняшнему времени пути познания.

Сегодняшний путь познания должен быть именно совершенно другим. Мы видели: один путь, путь Йоги, пытался известным образом окольным путем через дыхание прийти к мышлению, чтобы переживать это мышление иным образом, чем оно воспринималось в обычной жизни. По уже приведенным основаниям мы не можем проделывать этот окольный путь через дыхание. Поэтому мы должны попытаться другим способом прийти к преобразованию мышления, чтобы с помощью преобразованного мышления достигнуть познаний, которые являются своего рода продолжением естествознания. Поэтому, если мы правильно себя понимаем, мы исходим сегодня из того, чтобы не перерабатывать мышление на окольном пути дыхания, но перерабатывать его непосредственно, делая определенные упражнения, посредством которых мы формируем мышление внутренне более сильным, энергичным, чем в обычном сознании. В обычном

сознании мы отдаемся более пассивному мышлению, которое придерживается хода внешних процессов. Когда мы хотим идти по более новому сверхчувственному пути познания, тогда мы ставим в центре своего сознания определенные, легко обозримые представления; мы остаёмся внутри простой мысли. Я знаю, что то, что я сейчас буду описывать, иные люди находят уже в более позднем пути Йоги, например, в пути Патанджали, но так, как это сегодня делается, это ещё совсем не содержится в восточном духовном обучении, не содержится потому, что даже когда сегодня человек выполняет упражнения Йоги, из-за изменений, которые проделал человеческий организм, они действуют иначе, чем они действовали на людей прежних эпох.

Сегодня мы, следовательно, обращаемся непосредственно к мышлению, и притом таким образом, что мы ведем медитацию, что мы сосредоточиваемся на определенном мысленном содержании в течении длительного времени. Мы душевно проделываем нечто такое, что можно сравнить с усилением мускула. Когда мы все снова и снова употребляем мускул в продолжительной работе, совершенно безразлично для каких целей служит эта работа, он должен усиливаться. То же самое мы можем делать с мышлением. Вместо того, чтобы всё время лишь отдаваться мышлением ходу внешних процессов, мощным усилием воли мы ставим в центр нашего сознания полученные нами самими или данные кем-либо знающим в этой области обозримые понятия, в которых не могут жить никакие несознаваемые нами отголоски воспоминания, исключаем всё остальное сознание, сосредоточиваемся лишь на одном таком содержании сознания. Я хотел бы воспользоваться одним гётевским словом Фауста: Хотя это и легко - это выглядит именно лишь так - тем не менее лёгкое трудно; так как для одного это должно выполняться неделями, для другого месяцами и т.д. Если тогда сознание научается всё снова и снова покоиться на одном и том же мысленном содержании так, что оно совершенно безразлично, обращают всё внутреннее внимание и всё внутреннее переживание на усиление, на душевную активизацию мыслительной жизни, тогда мы достигаем наконец процесса, противоположного тому, который проделывал йог. А именно, мы отрываем наше мышление от всего процесса дыхания. Многоуважаемые присутствующие, это кажется сегодня человеку ещё чем-то абсурдным, чем-то фантастическим; но именно так же, как йог в известном смысле загонял своё мышление внутрь тела, чтобы связать его с ритмом своего телесного дыхания и таким образом пережить свою личность, свою внутреннюю духовность, так мы отрываем мышление от остатка процесса дыхания, который бессознательно живет во всём нашем обычном мышлении. Более точные упражнения во всех подробностях, которые представляют строгую точную систему, Вы найдете описанными в моей книге "Как достигнуть познаний высших миров" или в другой: "Тайная наука" – (Тайноведение), или также в "Загадках души", или в других моих работах. На этом пути постепенно достигают не только извлечения мыслительного процесса из процесса дыхания, но и полного освобождения его от телесности. Только теперь видно, какую большую услугу человечеству оказало так называемое материалистическое, лучше сказать механистическое мировоззрение. Оно обратило наше внимание на то, что обычное мышление имеет в основе телесные процессы. Именно

благодаря этому может прийти побуждение искать мышление, которое больше не покоится на телесных процессах. Но оно может быть найдено только тогда, когда обычное мышление усиливается описанным образом. Посредством этого мы достигаем свободного от тела мышления, мышления, заключающегося в чисто душевных процессах. Да, таким образом то, чем была в нас образная природа, мы узнаём сначала как образы, но как образы, которые обнаруживают нам самостоятельную, независимую от нашей телесности жизнь.

Это, многоуважаемые присутствующие, есть первый шаг к пути познания, который соответствует сегодня современному человеку. Но благодаря этому мы достигаем переживания, которое скрыто от обычного сознания. Как индийский йог был связан в своём мышлении с тем, что было внутренним ритмом дыхания и через него также со своей духовной индивидуальностью, живущей в ритме дыхания, точно так же, как он, следовательно, вступал внутрь, так мы выходим наружу, переживаем себя, освобождая логическое мышление от организма, с которым оно собственно связано как логическое мышление, мы устремляемся с этим мышлением во внешний ритм мира, да, только теперь мы испытываем, что существует такой внешний ритм. Как йог вносил в сознание внутренний ритм своего тела, так духовным образом в наше сознание входит внешний мировой ритм. Выражаясь образно: в обычном сознании мы стоим так, что логически составляем наши мысли и таким образом употребляем мышление как средство познания внешнего чувственного мира; теперь мы даём мышлению входить в своего рода музыкальный элемент, который однако совершенно представляет собой элемент познания; мы замечаем некий ритм, который является духовным ритмом в основе всех вещей; мы проникаем в мир, начиная воспринимать его в духе. Наше мышление из абстрактного, мертвого, просто образного становится оживленным в самом себе. Это значительный переход, который может быть проделан от абстрактного, просто логического мышления к живому мышлению, от которого мы имеем уверенное чувство, что оно способно создавать реальность, как процесс нашего роста познается нами в живой реальности.

Но с этим живым мышлением можно глубже проникнуть в природу, чем с помощью обыкновенного мышления. Как? Я хотел бы наглядно пояснить это на одном примере, взятом из сегодняшней жизни, хотя и многократно оспаривавшемся. Наблюдая и экспериментируя, мы направляем нашу абстрактную мыслительную жизнь, например, на высшее животное. Мы внутренне образно уясняем себе посредством этого мышления, какова форма органов этого животного, костная система, мышечная система и т.д., как протекают жизненные процессы. Мы создаем себе мысленный образ этого животного. Затем мы с тем же мышлением переходим к человеку, снова внутренне создаем себе мысленный образ этого человека, снова уясняем себе форму его костной системы, его мышечной системы, взаимосвязь его жизненных процессов и т.д. и т.д. Тогда мы можем внешне сравнить друг с другом те мысленные образы, которые мы получили в одном и в другом случаях. Если мы имеем более дарвинистские склонности, то мы предоставляем человеку развиваться из животных предков в реально-чувственном процессе; если мы имеем более духовно-идеалистические склонности, то мы представляем себе родство

иным образом. В это мы не хотим сейчас входить; что, однако, важно, так это то, что если мы создали себе образ животного, то нашим абстрактным, мёртвым мышлением мы не в состоянии перейти к образу человека из внутренней мыслительной жизни; мыслительной жизнью мы должны только подойти к внешней чувственной действительности человека, должны получить идеи, мысленные образы чувственных реальностей и тогда можем их сравнивать друг с другом. Когда же мы достигли живого мышления, тогда, многоуважаемые присутствующие, мы можем также образовать мысленный образ, но живой мысленный образ костной системы, мышечной системы, взаимосвязи жизненных процессов в животном, и затем мы можем, потому что теперь наша мысль стала живой, внутренне проследить эти мысли как живое образование и в самих мыслях перейти к образу человека. Я хотел бы сказать, мысль о животном вырастает в мысль о человеке. Как это делают, я могу указать лишь на примере: Когда мы имеем перед собой магнитную стрелку, то мы знаем, что она, будучи намагниченной, остаётся в покое лишь в одном положении, а именно тогда, когда её направление совпадает с магнитным направлением север - юг Земли; относительно всех остальных направлений магнитная игла ведет себя нейтрально, а это направление особенно выделяется. Всё то, что мы имеем перед собой в этом примере, становится для живого мышления переживанием по отношению ко всему пространству. Для живого мышления пространство больше не является безразличным расположением рядом друг с другом, как для абстрактного мёртвого мышления. Пространство внутренне дифференцировано, и мы научаемся распознавать, что значит, что у животного спинной хребет идёт в основном горизонтально. Где это не так, мы можем именно из более глубокой закономерности указать ненормальность как особенно значимую; но в основном линия спинного хребта животного лежит в горизонтальном направлении - хотелось бы сказать - параллельно земной поверхности. Так вот, не безразлично, лежит ли линия спинного хребта в этом направлении пространства или в вертикальном направлении, к которому поднимается человек в ходе своей жизни. Так, как мы узнаём живым мышлением, если направить главную линию животного вертикально, если привести её в другое направление мирового пространства, то придется преобразовать все остальные органы. Мысль оживает просто благодаря повороту на 90 градусов из горизонтального в вертикальное положение, так по внутреннему побуждению мы переходим от животной формы к человеческой.

Но таким образом, погружаясь сначала в ритм природных процессов и через них приходя к лежащему в основе природы духовному, мы проникаем дальше внутрь природных процессов. Мы достигаем того, чтобы в наших живых мыслях иметь нечто, с помощью чего мы погружаемся в рост и становление внешнего мира; мы снова проникаем в тайны бытия, из которых мы исключили себя в ходе развития человечества посредством раскрытия самосознания, чувства личности.

Теперь, многоуважаемые присутствующие, каждый из Вас может сделать очень важное возражение. Можно, например, сказать: Да, такое мышление, которое казалось живым, некоторые личности имели, и современность с её серьёзным исследовательским образом мыслей правильно отвернулась от такого

живого мышления, какое раскрыли, например, философ Шеллинг или натурфилософ Окен. Я также полностью оправдываю того, кто сделает такое возражение; так как род и способ, которыми Окен и Шеллинг делали внутренние живыми полученные из внешних процессов и существ образные идеи и применяли их затем к другим природным фактам и существам, чтобы таким образом так сказать заглядывать в смысл природы, этот род имеет нечто очень фантастическое, нечто от того что удаляет от реальности, что не вдыхает в себя действительность. До тех пор, пока на пути познания не перейдут с этим живым мышлением к некоторому иному элементу, чем этот, до тех пор не придут также с этим живым мышлением к ручательству за действительность. Лишь тогда, когда к упражнению мышления присоединяют упражнение воли, приходят к тому, чтобы с живыми мыслями иметь ручательство духовной действительности. Упражнение воли можно охарактеризовать следующим образом.

Будем вполне честны с самими собой. В обычной жизни мы должны говорить себе - если мы подумаем о том, что было десять лет, двадцать лет назад, то в собственном содержании нашей душевной жизни мы стали во многом другими людьми; но мы стали ими, более или менее пассивно оставаясь детьми унаследованным свойствам окружения, воспитания; в позднейшей жизни - самой этой жизни. Тот, кто хочет достигнуть познания духовной действительности, должен то, что, конечно не в полном смысле слова, но более или менее - я это особенно подчеркивал - пассивно переживается во внутреннем воспитании воли, дисциплинировании воли, он должен, грубо выражаясь, взять это в собственные руки. Вы снова найдете описание соответствующих упражнений, которые являются интимными душевными упражнениями, в названных книгах. Я хотел бы лишь принципиально указать в чем здесь дело. Так же, как сегодня мы имеем определенные привычки, которые десять лет назад мы может быть ещё не имели, потому что только жизнь навязала их нам, так мы можем с прочным внутренним убеждением решить для себя: Ты напечатлеваешь себе то или иное свойство характера. Лучше всего воспитывать такие свойства характера, для формирования которых нужно годами работать над собой, так что нужно то и дело направлять внимание на то усиление воли, которое связано с таким самовоспитанием. Когда таким образом человек берёт в собственные руки развитие своей воли, так что действительно отчасти делает из себя самого то, что иначе мир делает из человека, тогда живые мысли, в которых человек находится благодаря медитации и концентрации, воспринимают для нашего переживания нечто особенное. Именно, они становятся всё больше и больше переживаниями, приносящими страдания, внутренними душевными переживаниями боли. И в общем никто не может прийти к высшим познаниям, не пройдя через эти переживания боли и страдания. Через эти переживания боли и страдания нужно пройти и затем преодолеть их, так что их известным образом включают в себя и выходят за них, чтобы достигнуть снова нейтрального отношения к ним. То, что происходит тогда в человеке, можно представить себе так: Возьмите человеческий глаз - то, что я говорю, можно было бы изложить во всех подробностях строго научно; я могу, однако, указать лишь в общем - возьмите глаз! Когда на него действует свет, цвета, в физическом внутреннем глаза

происходят изменения. Если бы мы не были так сильны - более древнее человечество определенно ощущало эти изменения как боль, как легкое страдание - то и эти изменения в глазу, в ухе, когда мы, так сказать, не относимся к ним нейтрально благодаря нашей организации, мы должны были бы переживать как легкую боль. Всякое чувственное восприятие строится в основе своей на боли и страдании. Пронизывая всю свою душевную жизнь описанным образом болезненно, со страданием живыми мыслями, мы не пронизываем тело болью и страданием таким же образом, как аскет; мы оставляем его здоровым, оставляем его развитым в соответствии с требованиями обычной жизни, но внутренне интимно мы переживаем в душе боль и страдание. Тот, многоуважаемые присутствующие, - это можно привлечь для сравнения - кто немного приобщился к высшему познанию, тот всегда скажет Вам: То, что жизненная судьба принесла мне как удовольствие и радость, я с благодарностью принимаю от своей судьбы: но своим познанием я обязан тому, что я выстрадал - моей боли, моим страданиям. Так ищущего познаний жизнь в известном отношении подготавливает уже тем, что часть своего истинного пути высшего познания он должен проделывать посредством преодоления страданий и боли: так как, преодолев это страдание, эту боль, мы превращаем всё наше душевное существо в некий - если можно так выразиться для сравнения, хотя это сюда не относится - орган чувства, собственно следует сказать, орган духа, орган души. И теперь мы научаемся заглядывать в духовный мир, так же, как с помощью наших обычных чувств мы заглядываем, вслушиваемся в физический мир. Мне не нужно сегодня говорить о теоретико-познавательных соображениях. Я, конечно, знаю возражение, что и внешний способ познания должен быть сначала исследован; но сегодня это нас не касается. Я хочу только сказать, что в том же смысле, в каком мы в обычной жизни находим достоверным внешний физический мир посредством наших чувственных восприятий, так же после преодоления душевной боли своим душевным, духовным органом, которым мы стали как весь душевный человек, мы находим достоверным духовный мир.

Многоуважаемые присутствующие, этим видением, которое в противоположность всем древним ясновидческим искусствам, принадлежащим прошлому, я хотел бы назвать современным точным ясновидением - мы можем проникнуть также в то, чем является вечное человеческое существо, мы можем точным образом проникнуть в значение человеческого бессмертия. Но это должно быть оставлено для завтрашней лекции, в которой я должен буду говорить об особом отношении этого мировоззрения к вопросам души человека. Сегодня я хотел показать, как в противоположность более древним путям познания человек может достигнуть современного сверхчувственного пути познания. Йог старался проникнуть внутрь человеческого существа к личности; мы стараемся проникнуть наружу в ритм мира. Древний аскет заглушал тело для того, чтобы каким-то образом выжать душевно-духовное и пребывать в нём для себя; современный путь познания не склонен к аскезе, отказывается от всяческих искусств умерщвления плоти, интимно обращается к самой душевной жизни. Он оставляет, следовательно, человека полностью в жизни, тогда как древние аскетический путь и путь Йоги изымали человека из жизни. Итак, я попытался

описать Вам сегодня путь, который можно проделать посредством того, что развивают дремлющие в душе силы познания более духовно-душевым познавательным путем по сравнению с тем, как они некогда развивались. Но таким образом - на это я хочу в заключение указать — глубже проникают в сущность природы. То мировоззрение, о котором я здесь говорю, не находится ни в какой оппозиции к естествознанию современности; напротив, оно принимает именно то, чем является настоящий исследовательский образ мыслей в этом естественнонаучном исследовании и развивает его посредством своих упражнений в качестве собственной человеческой способности. Видите ли, многоуважаемые присутствующие, сегодняшнее естествознание ищет точности и чувствует себя особенно удовлетворенным, когда может искать её путем применения математики к природным процессам. Почему это так? Потому, что восприятия, которые даёт нам внешняя природа через чувства в наблюдении и эксперименте, безусловно находятся вне нас. Мы проникаем в них чем-то таким, что мы создаём целиком и полностью в нашем наивнутреннейшем человеческом существе, мы проникаем в них математическими познаниями.

И естественнонаучно мыслящими часто произносятся, но ещё чаще - хотелось бы сказать - используются слова Канта: В каждом настоящем познании лишь столько науки, сколько в нём математики. Если берут обыкновенную математику, то это односторонне: но когда её применяют к природным явлениям, к безжизненным природным явлениям - сегодня уже даже видят некий идеал, например, в том, чтобы суметь сосчитать хромосомы в клеточных ядрах, - то обнаруживается, что чувствуют себя удовлетворенно когда то, что в остальном находится рядом или перед нами, могут пронизать математикой. Почему? Потому что математика переживается во внутреннем в её непосредственной достоверности; потому что она есть нечто такое, что мы хотя часто и должны бываем символизировать с помощью рисунков, но рисунки не существенны для достоверности, для истинности. Математическое видится и находится внутренне, и то, что мы нашли интимно внутренне, мы связываем с внешне увиденным. Поэтому мы чувствуем себя удовлетворенными. Тот, кто понимает этот процесс познания в его целостности, должен сказать себе: Познавательно удовлетворять человека, вести к науке может лишь то, что основано на чем-то таком, что он действительно может пережить, увидеть силами своего внутреннего. С помощью математики проникают в факты и в сущностные структуры безжизненного мира, самое большее - хотелось бы сказать несколько примитивно - в оживленный мир. Но если хотят проникнуть в высшие образы действия внешнего мира, то необходимо столь же точное внутреннее воззрение, как математическое. Сама геккелевская школа в лице одного из её самых выдающихся представителей выразительно признала, что когда хотят перейти от неорганического к органическому природы, то должны проникнуть к совершенно иному способу исследования и рассмотрения. Для неорганического имеют математику, геометрию; для органического, для живого сначала не имеют ничего, что внутренне сформировано так же, как треугольник, как круг, как эллипс. К этому проникают живым мышлением. Но тем самым живым мышлением проникают также к другой математике, не к обычной математике цифр и фигур, а к высшему

матезису, к воззрению, которое качественно, которое действует формирующе, которое - хотя я выскажу этим нечто ужасное для многих, я всё же должен сказать - которое переходит в художественное. Проникая такой математикой в миры, в которые мы иначе не можем проникнуть, мы распространяем естественнонаучный образ мыслей на биологическую область. И можно быть уверенным, что некогда наступит эпоха, когда будут говорить: в прежние времена правильно подчеркивали, что из неорганической природы можно получить столько науки, насколько к ней можно подступиться с математикой в широчайшем смысле, поскольку математика количественна. В жизненных процессах можно получить столько науки, насколько способны проникнуть в них внутренне живым формированием мыслей, точным ясновидением. Совсем не подозревают, насколько в действительности этот современный род ясновидения близок именно математическому созерцанию, и некогда, когда увидят как из духа современного естествознания здесь должно будет получиться духовное познание, именно из этой области современное познание природы найдет оправданной подразумеваемую здесь духовную науку; так как она не хочет вступать в какую-либо оппозицию к значительным, замечательным результатам естествознания. Точно так же, как когда мы имеем перед собой человека, мы можем видеть внешними чувствами его чувственную форму, его жесты, его мимику, своеобразный взгляд его глаз, но когда мы познаём таким образом внешнее человека, если мы не хотим через всё это понять душевное в нём, посредством чего мы впервые получим целого человека, точно так же, не идя по духовным путям, с помощью естествознания мы видим только внешнюю физиономию мира, только - хотелось бы сказать - жесты мира, мимику мира. Лишь тогда познаём мы нечто от того, чему мы сами родственны, как вечному этого мира, когда мы проникаем за эту внешнюю физиономию, даваемую нам природными явлениями, за эту мимику и жесты в душевное мира. Этого, многоуважаемые присутствующие, хотело бы то духовнонаучное воззрение, методы которого я прежде всего хотел Вам сегодня предварительно описать. Оно не хотело бы быть противником триумфального современного естествознания, оно хотело бы полностью принимать его в его значении и сущности, как полностью принимают внешнего человека. Но оно хотело бы так же, как через внешнего человек проницательно смотрят на душевное, через законы природы, не по-диллетантски и профански, но с серьёзным настроением проникнуть через физиономию законов природы к тому, что как духовное, как душевное лежит в основе мира. И таким образом это духовнонаучное воззрение не хотело бы как-либо затрагивать естествознание, создавать какую-нибудь вражду с ним, но хотело бы быть душой, духом этого естествознания.

Вена - 2.VI.1922.

Антропософия и психология

Многоуважаемые присутствующие! Когда загадки жизни касаются самой человеческой души, то они становятся не только великими жизненными

вопросами, но в интимном смысле становятся самой жизнью. Они становятся счастьем или страданием бытия человека, и не просто преходящим счастьем или страданием, но счастьем или страданием, которые человек из-за определенной длительности обычно должен пронести через жизнь, так что вследствие этого переживания счастья или страдания он становится сильным или слабым для жизни. Человек стоит перед собственной душой так, что важнейшие вопросы бытия относительно души и её духовного существа встают собственно не потому, что он мог бы как-нибудь сомневаться в духовно-душевном своего собственного существа. Именно потому, что он должен видеть в этом духовном и душевном существе своё настоящее значение как человека и своё достоинство как человека, вопрос о мировой судьбе своей души становится для него великой, могущественной загадкой бытия. Отрицать духовное в самом человеке нормально не приходит в голову и строжайшему материалисту. Он будет признавать духовное как таковое, только считая его неким результатом физических материальных процессов. Но тот, кто без такой теории, просто из глубочайших ощущаемых потребностей своей души, спрашивает о судьбе этой душевной личности, тот найдет себя поставленным в жизни перед громадной суммой явлений, опытов, которые становятся для него загадочными вопросами именно потому, что он полностью сознаёт свою душевно-духовную жизнь и должен спрашивать: Представляет ли эта духовно-душевная жизнь преходящее дуновение, возникающее из физического бытия и снова возвращающееся с ним в общий мир природных фактов, или же это духовно-душевное связано с самим духовно-душевым миром, в котором оно имеет вечное значение?

Из многих переживаний душевного, которые подступают к человеку и ставят перед его духовным оком загадочные вопросы души, я хотел бы выхватить только два.

Можно сказать: Пожалуй для немногих людей эти переживания будут настолько навязчивы, что они превращают их в сознательные или слишком теоретические душевные вопросы. Это, однако, совсем и не важно. Важно то, что такие переживания захватывают именно подсознательные или бессознательные области души, фиксируются в них и устремляются в сознание лишь как общее душевное настроение или также раздражение, как то, что делает нас подавленными; так что мы нигде не в состоянии правильно найти самих себя в жизни или также надлежащим для себя образом понимать эту жизнь. Как сказано, я хотел бы подчеркнуть лишь два из этих переживаний.

Одно выступает перед душевным оком человека каждый вечер, когда он засыпает, когда то, что во время бодрственной дневной жизни вздымается и волнуется в душевном переживании, как погашенное погружается в бессознательное. Потому что, когда человек смотрит на это переживание или, как бывает у большинства людей, - когда в его душе действуют бессознательные ощущения этого переживания, тогда им овладевает как бы бессилие этой душевной жизни по отношению к ходу внешних мировых событий. И именно потому, что в душевной жизни человек видит своё самое ценное, самое достойное, потому что он не может отрицать, что он в настоящем смысле слова есть именно духовно-душевное существо, поэтому то, что он так ощущает как

бессилие душевной жизни, изнутри не даёт ему покоя, и он должен спрашивать себя: Неужели, когда человек проходит через врата смерти, общее природное свершение вступает во владение также и душевными переживаниями, как это общее природное свершение каждый раз вступает во владение ими при засыпании? Хотелось бы сказать: Одно переживание есть бессилие душевной жизни. Другое переживание известным образом полярно противоположно первому. Мы чувствуем более или менее определенно или неопределенно, сознательно или бессознательно, когда мы при пробуждении, может быть после прохождения через фантастически-хаотический, не согласующийся с действительностью мир сновидений, погружаемся в свою телесность тем, что мы чувствуем и переживаем как своё духовно-душевное. Мы ощущаем тогда, как это духовно-душевное охватывает наши чувства, как посредством взаимосвязей между внешним миром и нашими чувствами, которые имеют физически-физиологическую природу, мы осуществляем наше душевное переживание. Мы ощущаем, как это духовно-душевное глубже погружается в нашу телесность, как мы охватываем этим духовно-душевым наши органы воли и становимся тогда бодрствующим, разумным человеком, который может употреблять своё тело, свой организм. Но если мы теперь поразмыслим, то мы должны сказать себе: Несмотря на всю анатомию и физиологию, которые замечательным образом стремятся извне понять, анализировать телесные функции, смотря изнутри, мы, люди, посредством обыкновенного сознания сначала ничего не знаем о том, что за взаимосвязь имеется между нашим духовно-душевым и нашими телесными действиями. Если мы посмотрим на простейшее телесное действие, исходящее из воли, - поднятие руки, движение рукой, мы должны будем сказать себе: Сначала в нас находится представление, мысль об этом поднятии руки, движении рукой. Но как эта мысль, это представление вливается в наш организм, как она вмещивается в нашу мышечную систему, как наконец, происходит то, что мы вновь узнаём ведь только с помощью самого созерцания: что собственно там внутри происходит, это остаётся скрытым от обыкновенного сознания, точно так же, как в том удивительном механизме, который показывают нам физика и физиология, в человеческом глазе или в другом органе чувств, остаётся скрытым духовно-душевное, вмещивающееся в этот удивительный механизм.

Так, должны мы сказать, бессилие душевной жизни с одной стороны, ставящее перед нами загадку, так и темнота, в которую мы погружаемся своим духовно-душевым, когда мы чувствуем это духовно-душевное вливающимся в собственное тело, вот что очерчивает загадочный вопрос перед нами дальше. Мы должны сказать себе - конечно, большинство людей опять делает это не сознательно, но они ощущают его как настроение своей души. Это духовно-душевное в своей взаимосвязи с организмом как творческое нам неизвестно, оно неизвестно нам там, где оно именно в физической земной жизни внешне в бытии проявляет своё собственное назначение.

То, что таким образом переживает каждый наивный человек, в несколько изменённой форме проникает в психологию. Если бы нужно было научно объяснять род и способ, каким эти загадочные вопросы проскальзывают в науку, то конечно пришлось бы говорить много; но это можно сказать - может быть

несколько внешне - хотя бы таким образом. С одной стороны наука смотрит на душевное и спрашивает: В какой взаимосвязи находится это душевное с вещественным, с внешне телесным? Рассматривая, с другой стороны, вещественное, согласно всему тому, что имеет сказать внешнее естествознание об этом вещественном - а психология имеет в этом отношении долгую историю - одни придерживаются мнения, что душевное нужно представлять собственно как деятельную причину телесного; другие придерживаются мнения, что телесное нужно рассматривать как то, что собственно является там активным, а душевное лишь как своего рода действие телесного. Новейшие психологи или мыслители поняли неудовлетворительность обоих воззрений и установили поэтому странное воззрение о психофизическом параллелизме, согласно которому нельзя говорить, что телесное действует на душевное или душевное на телесное, а только что телесные процессы параллельны душевным, а душевные процессы - телесным. Всегда можно сказать, только какие душевные процессы сопровождают телесные или какие телесные сопровождают душевные. Но, многоуважаемые присутствующие, эта психология сама с одной стороны испытывает нечто вроде бессилия душевной жизни. Когда обычным сознанием пытаются понять эту душевную жизнь, так же и так, как она представляется психологу, то она имеет в себе нечто внутренне пассивное, нечто такое, что не могут считать активно вмешивающимся в телесную жизнь. Кто рассматривает душевную сущность мышления и чувствования - с волей дело обстоит так, что её нельзя понять; поэтому относительно воли для психологии в известном отношении справедливо то же самое, что и относительно мышления и чувствования - кто рассматривает это мышление и чувствование средствами психологии, тому оно выступает бессильным, так что он нигде не может найти чего-либо, что действительно могло бы активно вмешиваться в телесное. Тогда психолог ощущает там то, что можно было бы назвать бессилием душевной жизни для обычного сознания. Конечно, это чувство бессилия душевной жизни пытались преодолеть самым различным образом. Но борьба философов, превращения отдельных философских мировоззрений, всплывающие в ходе времени, дают неподвизтому наблюдателю фактическое доказательство того, насколько невозможно обычному сознанию подойти к этому душевному переживанию, потому что повсюду выступает чувство бессилия того душевного, которое может наблюдать как раз это обычное сознание.

Именно в отношении такого наблюдения душевной жизни обычным сознанием здесь в Вене появился ряд классических литературных трудов, представляющих как бы поворотные пункты в философском развитии. Хотя я ни в малейшей мере не согласен с содержанием этих книг, я думаю, что именно с точки зрения обычного сознания они чрезвычайно важны. Я имею в виду книгу "Целое философии и её конец" Рихарда Вале, которая должна была изобразить, как это обычное сознание не может прийти собственно ни к какому значительному результату относительно душевной жизни, как затем то, чего пытались достигнуть в этом направлении философское исследование, должно быть отдано теологии, физиологии, эстетике, социальной педагогике. И ещё более острым образом Рихард Вале затем изложил мысли этой книги в своём

"Механизме духовной жизни.

Мы можем сказать, что там действительно показано, что обычное сознание в основном бессильно высказать что-нибудь по вопросам душевной жизни. "Я" душевное единство, всё то, что вынесла на поверхность прежняя психология, всё распалось перед критикой, произведенной этим обычным сознанием против самого себя.

С другой стороны, в последнее время в психологии понятным, да, нужно сказать, необходимым образом пытались не прямо идти к душевному - для этого обычное сознание как раз бессильно, но узнать что-нибудь о том, что обычно называют душевными явлениями, окольным путем через телесные явления, которые проистекают из так называемого душевного. Так возникла экспериментальная психология. Она является вполне необходимым продуктом нашего современного мировоззрения и наших современных методов исследования. И тот, кто стоит на почве, с которой и я здесь сегодня говорю Вам, тот никогда не станет отрицать полной оправданности этой экспериментальной психологии. В частности он может быть не будет вполне согласен как с путями исследований, так и с их результатами; но оправданность этой экспериментальной психологии не должна отрицаться.

Но именно тогда возникает другая загадка души. Как бы много мы ни узнали о том, что может быть пережито человеческим телом посредством экспериментальной психологии, мы всё же должны сказать: Всё то, что таким образом изучается окольным путем через тело или также что мнимо изучается о чисто душевных функциях, всё же, если не хотят обманываться, познаётся ведь только окольным путем через тело. Всё это всё же принадлежит сфере, которая со смертью человека передаётся общим природным процессам, так что таким образом ничего нельзя узнать о духовно-душевном, мировая судьба которого так сильно, могущественно заботит человека. Итак, мы можем сказать: И для этой психологии известным образом вновь возникает великая загадка души.

И опять современный исследователь души, который долго жил и работал здесь в Вене, стал незабываемым всем тем, кто некогда здесь в Вене сидел перед ним на школьных скамьях, как я сам, выступающий перед Вами. Этот современный исследователь души высказал в первом томе своего оставшегося незаконченным труда по психологии: Что может принести нам вся психология, просвещающая нас - будь то (вставил бы я) на экспериментальном или неэкспериментальном пути - о том роде и способе, как связываются или разделяются представления, как действует внимание, как может быть возникает память в жизни между рождением и смертью и т.д., и т.д., если мы именно из-за научности этой психологии, которой хочет усердно добиваться естествознание, должны отказаться от познания того, какова судьба человеческой души, когда человеческое тело распадается на свои элементы. Это, многоуважаемые присутствующие, высказал не какой-нибудь фантазёр, а строгий мыслитель Франц Brentano, который сделал психологию основной задачей своей жизни и который хотел работать в психологии так, как это соответствует строгим научным методам нового времени. Тем не менее именно он поставил перед

современным миром таким образом, как я только что указал, загадку души как научно необходимую.

Из всего этого непредвзятый человек должен всё-таки сегодня сделать вывод. Вывод о том, что естественными методами мы можем идти в изучении человека до того пункта, до которого они сегодня разработаны, но что, когда мы с обычным сознанием - которое вполне оправдано для естествознания, как оно оправдано также для обычной жизни - подходим к душевному, мы с душевным не справляемся. И на этом основании, потому что у непредвзятого человека сегодня такое понимание должно возникнуть именно из научных основ, я выступаю перед Вами с точки зрения мировоззрения, которое говорит: Душевная жизнь как раз не может быть исследована теми душевными силами, которые открываются обычному сознанию, которые работают в обычной жизни и в обычной науке. В душе должны быть развиты другие душевные силы, которые для обычного сознания лишь более или менее дремлют в душе, или, если хотеть употребить научное выражение, являются латентными.

Когда хотят приобрести правильное отношение к такому пониманию жизни, тогда требуется конечно нечто такое, что сегодня у людей имеется - позвольте мне всё же сказать это - собственно лишь в небольшой мере. Требуется то, что я хотел бы назвать интеллектуальной скромностью. В жизни должен наступить момент, когда говорят себе: Я был маленьким ребенком, я развивал тогда душевную жизнь, которая была столь сумеречно сновидческой, что она и забылась как сновидение. Лишь постепенно из этой сновидческой детской душевной жизни всплыло то, что привело меня к возможности ориентироваться в жизни, включать свои мысли, импульсы чувств, решения воли в мировой ход, стать работоспособным человеком. Из неопределенной и недифференцированной, сплетенной с телом детской душевной жизни всплыли те переживания, которые мы имеем благодаря нашим унаследованным свойствам, которые затем развиваются с телесным ростом, которые мы имеем также благодаря принятому нами воспитанию. Тот, кто так в интеллектуальной скромности оглядывается на то, как он становился в этой земной жизни, не преминет также в известный момент своей жизни сказать себе: Почему это не должно продолжаться? Те душевные силы, которые для меня сегодня являются важнейшими, благодаря которым я ориентируюсь в жизни, благодаря которым я стал работоспособным человеком, были дремлющими во время моего детства. Почему в моей душе не могут также дремать силы, которые я могу дальше развить из неё? Нужно следовательно прийти к этому, следующему из интеллектуальной скромности выводу. Я называю это интеллектуальной скромностью на том основании, что человек склонен говорить: Форма сознания, которую я раз и навсегда имею как взрослый человек, является таковой нормального человека. То, что во внутренней душевной жизни хочет быть иным, чем это так называемое нормальное сознание, есть или фантастика, или галлюцинации, или видения, или что-то в этом роде. Мировоззрение, о котором я здесь говорю, исходит из совершенно здоровой душевной жизни и пытается развить из здоровой душевной жизни дремлющие силы, также и силы познания, которые затем становятся силами зрения в том смысле, в каком я вчера говорил о

силах точного зрения. Что надлежит предпринять тогда душе я вчера в известном смысле указал. Я указал также на мою книгу "Как достигнуть познаний высших миров", на мою "Тайную науку", - «Тайноведение», на "Загадки души" и т.д. Я указал на то, в чём находятся подробности тех душевных упражнений, которые, исходя из здоровой душевной жизни, возводят к такому развитию души, что она действительно приходит к роду духовного зрения, посредством которого она так же может смотреть в духовно-душевный мир, как посредством обычных органов чувств она может воспринимать физически-чувственный мир. В названных книгах Вы везде найдете первую часть; эта первая часть признается даже многими противниками мировоззрения, которое я здесь представляю, как нечто, могущее быть человеку вполне полезным. Дело в том, что посредством определенных упражнений интеллектуального, эмоционального, морального рода человек приводится к душевному и телесному расположению, которое может считаться вполне здоровым, которое стремится полностью к тому, чтобы человек мог также прийти во внутреннее бодрственное состояние по отношению ко всему тому, что, исходя из болезненной душевной жизни, ведёт к медиумизму, галлюцинациям и видениям. Так как всё, что возникает на этом пути, должно отвергаться настоящей психологией. Именно к видениям человек приходит не из душевного, а из-за того, что в его организме находятся болезненные образования. Точно так же к медиумизму. Всё это не имеет ничего общего со здоровой психологией и развитием души и само должно обсуждаться относительно своего значения с точки зрения этой здоровой психологии. Но противники находят сегодня фантастическими и вредными упражнения, которые представляют дальнейшее продолжение этих подготовительных и должны вызвать из души те силы мышления, чувствования и воли, которые, будучи развиты, так вводят затем человека в духовный мир, что он научается ориентироваться в нём, что он также может вступить в него со своей волей.

Вчера я уже говорил в виде указаний о том, как мы, как современные люди, посредством определенных упражнений прежде всего приходим к тому, чтобы вывести мышление из обычного состояния, в котором оно пассивно отдаётся явлениям внешнего мира, тому, что всплывает внутренне как воспоминания, что также связывается с внешним миром. Мы выходим за пределы этого мышления посредством того, что серьёзным, терпеливым и энергичным образом делаем упражнения в медитации, что мы делаем их всё снова и снова. В зависимости от задатков это длится у одного годы, у другого меньше; но каждый, когда достигает решающей точки, может заметить, как тогда его мышление из того, что я вчера назвал абстрактным, мёртвым мышлением, становится внутренне живым, внутренне живым мышлением, которое в состоянии сопереживать мировой ритм. Тогда вдумчивое понимание мира и жизни стремится к тому, чтобы вычаровать из души видения и галлюцинации, а к тому, чтобы с такой интенсивностью жить в представлениях, в мыслях, как иначе живут лишь в том, что даётся внешним чувствам. Вам, многоуважаемые присутствующие, нужно лишь честно сравнить жизненность, с которой мы живем в цветах, когда мы воспринимаем эти цвета глазом, в звуках, когда мы слышим звуки ухом, с бледностью мыслительного переживания в обычном сознании: посредством той активизации мыслительной

жизни, о которой я вчера говорил, мы постепенно делаем простую жизнь представлений, жизнь мыслей внутренне настолько интенсивной, как без этого жизнь внешних чувств. Современный человек, если он хочет познать духовное, не ищет следовательно, всплывающих галлюцинаций и видений; вполне разумным образом в самой мыслительной жизни, жизни представлений он стремится именно к идеалу - хотелось бы сказать - жизни внешних чувств в отношении их интенсивности и их образности. И если Вы как исследователь духа отдаётесь таким медитациям, как я охарактеризовал, то Вам нельзя как-либо зависеть от бессознательного или подсознательного, но то, что тогда происходит, - Вы можете перечитать упражнения, все они согласуются с тем, что я хочу сейчас охарактеризовать - всё то, что тогда выполняется при упражнениях в интимной душевной жизни, протекает так сознательно, так разумно, можно сказать, так точно, как в других случаях проходят только математические или геометрические построения. Поэтому можно сказать:

Здесь должны иметь дело не с древним туманным ясновидением, но с ясновидением, которое достигнуто посредством вполне сознательных душевных переживаний и душевных упражнений. Рассудительность при этом на каждом шагу такова, что то, что человек переживает и делает из самого себя, можно сравнить именно с тем, что иначе переживают в геометрической задаче. Иначе это упражнение не годится. Но тогда, когда современный человек приходит к такой жизни представлений, которая теперь активизирована, которая теперь также независима от дыхания, которая тогда однако свободна также от тела, которая представляет просто духовно-душевную функцию, по отношению к ней путем непосредственного восприятия знают: это мышление совершают не телесно, но в чисто духовно-душевном - тогда впервые он чувствует это мышление по сравнению с абстрактным мышлением как живое по сравнению с мёртвым. Точно так же, как если бы мёртвый организм мы внезапно нашли пробудившимся к жизни, переживаем мы, когда замечаем переход от обычного абстрактного мышления к живому мышлению. И это живое мышление, несмотря на то, что оно есть духовно-душевный процесс, не является таким линейным, ни таким плоским как обыкновенное абстрактное мышление. Оно внутренне насыщено и образно. И нечто зависит от этой образности.

В дальнейшем однако чрезвычайно многое зависит от того, что ту рассудительность, которую мы должны иметь во время упражнений, мы распространяем на момент, в который в нас наступает это оживлённое мышление, это образное мышление. Если в этот момент мы отдаёмся образам, к которым мы сами пробились, и верим, что в них мы уже находим реальности духовного рода, тогда мы не исследователи духа, тогда мы как раз фантасты. Ими мы конечно не должны стать; так как это не могло бы нам дать построенное на прочной основе мировоззрение современного человека. Только тогда, когда мы говорим себе: Мы достигли некоторого содержания душевной жизни, но это содержание является образным содержанием, это содержание говорит нам что-то о силах, действующих в нас самих, о том, что мы сами можем во внутреннем посредством своего собственного человеческого существа; только когда мы в полном смысле слова скажем себе: Это - обычно я называю его - имагинативное

познание не может дать нам сведений ни о каком внешнем мире, а также о том, чем являемся мы во внешнем мире; только если мы чувствуем себя в этом образном становлении, в этом плетении образов, если живя в нём мы познаём себя как силу: тогда мы стоим на правильной точке зрения по отношению к этому переживанию, тогда мы чувствуем себя в своей индивидуальности, тогда мы чувствуем себя как духовно-душевное существо вне тела; но мы чувствуем себя в своей индивидуальности именно лишь с внутренним образным характером своего существа.

И, многоуважаемые присутствующие, только когда мы затем имеем мужество продолжать упражнения до следующей ступени, тогда мы приходим к действительно духовному созерцанию. Эта следующая ступень должна состоять не только в том, чтобы определенные представления, которые мы легко обзираем - примерно так, как мы обзираем геометрические представления, относительно которых мы знаем, что в них не действует ничего бессознательного - ставить в центр своего сознания, чтобы на них укрепить свою душевную силу, но и в том, чтобы стать в состоянии рассудительно и произвольно удалять эти представления из своего сознания. Это, многоуважаемые присутствующие, при известных условиях представляет как раз трудную задачу. В обычной жизни забывание не представляет чего-либо трудного, как хорошо знает обычное сознание. Но если сначала, не вовлекая себя ни в какое самовнушение (при рассудительности это и не может иметь места), укрепили свою способность ставить в центр своего сознания определенные представления, тогда для того, чтобы снова удалить эти представления из сознания нужна большая сила, чем приходится употреблять в душевной жизни в других случаях. Но эту большую силу должны постепенно развить, чтобы так же, как сначала собрали всё внимание, всю внутреннюю душевную силу, силу душевного напряжения, чтобы покоиться на таких представлениях в состоянии медитации, должны прийти теперь к удалению из сознания этих представлений и вообще всех представлений по сознательному произволу. И по своей воле должно суметь наступить то, что можно было бы назвать "пустым сознанием". Что такое "пустое сознание" - даже лишь на несколько мгновений - это может сообразить тот, кто непредвзято подумает о том, что приходится испытать человеку с обычным сознанием, когда это сознание должно избегать чувственных впечатлений, должно избегать также представлений воспоминаний: если по каким-нибудь причинам человек лишается внешних впечатлений и воспоминаний, то он засыпает, то есть сознание погашается и затемняется. Должно наступить противоположное этому: совершенно разумное, сознательное бодрствование, несмотря на то, что по внутренней воле всё удалено из сознания.

Многоуважаемые присутствующие, если сначала душу так укрепили, а потом сделали пустой и удержали в сознательности, тогда точно так же, как для глаза выступают цвета, как для уха звуки, тогда для души, которая так подготовлена к этому, выступает окружающий духовный мир. Мы смотрим в духовный мир. Итак, мы можем сказать: Именно разумеющемуся здесь духовному исследованию вполне понятно, что для обычного сознания дух и душа не могут быть достижимы, да, что, как например для Рихарда Вале, должно

представляться правильным, что обычное сознание совсем не должно говорить о некоем я; так как всё то, что там тонет — хотелось бы сказать - как мрак относительно света и в обычной жизни собственно лишь обозначается словами, то всплывает только тогда, когда развиваются такие силы, которых обычно нет. Именно трезвое познание того, к чему способно обычное, привязанное к телу сознание, заставляет нас развивать в себе такие силы, которые одни только действительно могут открыть душу и дух.

Но если на этом пути хотят прийти к здоровой, а не к болезненной психологии, то при этом нужно принять во внимание ещё одно. Если Вы считаете болезненным медиумическое, визионарное, галлюцинационное, то дело обстоит так, что тот, кто подпадает такой болезненной душевной жизни, подпадает ей всем своим существом. Он становится единым - по крайней мере для хода своего душевного заболевания - с тем, что выступает как болезненная душевная жизнь. Это не так, когда проводятся такие упражнения, как здесь указывалось. Тот, кто таким образом становится исследователем души, тот правда оставляет своё физическое тело со способностями, которые в нём должны быть для обычной жизни, для обычной ориентации в жизни; он выходит из этого тела, учится видеть бестелесно имагинативно; он развивает видящее мышление, но ни на одно мгновение он не растворяется полностью в этом - когда я осмеливаюсь так назвать это, то делаю это не из высокомерия - в этом высшем человеке, но он всегда в состоянии снова так же рассудительно работать в своём теле, как и без этого, так что обыкновенный человек со своим здоровым человеческим рассудком всегда стоит рядом с этим выше развитым человеком, обыкновенный человек со своим здоровым человеческим рассудком, который является трезвым критиком всего того, к чему в видении приходит этот высший человек. Многоуважаемые присутствующие, только посредством того, что мы развиваем образное живое мышление, а затем устанавливаем пустое сознание, достигаем мы относительно собственного душевного существа созерцания, которое тогда действительно в едином образе охватывает всё то, что мы проделали в земной жизни со времени своего рождения, с того времени, как мы вошли в эту земную жизнь. Наша прошедшая жизнь, то есть эта прошедшая земная жизнь стоит теперь перед нашей душой не так, как прежде в воспоминании, всплывая в отдельных отзвуках - самостоятельно или благодаря усилию - но она обзревается сразу как единая картина, которая однако стоит перед нами не в пространстве, а во времени. Это так, что мы сразу одним душевным взглядом обзреваем эту жизнь, но так, как она постигается в условиях нашего роста, в силовой деятельности нашего физического тела. Мы видим себя, какими мы были здесь на этой Земле как мыслящее, чувствующее, волящее существо, но так, что мышление, чувствование, воля теперь уплотнены и в то же время организованы в человеческое существо. Мы видим свою духовно-душевную жизнь, как она находится в непосредственной связи с телесным. Мы отказываемся проникнуть в то, как душа действует на тело, посредством философского умозрения.

Только когда мы видим душу, тогда видим мы также как то, что так появляется перед нами в картине, в каждое мгновение вмешивалось в нашу

отдельную физическую жизнь. Частности будут описаны в следующие дни.

Следующий шаг должен теперь состоять в том, чтобы удалить из своего сознания силовые представления, которые мы сами заложили в себя и всё больше и больше укрепляли. Мы укрепляем их, всё снова и снова продолжая эти упражнения, как укрепляем мускулы, употребляя их всё снова и снова. И продолжая эти силовые представления, мы достигаем того, чтобы теперь снова удалить из сознания всю эту картину душевной жизни, к которой мы сами сначала пробилась, всю эту картину душевной жизни между своим рождением и моментом, в котором мы находимся. Это, конечно, требует большего усилия, чем устранение просто образных представлений; но в конце концов этого достигают. И когда эту собственную жизнь, которую мы в земном бытии называем своей внутренней жизнью, нам удаётся так удалить из сознания, что оно теперь становится пустым не только по отношению к современным впечатлениям, но и по отношению ко всему тому, что мы переживаем внутренне как бы во втором теле, в более тонком теле - которое однако само вмешивается в условия нашего роста и воспоминания, что мы так переживаем как бы в более тонком человеке, как бы в эфирном человеке, в первом сверхчувственном человеке, тогда наше сознание, которое теперь при полном бодрствовании правда пусто, но добилось большей внутренней силы, может видеть дальше в духовном мире. Теперь оно может видеть то, чем было собственное душевное существо прежде, чем оно сошло из духовно-душевных миров в физическое земное бытие. Теперь, многоуважаемые присутствующие, то, что мы называем вечностью человеческой души, становится созерцанием, извлекается из сферы просто философского умозрения. Теперь мы научаемся взирать на чисто духовно-душевное, которым мы были в духовно-душевном мире прежде чем сошли, чтобы через зачатие, зародышевую жизнь и рождение облечься в физическое тело.

Многоуважаемые присутствующие, как бы ни было уже это фантастично для многих людей современности, даже несмотря на то, что это получено столь же точным путём, как лишь математические представления, ещё более парадоксальным может показаться то, что теперь должно быть сказано не только о душе, когда она ещё имела духовно-душевное бытие, но что должно быть сказано о конкретном этом переживании. В этой лекции об этом можно сказать лишь в виде указания, дальнейшее будет сказано в следующих лекциях. Но то, что должно быть так указано, пожалуй может быть сделано понятным следующим образом.

Спросим себя сначала: Что собственно мы видим, когда в обычной земной жизни вступаем во взаимоотношения с нашим природным окружением как познающий, как постигающий, как воспринимающий человек? Мы видим собственно только внешний мир. Это следует уже из того, что я сегодня вначале упомянул. Мы видим собственно только внешний мир, Вселенную. А то, что разыгрывается в нашем внутреннем, мы видим также лишь посредством того, что делаем его внешним в физиологии. Как бы великолепно это ни было, всё же мы видим внутреннее, только сделав его сначала внешним и производя исследования так, как мы привыкли делать это с внешними процессами. Но там внизу в области, в которую мы погружаемся, в которой мы чувствуем своё духовно-

душевное вливающимся в органы, находится тьма. В обычной жизни между рождением и смертью мы видим в основном лишь то, что находится вне нас; путём непосредственного созерцания мы не можем заглянуть во внутреннее человека и увидеть, как духовно-душевное вмещивается в телесные органы. Но тот, кто в состоянии хоть немного непредвзятым образом взглянуть испытующе на жизнь с точки зрения духовного созерцания, каким я его обрисовал, придет к следующему. Он скажет: Величествен и могуч уже внешний вид, закономерности, которые мы узнаём во внешнем мире звёзд, во внешнем мире Солнца, которое посылает нам свет и тепло; величественно и могуче то, что мы переживаем, когда-либо только созерцанием остаёмся целым человеком при этом созерцании, либо когда мы научно познаём, что за закономерности существуют, когда Солнце посылает нам свет и тепло и как по волшебству вызывает зелень растений; величественно и могуче это, но если бы мы могли заглянуть в строение человеческого сердца, то внутренние закономерности этого сердца были бы величественнее и могущественнее чем то, что мы видим внешне. Это может предчувствовать человек с обычным сознанием. Но наука, о которой я здесь говорю, основанная на точном ясновидении, она может поднять это до настоящих результатов исследования.

Она может сказать: Великими и могущественными кажутся нам атмосферные изменения; и перед наукой находится идеал, который также и здесь покажет большие и могучие закономерности; но ещё больше то, что имеется в строении человеческих лёгких и совершается в их функциях. Дело не в размерах. Человек есть малый мир по сравнению с большим; но ещё Шиллер сказал: Возвышенное, друг, не обитает в пространстве. Он имел в виду высочайшее возвышенное. Это высочайшее возвышенное можно пережить только когда переживают его в самой человеческой организации. Между рождением и смертью человеком с его обычным сознанием это не познаётся. Но в бытии, в котором мы находимся прежде, чем мы соединяемся с телесным бытием, в духовно-душевном бытии, в духовно-душевном окружении, там существует прямо противоположное. Как здесь для нас тёмный внутренний мир человека и светел и наполнен звуками внешний мир Вселенной, так же в чисто духовно-душевной жизни перед нашим земным воплощением для нас тёмный внешний космический мир; напротив, нашим миром тогда является человеческий внутренний. Мы видим человеческое внутреннее, и поистине оно кажется нам не меньшим и не менее могущественным, чем нам кажется Вселенная, когда мы смотрим на неё своими физическими глазами во время нашего земного бытия. И в том, чем являются закономерности нашего человеческого внутреннего, нашего духовно-душевного человеческого внутреннего, мы находимся как в своём внешнем мире, и мы готовимся к тому, чтобы стать теперь в духовно-душевном творцом своих телесных функций, стать тем, чем мы являемся между рождением и смертью. Что мы представляем собой между рождением и смертью, это лежит открытым перед нами, распростёртым как мир, прежде чем мы нисходим в это физическое земное бытие.

Многоуважаемые присутствующие, это не какое-нибудь умозрение, это непосредственное созерцание, которое даётся точному ясновидению. Это

нечто такое, что с точки зрения этого точного ясновидения вводит часть нас в то, что мы можем назвать связью человеческого вечного с жизнью между рождением и смертью; человеческого вечного, которое остаётся скрытым от нас между рождением и смертью, что проясняется для нас только когда мы можем смотреть на него в ещё невоплощенном состоянии. Этим познаётся часть самого человеческого вечного. Для этой части человеческого вечного в новых языках нет соответствующего слова. Мы правильно говорим о бессмертии; но должны говорить также о нерождаемости, так как она выступает перед нами прежде всего как непосредственное познание.

Это, многоуважаемые присутствующие, одна сторона точного ясновидения, одна сторона человеческой вечности, великого загадочного вопроса человеческой душевной жизни, тем самым высших вопросов психологии вообще. Другая сторона следует, когда мы делаем те другие упражнения, которые я вчера обозначил как упражнения воли, посредством которых мы так берем в руки свою волю, что научаемся употреблять её бестелесно независимо от тела. Я объяснял, что эти упражнения ведут к тому, чтобы суметь преодолеть в душе боль и страдание и сделать душу - в переносном смысле - целиком органом чувств, в прямом смысле - духовным органом зрения так, чтобы мы не только видели духовное, но видели его в его достоверности. Но тогда, когда мы научаемся таким образом бестелесно переживать вне своего тела не только в своих мыслях, но самой своей волей, следовательно всем своим человеческим существом, тогда перед созерцанием души выступает образ смерти таким образом, что мы знаем теперь каково переживание без тела как в мышлении, так и в воле и в том, что находится между ними, в чувстве. Мы научаемся образно жить без тела. Это даёт нам картину того, как мы выходим через врата смерти как мы реально можем обходиться без тела и как, проходя через врата смерти, мы снова можем войти в ту духовно-душевную сферу, из которой мы сошли в эту телесность. То, что в нас живёт как вечное, бессмертно становится не только философской уверенностью, но непосредственным созерцанием. Посредством формирования воли другая сторона вечности, бессмертие, так же раскрывается для душевного созерцания, как нерождаемость раскрывается для формирования мыслей.

Но когда душа таким образом стала духовным органом, тогда это действительно так, как если в низшей области оперирован слепорожденный

До тех пор слепорожденный привык воспринимать лишь посредством осязания, то что для видящего есть мир цвета. Когда он оперирован, он видит совершенно новое. Тот самый мир, в котором он прежде жил, становится теперь для него другим. Так же для того, чьи душевные глаза раскрыты описанным образом, этот окружающий мир становится другим. И сегодня я хочу подчеркнуть лишь относительно одного пункта, насколько он становится другим.

В жизни с нераскрытыми душевными глазами мы видим, как, например, человек живёт, сначала предпринимая свои детские жизненные шаги, потом вырастая, приходя к роковому событию своей жизни. Он встречает другого человека. Души соединяются так, что посредством этого соединения оба человека связывают друг с другом свои судьбы, следуя отныне дальше по своему жизненному пути вместе. Как сказано, я хочу выхватить лишь одно единственное

событие. В обычном сознании то, что так вступает в жизнь, мы вынуждены рассматривать как сумму случайностей, а то, что мы наконец были приведены к этому роковому событию, к встрече с другим человеком, более или менее как случай. Лишь отдельные люди, такие как друг Гёте Кнебель, приобретают себе некоторым образом внутреннюю жизненную мудрость просто с возрастом. Он сказал однажды о своём друге Гёте: Если в пожилом возрасте оглянуться на его жизненные шаги, то в них найдется нечто, кажущееся как бы планомерно упорядоченным, так что с самого начала всё кажется заложено в зародыше и так развивалось дальше, что как бы с внутренней необходимостью приводятся к тому, что затем появляется как роковое событие. Конечно раскрытыми душевными глазами мы видим человеческую жизнь, которая так относится к жизни, видимой с нераскрытыми глазами, как цветной мир к просто осязаемому слепому. Видят как из детской душевной жизни, из смены симпатий и антипатий, развиваются первые шаги ребёнка; как потом, проистекая из внутренней человеческого существа, человек сам направляет свои шаги как бы из внутреннейших стремлений, как он сам себя приводит к роковому событию. Это трезвое наблюдение жизни. Но когда могут так обозреть жизнь, тогда это выглядит примерно так, как если бы перед нами была жизнь старика. Мы не скажем: Это жизнь в себе и для себя. Мы сможем логикой этой жизни старика объяснить детскую жизнь. Мы должны объяснить её детской жизнью через её собственные особенности. То, что делает здесь простая логика, для точного ясновидения делает созерцание.

Когда мы действительно видим жизнь насквозь, как она развивается из внутреннейших душевных стремлений человека, когда мы её так видим, тогда, созерцая, мы должны проследивать её назад, и тогда мы приходим к прежним земным жизням, в которых подготавливалось то, что разворачивается в современности как душевные стремления, что затем ведёт к нашим действиям и т.д.

Сегодня я мог лишь указать, что не какая-нибудь фантастика, а совершенно точный путь ведёт к такому всеобъемлющему рассмотрению жизни, которое действительно через развитую психологию проникает к вечному в человеческой природе. Тогда, однако, многоуважаемые присутствующие, на таком фундаменте, который некоторым всё ещё может показаться абстрактным, возникает нечто, что становится уверенностью и где то, что, проистекая из пригодного в настоящее время для нас как современных людей познания, даёт познавательную основу для истинного внутреннего благочестия, для истинной внутренней религиозной жизни. Тот, кто увидел - я употребляю теперь слово "увидел" в буквальном смысле - кто видел, как отдельная душа вырывается из тела, чтобы войти в духовно-душевный мир, тот иначе рассматривает и нашу социальную жизнь. Вооруженный в своём образе мыслей, он взирает на то, как между людьми образуется дружба, отношения любви, другие социальные связи; он взирает на то, как души находят друг друга среди семьи, среди других сообществ он находит, как совместное телесное пребывание способствует душевной общности, душевному сочувствию и совместной душевной жизни; он знает теперь, что так же, как от отдельной души отпадает тело, так же земные телесность и события

отпадают от содружеств, от связей любви - и он видит - как то, что стало душевным между людьми, продолжается в духовно-душевном мире, где оно и может быть пережито духовно-душевно. И тогда можно сказать: Люди, проходя через врата смерти, снова находят друг друга, и точно так же, как здесь тело является препятствием для созерцания духовного, так теперь в духовном мире отпадают всякие препятствия для дружбы и любви. Люди там ближе друг к другу, чем в телесности.

Познание, которое ещё может выглядеть абстрактным в отношении истинной психологии, достигает вершины в этом религиозном ощущении, в этом религиозном созерцании, без того, чтобы то мировоззрение, с почвы которого я здесь говорю, хотело посягать на какое-нибудь религиозное исповедание. Оно может быть терпимым, оно может полностью признать каждое отдельное вероисповедание в его ценности, а также практически исполнять его; но в то же время оно как помощник религиозной жизни подводит познавательную основу также под эту религиозную жизнь.

Этим я хотел сегодня изложить лишь кое-что основополагающее об отношении современного соответствующего духу мировоззрения к психологии. Я знаю может быть лучше, чем многие противники, всё, что сегодня ещё можно возразить когда так представляются начала такого мировоззрения. Но мне кажется, что я знаю также, что у бесчисленного множества душ, хотя и в совсем бессознательном, сегодня существуют стремления к такой психологии, что всё снова и снова нужно говорить: Как не нужно быть художником, чтобы ощущать красоту картины, так не нужно самому быть исследователем духа, - хотя им можно стать до известной степени - чтобы суметь проверить, правильно ли то, что я здесь говорю. Как можно ощущать красоту картины, не будучи самому художником, так можно сегодня обычным, здоровым человеческим рассудком понять то, что говорит душе исследователь духа. В том, что это можно понять, я кажется убеждаюсь тем больше, чем больше узнаю, как жаждут души углубления психологии, великих загадок бытия в отношении души; как в самом деле то, чего пытаются достичь таким современным мировоззрением, какое здесь набросано, представляет стремление бесчисленного множества людей, которые этого совсем и не знают в своём обычном сознании; как это вызывает боль, страдание, лишения, желание бесчисленных людей: всех тех, кто серьёзно относится к тому, что мы должны найти как восходящие силы вопреки столь многим существующим в нашей современности упадочным силам. И каждый, кто сегодня говорит о соответствующем времени мировоззрения, должен сознавать, что он должен говорить, мыслить и хотеть в созвучии с тем, чего сегодня добивается в душах наше столь серьёзное время. И я полагаю, - позвольте мне этим закончить - что именно в тех подходах к мировоззрению, какие я сегодня снова развивал, содержится нечто от того, к чему сегодня стремятся бесчисленные души, потому что они нуждаются в этом как в духовном содержании, как в живой духовной жизни для современности и ближайшего будущего.

Вена - 3.VI.1922.
Антропософия и мировая ориентация.
(Восток-Запад в истории).

Многоуважаемые присутствующие! Гёте, который запечатлел в простых выражениях так много движущего людей великого, написал также тезис: "Пусть всё-таки каждый спросит себя, каким же органом он может и будет вступать в бой со своим временем!" Если дадут воздействовать на себя такому выражению со всем тем, о чём можно знать, что оно могло пронизывать душу Гёте, когда он делал такое высказывание, то войдут во всё отношение человека к исторической жизни. Конечно поиски своей особой точки зрения, благодаря которой находят возможность правильным образом включить свои силы в ход развития человечества, так чтобы это включение исходило из духа эпохи, в которой живут, у большинства людей сегодня происходит ещё более или менее бессознательно. Но вполне можно сказать: уже поверхностное рассмотрение человеческой жизни в её развитии показывает, что в конце концов людям нужно всё сознательнее и сознательнее формировать свою жизнь. **И н с т и н к т и в н а я** жизнь была отличительным признаком древних культурных эпох. Переход к всё большей **с о з н а т е л ь н о с т и** является **т а к ж е** историческим фактором. И вполне можно сказать: в настоящее время уже можно чувствовать, как становящаяся всё более и более сложной жизнь требует от человека - даже если он может быть занимает мало заметное место, чтобы он включался в развитие человечества с известной степенью сознания. Однако именно при стремлении к такой точке зрения сегодня у нас ещё мало точек опоры в рассмотрении исторического развития человечества.

Это рассмотрение исторического развития человечества в новом смысле науки собственно ещё не особенно старо, и можно сказать: то, что появляется в исторических описаниях, представляет именно юность исторического рассмотрения. И эти исторические описания подчеркнули грандиозное; но хотя они развились из господствовавших ещё даже в восемнадцатом столетии ненаучных хроник, потому что они перешли в естественнонаучный век, также и они попытались принимать всё более и более естественнонаучные формы. Итак мы видим, что исторический способ рассмотрения приблизился к воззрению, что последующее всегда должно становиться причинно понятным из предшествовавшего. Однако кто достаточно непредвзят, тот может видеть, что такое причинное рассмотрение исторической жизни человечества ведёт, правда, далеко, но что всегда остаются ещё бесчисленные факты этой исторической жизни, которые нельзя без противоречий включить в простое причинное рассмотрение. И тогда часто возникает картина, которая может олицетворять историческую жизнь: картина текущего потока, у которого, однако, когда он имел бы ту или иную особенность, мы не могли бы то, что находится в каком-либо определенном пункте его течения, всегда просто выводить из того, что находится несколько выше, но должны были бы принимать во внимание всевозможные силы, господствующие в его глубинах, которые в любом месте могут вырваться

на поверхность, могут вздымать волны, не обусловленные предшествующим. Так же и историческая жизнь человечества кажется указывающей на несказанные глубины, кажется нам как бы поверхностью, на которую выталкивается неизмеримо много сил. И человеческое рассмотрение едва может отважиться до конца заглянуть во всё то, что в особенности свойственно какой-либо эпохе. Поэтому историческое рассмотрение должно будет всё больше и больше приближаться к тому, что мне хотелось бы назвать симптоматологическим рассмотрением. И в человеческом организме, который также представляет собой так богато дифференцированное в себе целое, многое из его здоровых и болезненных состояний мы должны констатировать посредством того, что мы смотрим на симптомы, в которых этот организм выражает себя. Точно так же мы должны постепенно привыкнуть развивать историческую симптоматиологию, так воспринимать то, что возвещает о себе на поверхности, чтобы оно указывало нам на частности, и чтобы через всё большее и большее количество симптомов мы давали так воздействовать на себя внутренне живому исторического становления, чтобы посредством внутреннего, душевного постижения исторических сил человечества, которые всевозможными окольными путями действуют и в нашей душе, становиться способными находить своё место в человеческом развитии.

Именно такое рассмотрение мира и жизни, какое я осмелился развернуть перед Вами, может дать правильное ощущение того, как и в том, что человек переживает в своём интимнейшем внутреннем, просто высказывается исторически симптоматическое. Именно то, что я описал Вам, пробуждение способностей познания, которых нет в обычном сознании, но которые в обычной жизни дремлют глубоко в душе, именно это пробуждение сил познания, как это приспособлено к современному человеку, это приводит нас к тому, чтобы увидеть, что мы должны в настоящее время не только развивать эти силы познания иначе, чем они развивались в древнем мире, но когда мы затем развиваем такие силы, когда мы эту интимную внутреннюю жизнь доводим до духовного видения, тогда основной характер этого духовного видения представляется современному человеку совершенно другим образом, чем людям, например, восточной прадревности, чего мы касались, когда позавчера описывались упражнения Йоги. Когда мы взираем на эти древние восточные воззрения, как они развивались теми, кто хотел извлечь из своего внутреннего силы познания, охватывавшие сверхчувственное, то мы должны сказать: Всё то, что мы об этом знаем, указывает нам на то, что такие познания, когда они вживались в душу, принимали в душе совершенно долговечный, непреходящий характер. То, что человек думает в обычной жизни, что он принимает в себя как действие на свою душу из переживаний земного бытия, что затем утверждается в воспоминаниях, есть то, что как раз имеет в душе долговечность. И мы просто духовно нездоровы, если у нас есть значительные пробелы относительно способности воспоминания о том, что мы пережили в мире с определенного момента времени нашего детского развития. В эту мысленную долговечность вчленялось всё то, что было достигнуто в древней восточной душевной структуре из понимания духовного мира. Оно образовывало так сказать представления воспоминания так же, как обычные дневные переживания.

Особенностью именно древнего восточного ясновидца было то, что, заканчивая свой путь в духовный мир, он всё больше и больше находил себя в длительной общей жизни с этим миром. Он сознавал себя так сказать спасённым, когда он находился в божественно-духовном мире. Он знал, что это и для его души представляет нечто долговечное.

Теперь, однако, в известном смысле уже можно сказать: Для того, кто сегодня - из тех сил человеческой природы, к которым как раз развилось человечество с тех древних дней до современности - поднялся к известному духовному видению, имеет место противоположное. Он развивает свои воззрения о духовном так, что он их переживает, но для него невозможно делать их представлениями воспоминания таким же образом, как становятся представлениями воспоминания мысли о внешнем мире, которые мы повседневно переживаем. Как раз для многих, которые сегодняшними методами пробились к определённому духовному видению, является большим разочарованием то, хотя они и достигли прозрения в этот духовный мир, но эти прозрения преходящи как и вид действительной реальности, перед которой мы стоим во внешнем мире, которая однако не присутствует больше в нашем восприятии, когда мы уходим от неё. То, что как бы разыгрывается в душевной жизни, не представляет собой вчленения воспоминаний в обычном смысле, а мгновенную связь с духовным миром. Если затем опять хотят иметь эту связь в более поздний, момент времени, то не могут просто извлечь переживание из воспоминания, а могут сделать лишь следующее: могут, конечно, вспомнить о том, что принадлежит к обычным переживаниям физического мира, как благодаря усилиям пришли к тому, чтобы иметь такое переживание духовного мира. Тогда могут снова проделать путь и опять иметь его, точно так же, как когда снова возвращаются к чувственному восприятию. Это именно один из важнейших моментов, который ручается за реальность нового видения, что то, во что мы заглядываем, не соединяется с нашей телесностью; так как это всегда обозначает соединение с телесностью, закрепление посредством организма, когда мысли приобретают известную долговечность как представления воспоминания.

Если мне можно может быть вставить здесь личное замечание для объяснения, то оно заключается в том, что, например, тот, кто немного связан с духовным миром и хочет сделать сообщение о том, что он испытал, что он не в состоянии сделать это сообщение по воспоминанию в обычном смысле. Он всегда должен делать определённое усилие, чтобы снова привести себя к непосредственному духовному наблюдению. Поэтому также тот, кто говорит непосредственно из духовного мира, может - я хотел бы сказать - тридцать раз делать один и тот же доклад, но он не будет для него повторением предшествовавшего, а всегда должен делаться непосредственным образом из переживания. В этом заключается в то же время нечто, о чём я хотел бы сказать, что оно может устранить некоторые заботы, которые могли бы всплыть в боязливых душах относительно этого современного духовного зрения. Многие люди ещё сегодня видят, и с известным правом, величие многозначительных загадочных вопросов бытия именно в том, что эти вопросы никогда не могут быть до конца решены. Они боялись бы филистёрства духовного воззрения, если

они должны были бы предстать перед примерно таким утверждением, что загадки бытия могли бы быть окончательно решены каким-нибудь мировоззрением. Но о таком решении не может говорить и то понимание жизни, о котором здесь идет речь, и как раз по приведенной причине. То, что некоторым образом всё время снова забывается, должно всё вновь добываться. Но именно в этом сказывается жизненность. Мы известным образом снова приближаемся к тому, что и внешне в природе обнаруживает характер живого по сравнению с тем, что мы иначе внутренне переживаем, когда видим свои мысли становящимися представлениями воспоминания. Может быть то, что я теперь хотел бы сказать, кое для кого звучит тривиально; но в этом подразумевается не тривиальное. Так же, как никто не может сказать: я вчера ел, следовательно я сыт, мне не нужно есть сегодня, завтра и в дальнейшем, так же, как никто не может сказать этого, так же никто не может сказать о современном духовном зрении, что оно когда-нибудь кончится, затем сообщит о себе воспоминание и тогда будут раз и навсегда знать то, что имеют.

Да, дело обстоит не только так, что всё время нужно снова добываться, чтобы сейчас находить то, что хочет открыться человеку, но даже так, что, когда длительное время всё снова и снова размышляют о тех же самых представлениях из духовного мира, всё снова и снова ищут их, что тогда даже всплывает сомнение, всплывает неуверенность, и что как раз при правильном духовном зрении всё снова должны побеждать неуверенность и сомнение в живой внутренней душевной жизни. Следовательно, когда в современном смысле стремятся к духовному зрению, никогда не бывают - я хотел бы сказать - осуждены на покой готового бытия.

И должно быть сказано ещё нечто другое. Это современное духовное зрение, оно прежде всего требует также того, что можно назвать присутствием духа. Прежний духовидец восточной древности мог известным образом покинуть время. То, чего он добивался для себя, оставалось длительно пребывающим. Тот, кто хочет взирать в духовный мир из современной человеческой природы, должен быть - мне хотелось бы сказать - готовым к бою своим духовным органом; он должен замечать как то, что открывается из духовного мира, иногда присутствует лишь одно мгновение, а затем снова исчезает, некоторым образом, следовательно, должно быть схвачено в момент возникновения в духовной современности, так что многие люди, которые тщательно готовились к такому духовному зрению, не приходят к нему, если они не ищут в подготовительных упражнениях одновременно этого присутствия духа; ибо лишь таким образом можно избежать того, что собственно обращают своё внимание только тогда, когда предмет уже снова исчез.

Этим я описал Вам различные особенности того, с чем встречается современный искатель духовного мира. В ходе докладов выступят ещё другие такие особенности; сегодня я хотел бы ещё обратить внимание только на одно, потому что оно непосредственно приведёт к некоторому историческому рассмотрению человечества.

Если мы как современные люди в этом, опять таки с известной стороны охарактеризованном смысле надёжным образом хотим найти путь в духовный

мир, так чтобы не стать фантазёрами, то лучше всего, если мы исходим из тех представлений, из тех мыслительных операций, которые мы усвоили себе путём основательного наблюдения природы и путём углубления в обоснованное естествознание. Никакие другие представления не подходят так хорошо для медитативной жизни, как я её описал, как те, которые получены из нового естествознания, не для того только, чтобы воспринять их по содержанию, но и для того, чтобы медитативно переработать их содержание. Мы как современные люди в строжайшем смысле слова научились мыслить именно на естествознании. Мы должны помнить, что соответствующему современной эпохе мышлению мы научились именно на естествознании. Но всё то, что из мыслительных операций мы смогли так получить из нового естествознания, представляет собой, если можно так выразиться, лишь подготовку к собственно духовному зрению.

Никогда не можем мы с помощью какой-нибудь логической последовательности, какого-нибудь философского умозрения применить обычное мышление, которое мы /обучили?/ на вещах внешнего мира, на эксперименте и наблюдении, для чего-либо иного, кроме своей подготовки. Затем мы должны ждать пока духовный мир захочет выступить перед нами, как я описал Вам вчера и позавчера. Мы должны сначала созреть для каждого отдельного шага в наблюдении духовного мира. По внутреннему произволу мы не можем привести себя ни к чему иному, кроме как сделать из себя орган, которому захочет открыться духовный мир. Объективного откровения мы должны ждать. И тот, кто имеет опыт в таких вещах, знает, как он годами и десятилетиями должен был ждать некоторых познаний, прежде чем они ему открылись. Именно это обстоятельство опять-таки гарантирует объективность для познания того, что является действительностью в духовном мире.

Опять таки так не было у того, кто в древние времена в мире Востока посредством своих упражнений находил путь в сверхчувственный мир. У него мышление с самого начала было сформировано так, что ему нужно было его лишь известным образом продолжать, чтобы найти тот путь в духовный мир, который я позавчера охарактеризовал. Уже в обычной жизни

он обладал, следовательно, мышлением, которое нужно было только продолжить, чтобы в его собственном продолжении прийти к известному ясновидению, которое, однако, потому что оно развивалось из обычной жизни того времени, было более сновидческим, тогда как то зрение, к которому стремимся мы как современные люди, является таким, которое протекает при полной рассудительности, подобной существующей при решении математической задачи. Именно в этом, обращаясь к тому, что должен пережить интимный исследователь духа, мы видим выражение громадных изменений всей человеческой природы в ходе исторических времён. Эти времена являются историческими постольку, поскольку не только тот, кто таким образом, как я ещё буду описывать, посредством самого духовного созерцания может рассматривать историческую жизнь как человека, так и Космоса до отдалённых правремен, что не только тот может прийти к этому, но также и тот, кто непредвзятым образом рассматривает внешние документы. И в этих внешних документах мы можем взирать на древние времена духовной жизни человечества и можем

видеть, насколько они отличаются от того, к чему мы сами, к чему наше время должно стремиться по отношению к пребыванию в этом духовном мире.

Благодаря тому, что наше мышление не может быть непосредственно продолжено, чтобы в своём собственном дальнейшем течении привести нас к духовному зрению, что оно может произвести лишь подготовку, может известным образом препарировать нас самих, чтобы мы стали зрелыми, когда духовный мир выступит перед нами, видеть его, именно поэтому наше мышление приспособлено действовать на поле эксперимента, наблюдения, на том поле, которое сделало своим естествознание. Но именно поняв, какой внутренней крепости, какой внутренней силы достигло наше мышление, мы тем надёжнее будем применять его для нашего обучения, чтобы в правильном смысле слова мочь ждать тогда откровения духовного мира.

Уже из этого следует, что сегодня наше мышление представляет собой нечто другое, чем в древние времена.

Я повторно имел повод к историческим экскурсам. Многие относящиеся к внешнему миру там можно продолжить тем, что я сегодня должен сказать; сегодня я буду больше говорить о том, что представляют собой внутренние силы человеческого развития. Но от этого мышления в конечном счете ведь зависит вся внешняя историческая жизнь, так как то, что человек исторически совершает, он производит из своих мыслей, наряду со своими чувствами и волевыми импульсами. Поэтому, когда мы хотим обратиться к глубочайшим историческим импульсам, мы всё же обращаемся к человеческому мышлению. Но это человеческое мышление, каким мы его можем употреблять сегодня для естествознания с одной стороны и для выработки человеческой свободы с другой стороны, очень сильно отличается от того мышления, которое мы находим в более ранние эпохи человечества. Конечно, найдётся много людей, которые скажут: Мышление есть мышление, выступает ли оно у Джона Стюарта Милля или Соловьева, выступает ли оно, скажем, у Платона, Аристотеля, Гераклита или у мыслителей древнего Востока. Но тот, кто с известным внутренним чутьём сумеет подойти прежде всего просто к роду и способу, как действовали мысли в человечестве, тот скажет себе: Наше сегодняшнее мышление есть в сущности всё же нечто совершенно иное, чем было мышление более древних эпох. Этим затрагивается важная проблема человеческого развития.

Посмотрим на наше сегодняшнее мышление. Я ещё буду иметь повод обосновать также из естествознания то, что я сегодня развиваю больше исторически. То, что мы называем мышлением, развилось собственно из употребления речи. Кто имеет понимание того, что действует в самой речи какого-нибудь народа, что действует в логике речи, в логике, в которую мы вживаемся во время своего детства, и кто затем имеет достаточное психологическое понимание, чтобы наблюдать соответствующее, тот найдет, что наше сегодняшнее мышление собственно произошло из того, что делает речь из нашей душевной конституции. Хотелось бы сказать: Из речи высвобождаем мы постепенно мысли и мыслительные закономерности наше современное мышление есть дар речи. Но именно мышление, которое есть дар речи, есть то мышление, которое в цивилизованном человечестве стало великим с дней

Коперника, Галилея, Джордано Бруно, которое стало великим во времена, в которые человечество обратило своё внимание преимущественно на наблюдение природы в современном смысле. То мышление, которое применяется к наблюдению и эксперименту, должно - хотелось бы сказать - жить с нами так близко, что то всеобщее народное достояние, которым мы овладеваем с речью, мы так идеально утончаем, что оно становится для нас идеальными мыслями, посредством которых мы затем схватываем внешний мир. Но стоит нам вернуться назад лишь на короткий относительно всего человеческого развития промежуток времени, и мы находим нечто совершенно иное.

Вернемся, например, к греческой культуре. Тот, кто сумеет перенестись в то, что действовало в греческом искусстве, греческой поэзии, греческой философии, что вообще звучит нам из греческой культуры, тот находит - это возможно совершенно эмпирическим путём - что то, что было мыслью, грек переживал ещё внутренне сплетённым со словом. Мысль и слово были едины. Развивая понятие логоса, говорят о чём-то ином, чем к примеру говорим мы о мысли или о мыслительной связи. О мысли говорили так, что эта мысль имела речевой элемент как свою само собой разумеющуюся телесность. Для греческого сознания мысль так же мало отделялась от слова, как мы можем мыслить свою душу в физическом мире пространственно отделившейся от физического организма. То и другое чувствовали как полное единство, и мысль струилась по волнам слов. Но это обуславливало и совершенно иную позицию человека в его сознании к внешнему миру, чем наша с мыслями, которые уже отделились от слова. И так, возвращаясь к греческой культуре, мы должны в сущности приобрести совершенно другое душевное настроение, если хотим проникнуть в действительные переживания греческой души. Поэтому, однако, всё то, что было произведено в греческой культуре, например, как наука, и не принимается больше как наука для сегодняшних требований. Сегодняшний естествоиспытатель скажет: у греков не было никакого естествознания; у них была натурфилософия. И в этом он прав. Но проблема охвачена этим - хотелось бы сказать - лишь на четверть её существа. Здесь в основе лежит нечто гораздо более глубокое. И то, что здесь лежит в основе, мы можем исследовать только духовным созерцанием. Когда то мышление, которое сегодня особенно пригодно для естествознания, в которое мы выучиваемся по наследованию и воспитанию, когда мы употребляем это мышление и создаём то, что мы называем научными представлениями, тогда по существу нашего сознания мы строго отделяем эти научные представления от того, что мы называем художественным переживанием, и от того, что мы называем религиозным переживанием. Как раз основная характеристика нашего времени заключается в том, что современный человек в известном смысле требует науки, которая не включает ничего из какого-либо художественного творчества, какого-либо художественного воззрения, а также не включает ничего из того, что является предметом религиозного сознания, что хочет быть религиозной отдачей миру и божеству. Мы должны сказать: Это характеристика нашей современной цивилизации, и эту характеристику мы находим всё более ярко выраженной, чем дальше на запад мы идём и там испытываем основной характер человеческой цивилизации.

Характеристикой является то, что современный человек имеет как бы стоящими рядом друг с другом в душе науку, искусство и религиозную жизнь. И он старается с одной стороны образовать особое понятие знания, с другой стороны искусству не давать проникать в науку, исключать фантазию из всего научного, за исключением того, что имеет целью изобретения, и затем стараются придать значение другому роду достоверности веры, которая играет роль в особенности в религиозной жизни.

Когда в том смысле, как я охарактеризовал, пытаются подняться к духовному воззрению, тогда, исходя полностью из выученного естественнонаучного мышления, приходят к тому, что я охарактеризовал как живое мышление, как образное мышление. Этим образным мышлением чувствуют себя теперь также способными понять - хотелось бы сказать - как математически, но теперь качественно, то, что недоступно обычной математике и геометрии, живое. Живой мыслью чувствуют себя способными охватывать живое. Можно сказать: Когда то, что действует, скажем, в простых химических связях неорганического мира, обзревается нами, то - если здесь выразиться популярно - то, что действует в веществах и силах, находится в более или менее подвижном равновесии. Чем больше мы восходим к живому, тем подвижнее и подвижнее становится равновесие, тем сложнее и сложнее взаимодействие. И в той же мере, в какой равновесие становится подвижнее, живое образование отрывается от количественного опыта и становится доступным только живой мысли, так что она так же может связываться с живым, как математическая мысль с безжизненным образованием. Тем самым, однако, мы достигли - я уже указывал в одном из прежних докладов, что собственно для многих сегодняшних мыслителей я говорю нечто ужасное - тем самым мы достигли познавательной точки зрения, которая непрерывно переводит обычное, логическое, абстрактное мышление в род художественного мышления, в род художественного созерцания, которое однако внутренне вполне точно, как только могут быть точны математика или механика. Я знаю, как сильно современный научный дух отпугивается переводам того, что хочет быть точным, в художественное, в то, что, поскольку примешивается качество, формируется в человеке как род качественного матезиса. Но что же пользы от всей теории познания, которая напыщенно говорит, что мы лишь тогда можем прийти к познанию объективности, когда идём от заключения к заключению и остерегаемся от вовлечения в познание такой художественной сущности, если природа, действительность на известной ступени действует именно художественно, так что она поддаётся только художественному познанию? В особенности не достигают того, что изнутри формирует человеческий организм так, как я описывал позавчера, что действует в нас как первый сверхчувственный человек, когда мы не даём входить тому, что является связующим мышлением, в некоторый род художественного формирования, если мы не можем создавать из качественной математики человеческую творящую форму. Нам нужно только сохранить дух научности и воспринять дух художественного. Короче, из того, что мы сегодня называем наукой, удерживая весь научный дух, мы должны породить художественное воззрение. Однако тогда, когда мы это делаем, мы приближаемся к примирению

науки и искусства, как представлял Гёте, делая такое высказывание, как это: "Прекрасное есть проявление тайных законов природы, которые без его явления оставались бы вечно скрытыми". Гёте очень хорошо знал: Если Человек остаётся при том, чтобы хотеть понять природу или мир вообще теми же самыми мыслительными формами, которые оказались здоровыми и правильными для неорганического мира, то цельности мира просто не получается. И переход от науки о неорганическом к таковой об органическом найдут не прежде, чем переведут абстрактное познание во внутренне оживлённое познание, которое в то же время есть внутреннее господство.

Обращаясь так в современном духовном стремлении к пониманию живого, мы однако приближаемся к тому, что не с такой рассудительностью и сознательностью, к которой мы стремимся, присутствовало в греческом сознании. И никто в действительности не понимает того, что выражалось ещё у Платона, но особенно у досократовских философов, если он не замечает, что там ещё присутствовало взаимодействие художественного элемента в человеке с философски-научным. Только в конце греческой культуры - философски говоря, примерно у Аристотеля - мысль, родившаяся из речи, отделилась от той, которая затем позже, развившись в схоластике, стала естественнонаучной мыслью. Мысль выделилась лишь в поздней греческой культуре; ранняя греческая культура имела мысль как художественный элемент, и греческую философию в сущности также можно понять только если её одновременно охватывают художественным чувством. Но это приводит нас вообще к тому, чтобы видеть в греческой культуре цивилизацию, в которой наука и искусство ещё были нераздельны. Это выражается как в искусстве, так и в самой науке. Я не могу здесь, конечно, входить во все подробности; но изучите со здоровым человеческим чувством и пронизанным духом взором то, чем является греческая пластика, и Вы найдёте, что грек не работал по модели в том смысле, как это делается сегодня, что грек, работая пластически, работал из внутреннего переживания. Формируя мышцу, согнутую руку, кисть руки, он формировал соответственно тому, что он чувствовал в своём внутреннем. Своего внутреннего, живого, другого человека - мне хотелось бы сказать, этого эфирного человека - его он чувствовал; он переживал себя душевно и так чувствовал ограничение во вне. То, что он внутренне переживал, переходило в пластику. В искусстве было откровение того, что так созерцалось. И это созерцание переносилось в эти живущие в речи мысли, становилось наукой, которая имела ещё художественный характер благодаря тому, что она была единой с тем, что дух греческого языка открывал греку.

И так в греческой культуре мы вступаем в мир, который нам открывается только тогда, когда мы сами восходим от нашей отделённой от искусства науки к познанию, которое снова переливается в художественный элемент. Я хотел бы сказать: То, что мы позже развиваем с полной рассудительностью, уже было прежде в инстинктивном переживании, и мы прямо-таки можем видеть, как в исторической жизни это сожителство искусства и науки затем превращается в то, что существует в наше время: полное разделение искусства и науки. Мы видим, как человек развивался - я, хотел бы сказать - через римскую культуру в

средние века, как там воспитание, образование исходило из совсем другой точки зрения к высшей ступени человеческой культуры, чем это имело место позже. Позже, в естественнонаучный век, дело заключалось главным образом в том, чтобы сообщить человеку результаты того, что получено из наблюдения и эксперимента. Да, в нашем образовании мы живём едва ли не в том, что усваиваем результаты, взятые из наблюдения, из экспериментирования. Если мы посмотрим на время, в котором ещё сказывалось известное последствие греческой культуры, то увидим, как там и в научном образовании ещё присутствовало нечто, ближе подходившее к человеку, больше воздействовавшее на развитие способностей человека. Мы видим, как в средние века учащиеся проходят так называемые семь свободных искусств, грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Дело было в способностях. То, чем человек должен был стать как учёный, приобретали себе с помощью семи свободных искусств, которые однако уже вполне были на пути стать познанием и наукой, как это произошло позже. И можно видеть, изучая настолько сегодня запрещённую схоластическую философию средних веков, как именно эта схоластика, которая - я хотел бы сказать - стоит на переходе от древних времён к нашим, является чудесным развитием искусства понимания. Современному человеку можно лишь пожелать воспринять в себя немного схоластики, употребительной в лучшие времена средних веков, которая воспитывала в человеке мыслительную технику и мыслительное искусство. Это нужно как раз тогда, когда хотят перейти к чётко очерченным понятиям, к которым мы и должны прийти. Исходя однако из сегодняшней точки зрения, которая строго разделяет науку, искусство и религию, и через средние века восходя в человеческое развитие, приближаются к греческой культуре, где чем дальше и дальше идут назад, тем больше и больше убеждаются в том, что наука и искусство сплавлены друг с другом.

Но в греческой культуре всегда находится отделённое от науки и искусства явление, религиозная жизнь. Она подходила к человеку совершенно иным образом, чем переживание, которое является научным или художественным. То, что живёт в искусстве и науке, живёт как объект в пространстве и во времени; то, что присутствует как содержание религиозного сознания, находится по ту сторону пространства и времени, принадлежит вечности, порождает, правда, из себя пространство и время, но мы не приближаемся к нему, оставаясь в пространстве и времени. То, что духовная наука, конечно в гораздо более точном смысле, должна развивать сегодня об этих вещах, можно увидеть и из внешних документов, и мне хотелось бы всё снова и снова указывать на появившийся именно в Австрии, чрезвычайно полезный в этом отношении труд, на "Историю идеализма" Отто Вильмана, на книгу, которая является особенно выдающейся над многими книгами, трактующими в настоящее время подобные проблемы. О таких вещах можно непредвзято судить и тогда, когда исходят из противоположных взглядов, лишь бы они приводили к чему-нибудь, способствующему духовной жизни.

В греческой культуре было то единство искусства и науки, а с другой стороны та религиозная жизнь, которой отдавался грек, которую в народной религии он

правда формировал в образах, но в религии мистерий через посвящение держал углублённой. Но мы везде можем видеть, что в душевных силах, развивавшихся в науке и искусстве, религиозное не участвует, но что душевная жизнь сначала должна прийти к тому благочестивому настроению, к той всеобщей любви, в которой можно уловить то, что вообще открывается из божественно-духовного и с чем человек может соединиться в религиозной отдаче.

Перейдём однако к Востоку: чем в более древние времена мы возвращаемся, тем больше мы находим, что с духовной жизнью снова дело обстоит совершенно иначе. И туда нас может вести то, чего мы добились сами в современном духовном обучении. Когда мы восходим от переживания живого понятия к той внутренней боли и страданию, которые должны преодолеть, чтобы целиком стать духовным органом чувств и перестать узнавать мир просто физическим телом, когда мы находимся в мире независимо от физического тела, тогда мы стоим в мире так, что научаемся переживать действительность вне пространства и времени. Тогда мы переживаем также действительность духовно-душевного, как она действует во временное описанным мною образом. Но мы переживаем её тогда, когда достигаем духовного зрения посредством преодоления боли и страдания во внутреннем; тем самым, однако, мы вносим в познание нечто от элемента, который совершенно непрерывным образом вводит познание в религиозное переживание, оставаясь действительным познанием, действительным знанием духа. И переживая то, что осталось из древних времён в достойных уважения традиционных представлениях как религиозное содержание, мы снова переживаем также новое подобного же духовного содержания, когда мы пробиваемся к такому познанию, которое теперь может жить в сфере религиозного благочестия. Только тогда мы постигаем, однако, из каких человеческих глубин возникло то, что на древнем Востоке, в мире древнего Востока жило как единство религии, искусства и науки. Они были некогда единством. То, что человек познавал, что он принимал в свой мир идей, было другой стороной того, что он устанавливал перед собой, чтобы оно сияло на него в художественной красоте. И то, что он так познавательно схватывал и чему давал сиять в красоте, было также тем, чему он преподносил свои культовые отправления, по отношению к чему он также действовал как преданный высшему порядку. Религию, искусство, науку видим мы здесь осуществлёнными как единство. Но это уводит нас назад во времена, в которые сама человеческая мысль не только жила на волнах слова, но для человека было переживанием то, что мысль жила в ещё более глубоких областях, чем само слово, что мысль была связана с наивнутреннейшими фибрами того, чем является человеческая природа. Поэтому индийский йог выводил мысли из дыхания, из того, что заложено глубже, чем слово. Мысль лишь постепенно поднялась к слову, а затем над словом в современной культуре. Первоначально, однако, мысль была связана с более интимным, более глубоким человеческим переживанием, и это было в то время, когда единство религиозной, художественной и научной жизни могло раскрываться в исчерпывающей гармонии.

От того, что я мог так описать Вам как гармоническое единство религии, искусства и философии, как оно примерно выступает перед нами в Ведах как

направлении, от этого на Востоке сегодня имеется отзвук, но отзвук, который мы должны понимать, который мы не легко понимаем, когда мы просто восходим к тому, что живет в западной культуре как разделение религии, искусства и науки, который, однако, мы понимаем в полном смысле слова, когда благодаря новой духовной науке мы возносимся к воззрению, которое снова приводит в гармонию религию, искусство и науку. Но на Востоке ещё существуют остатки того древнего единства. Посмотрим: даже там, где оно воздействовало на Европу, оно еще существует в отзвуке. То, что было более ранней исторической эпохой, ещё осталось современностью в известном месте Земли, и мы можем воспринять эту современность как раз у философа, который сегодня утром уже часто упоминался в докладах, у великого философа европейского Востока, у Соловьёва.

Этот философ второй половины 19 столетия действует на нас совершенно особым образом. Если мы обратимся к философам Запада, к Джону Стюарту Миллю, или к Герберту Спенсеру, или к другим, то мы найдём, что их точка зрения та, которая выросла из естественнонаучного мышления, которое я сегодня описывал. В Соловьёве, однако, живет нечто, представляющее религию, искусство и науку как единство. Если сегодня читают Соловьёва, то конечно видят, что Соловьёв употребляет в качестве философского языка то, что находится у Канта; он полностью овладел формами выражения этих западных и среднеевропейских философов. Но когда вживаются в смысл, в то, что он высказывает посредством этих форм выражения, тогда его переживают иначе. У него есть сегодня историческое чувство; он выступает как человек, который снова воскрес из дискуссий, проводившихся никейским собором. Чувствуется настоящий тон, господствовавший в дискуссиях первых христианских отцов, а в эти первые христианские столетия ещё целиком жил отзвук единства религии и науки. Это единство, в котором воля ещё сливается с мышлением, всё это течёт и волнуется сквозь восточноевропейское мировоззрение Соловьёва. И когда мы сегодня взираем на то, что нас окружает как культура и цивилизация, то мы находим, что в более западных странах мы имеем именно то разделение религии, науки и искусства, но что то, что так справедливо принадлежит нашему историческому моменту, что так справедливо является тем, из чего мы работаем и должны отпечатлеть образы мира, это есть наука, которая строится строго на вышеописанном естественнонаучном мышлении, тогда как в стилях искусства и содержании религий мы перенимаем старое традиционное. Мы видим сегодня как мало продуктивно искусство на новые формы стиля, как мы везде видим переживание старых форм стиля. То, что в наше время живо, это то, что живет в научных мыслях. Мы должны ждать некоторое время, пока описанным мною образом оживленное имагинативное мышление не приведет снова к живому, которое снова сможет стать непосредственно художественно творческим также в новых формах стиля, не становясь соломенно аллегорическим, нехудожественным. Мы видим, следовательно, научную мысль как движущий импульс непосредственной современности, и мы видим её тем больше, чем дальше мы идём на запад. А на Востоке мы видим отзвук того, что было единством религии, искусства и науки. Этот религиозный основной элемент, этот нюанс восточные европейцы имеют в душе, они смотрят на мир с этим основным

нюансом, они могут понимать Запад только окольным путём через такое духовное развитие, как имеется в нашем движении. Мы не видим никакого непосредственного понимания Запада, потому что именно на Западе хотят начисто ограничить религиозные, художественные мысли - а в середине - мы не можем от этого отказаться: Там человек должен предоставить внешнему чувственному миру навязываться и переживать те мысли, которые пригодны для внешнего чувственного мира. Но он не может иначе, как оглядываться на самого себя и переживать своё внутреннее. Для внутреннего ему необходимо религиозное переживание. Хотелось бы сказать: Связующий член между религиозным переживанием, необходимым ему во внутреннем, и научным переживанием, необходимым для наблюдения внешнего мира, - художественное переживание - глубже скрыто в человеческой природе. Это художественное переживание поэтому представляет собой также нечто, стоящее сегодня в жизни в известном отношении так, что оно не делается в первую очередь значимым как требование к жизни. Мы видим как западная культура носится с научными мыслями, а восточная культура с религиозными. Мы видим, как мы стоим между ними, как мы однако не можем полностью вжиться в художественную культуру, как художественная культура часто есть ренессанс. Несмотря на это нужно сказать: Тоска по такому примирению в середине между Востоком и Западом во всяком случае существует, и мы видим её, взглянув например на Гёте. Так как чем была великая тоска Гёте, когда он - хотелось бы сказать - из непосредственно художественных оснований был поставлен перед загадками природы? Его художественное чутьё как бы само собой разумеющимся образом преобразовывалось в его научные воззрения. И хотелось бы сказать: Ведь у Гёте, репрезентативного среднеевропейца, мы находим искусство и науку слитыми воедино, и мы находим их далее слитыми воедино, когда мы прослеживаем жизнь Гёте в её развитии и умеем так правильно ставить Гёте в развитие нового времени. Гёте вжился в это взаимодействие искусства и науки, и так возникло в нём лишь исторически понятное страстное стремление: стремление в Италию, к южной культуре. И из наблюдения художественных произведений, представших перед ним на Юге, он писал своему веймарскому другу нечто, примыкавшее к тому, что он там в Веймаре узнал как философию и науку. В Спинозе он находил божественное творчество представленным философским образом. Ему этого было недостаточно, он хотел расширенного, более одухотворённого вживания в мир и духовность. И при виде южных художественных произведений, он пишет своему другу: "Здесь необходимость, здесь Бог!" "Я чувствую, что греки творили по законам, по которым творит сама природа и которые я прослеживаю". Здесь Гёте хочет сплавить вместе науку и искусство.

Если в заключение я приведу нечто личное, то это нужно лишь для того, чтобы указать Вам, как по одному единственному симптому можно найти род и способ, как средний мир может поставить себя между Востоком и Западом. Этот симптом я пережил около сорока лет назад в Австрии, здесь в Вене. В юности я познакомился с Карлом Юлиусом Шрёером - он читал тогда об истории немецкой поэзии со времени первого выступления Гете. Во вступительной лекции он говорил о разных полных значениях вещей; но затем он высказал слова, поистине

столь характерные для средневропейского стремления лучших умов, из которого они скорее инстинктивно говорили. Шрёер также говорил скорее инстинктивно; но в действительности он выразил тоску по объединению искусства и науки, по объединению западных научных мыслей и восточных религиозных мыслей в художественном созерцании, подытожив то, что он хотел сказать, в многозначительных для меня словах: Немец имеет эстетическую совесть. Конечно, этим была высказана не непосредственная общая реальность; но высказана тоска, тоска по совместному созерцанию искусства и науки. И тогда, когда их можно видеть вместе, тогда другой среднеевропеец, которого я уже охарактеризовал, имел ощущение, которое он высказал в прекрасных словах о том, что когда могут видеть вместе науку и искусство, тогда могут возвыситься и до религиозного переживания, если только в этом гётевском смысле в науке и искусстве находится действительная духовность. В этом смысле он высказал слова: Кто владеет наукой и искусством, У того есть и религия. Кто, увы, обоими не владеет, Тот имей религию.

А кто имеет эстетическую совесть, тот приходит также к научной и религиозной добросовестности. И это может показать нам, где мы стоим сегодня, сегодня - я неохотно говорю часто приводящиеся слова о переходном времени; каждое время есть переходное время - однако сегодня в переходное время дело именно в том, в чём заключается переход во времени. В наше время мы переживаем развитое до высшего триумфа разделение религии, искусства и науки; но то, чего должно искать, и что одно только может позволить найти взаимопонимание между Востоком и Западом, это гармонизация, внутреннее единство религии, искусства и науки. И к этому внутреннему; единству хотело бы вести понимание мира и жизневоззрение, о которой здесь говорится и ещё будет говориться.

Вена - 4.VI.1922.

Антропософия и мировое развитие (с географической точки зрения)

Многоуважаемые присутствующие! Так же, как земные условия можно описывать по физико-географическому принципу, так же можно здесь в этих лекциях более или менее охарактеризовать духовные импульсы, действующие на Земле, описать их в своего рода духовной географии, в особенности взаимодействие восточных и западных импульсов духовной жизни человечества со всеми его разнообразными различиями. То, что с этим намерением сегодня должно быть сказано, может быть сделано, конечно, лишь совершенно эскизно; но здесь речь идёт больше о том, чтобы найти особую точку зрения для разнообразного, что здесь характеризуется, чем о подробном описании.

Если достаточно смотрят на Восток, об отношении которого к Западу часто употребляют символическое слово, свет приходит с Востока, то западный человек, человек новой цивилизации вообще получает впечатление какой-то сновидческой духовной жизни. По сравнению с привычкой современной

духовной жизни к резко очерченным, резко оконтуренным понятиям, к понятиям, тесно примыкающим к тому, что может внешнее наблюдение, многообразно подвижные, флюктуирующие, не так непосредственно примыкающие к внешнему в резких контурах представления Востока имеют вид сновидческих. Причём, конечно, опять таки нужно сказать, что из этой сновидческой духовной жизни, которая, выражалась в великолепнейшей поэзии, в Ведах, развились чёткие понятия всеобъемлющей философии, к примеру философии Веданты, понятия, не полученные посредством сравнения внешних вещей, посредством анализа, понятия, которые - хотелось бы сказать - порождены из внутренне пережитой, внутренне схваченной духовной жизни. Но когда эта сновидческая духовная жизнь действует на нас, когда мы с известной внутренней любовью отдаёмся этой духовной жизни и сначала не обращаем внимания насколько она отличается от нашей, тогда мы получаем своеобразное впечатление. А именно, с этой духовной жизнью не могут оставаться, когда ей дают действовать на душу - хотелось бы сказать - в её различных конфигурациях, широко. Представления, идеи, которые там воспринимают, не могут просто принимать. Воспринимая такие представления, такие идеи будь то из поэзии, будь то из философии Востока, также из тех разновидностей этой поэзии, этой философии, которые, как ставшие древними, сохранились на Востоке до сегодняшнего дня, получают - хотелось бы сказать - внутреннюю духовную потребность выйти за пределы этих образов, этих идей. И тогда перед душевным взором всплывает нечто: Мы часто не можем избавиться от впечатления, как будто такая восточная идея всплывает из того, как человек приближается к тайне и к таинственному творчеству природы и мира. Давая воздействовать на себя этому образу, мы не можем избавиться от впечатления, как если бы перед нами в духе произрастало то, что и на Востоке является символом для такого понятия: цветок лотоса, обвивающий лепестки вокруг того, что должно быть таинственно скрыто. И когда мы с некоторой любовью погружаемся в многообразно подвижные понятия, в понятия, способные скорее нежно прикоснуться к внешним вещам и как бы окутывать их дуновением тумана, чем представлять их в резких очертаниях, мы не можем избавиться от впечатления, как будто мы перемещаемся в разветвления этих понятий, перемещаемся в это переплетающееся, видим всплывающей перед своей душой всю переплетающуюся, ветвящуюся растительность Востока, а также всё то, что затем произвела человеческая рука, человеческий ум и культура из камней и других произведений труда в духе этих текучих, ветвящихся понятий. Нужно сказать: Погружаясь в эти представления, в эти понятия, душа не может не видеть перед собой как бы природу, которая в своей жизни, во всём своём многообразии, в своей исполненной фантазии деятельности подобна тому, что переживается душой в понятиях, в представлениях, когда мы углубляемся в восточное духовное творчество. Мне кажется нет никакого внешнего повода переходить так от духовного творчества к настоящему наблюдению природы, но мне кажется, что в самих восточных представлениях и понятиях находятся импульсы к тому, чтобы не просто принимать их, но применять их к внешнему миру. И хотя европеец может быть имеет чувство: всё это нельзя применить к внешнему миру именно из-за его часто кажущегося ему фантастического

характера, нужно сказать: Да, но как же тогда следовать резко очерченными понятиями за флюктуирующими, быстро меняющимися в разнообразных формах облачными образованиями? А такие образования также должны прослеживаться в творчестве природы, когда хотят наблюдать это творчество в непосредственном проявлении, как оно возникает перед человеческой душой и человеческими чувствами.

Многоуважаемые присутствующие, почему это? Мне кажется, что для этого нет никакого другого основания кроме того, что просто в переживании звучащего нам из этого восточного духовного творчества живёт элемент, из которого некогда непосредственно творили. Человек Востока некогда развил величайшее своего мировоззрения, которое затем часто передавалось потомкам в упадочном состоянии. Человек Востока творит всё в преданной любви. В каждой из его идей, в каждом из его понятий и его образов живёт любовь, и мы прослеживаем любовь в этих идеях, в этих понятиях и образах. Любовь хочет излиться в объекты, и она изливается естественно и начаровывает перед нашей душой то, что восточный человек изобразил в символах с внутренним пониманием многого, действующего в сверхчувственном, когда он хотел представить то, что он воспринимал в вещах как духовное. Само собой разумеется, что этим не утверждается, будто такая духовная конфигурация, например, при распространении по всей Земле, могла бы дать полное счастье мировому развитию. Но так как она некогда всплыла на одном куске Земли и многократно изливала своё действие на другие области земной жизни, то именно в век, когда должно быть достигнуто взаимопонимание между людьми, её нужно рассматривать непредвзято.

Сопоставим с этим то, что совершенно определённо с не меньшим правом, но в совсем другой форме развилось как воззрение дальше на Западе - а мы в этом отношении живём совсем на Западе. Там мы видим, как в качестве идеала рассматривается и должно рассматриваться - хотелось бы сказать - что как раз отстраняются от того, что непосредственно наблюдают чувства, что находится распространённым там извне в пространстве и во времени, и что то, что представляет природа, что должно вести к мировой тайне, испытывают в отношении пространственного положения, движений, массы и веса, что то, что непосредственно представляется глазу, рассекают, кладут под микроскоп и затем образуют себе представления, которые также могут получиться только под микроскопом. Перенесёмся лишь в наши лаборатории, как мы там вооружены этими понятиями, которые в сущности получают совершенно помимо непосредственного наблюдения! Как рассматриваем мы сегодня текущий через мир свет! Как мы рассматриваем его в абстрактных понятиях! Они должны быть, иначе мы не пришли бы к пониманию; но как далеко удалено то, что мы в своём духовном творчестве часто находим обозначенным как свет и цвета, от того, что выступает перед нами в лесу и на лугу, в облачных образованиях, в Солнце! Мы можем сказать: То, что мы воссоздаём в своих резко очерченных понятиях с весами, с масштабом, с разнообразнейшими видами счётных устройств и т.д., что вводит нас в известные глубины природного бытия и решает многие загадки, то не подводит нас к непосредственному наблюдению природы. Вполне можно

сказать сегодня, что человек обращает своё внимание на чувственное наблюдение и затем пытается из чувственного наблюдения составить своё мировоззрение. Но в сущности это совсем не так. То, что мы обосновываем как научное мировоззрение, далеко отдалено от того, что собственно наблюдают чувства. Мы должны собственно сказать: Когда мы, снабжённые оружием нашей науки, которое мы называем пожалуй как раз прекраснейшим плодом нашей науки, обосновываем своё познание, тогда, если мы снова хотим подойти к природе, мы должны нечто переключить в своей душе. Если мы ботаники, если мы много работали с микроскопом, узнали жизнь клетки, составили себе представление сегодняшним атомизирующим образом, то мы должны переключить нечто в душе, чтобы снова иметь любовь непосредственно к цветущему и зеленеющему растительному миру. Когда мы составили представление о строении животного и человека, мы должны снова переключиться, если хотим проникнуть к непосредственному наблюдению вида и деятельности животного, чтобы радоваться, как животное носится по лугу, или когда оно обращает к нам свой меланхолический или пристальный взгляд, или доверчиво смотрит на нас. Точно так же мы должны переключить нечто в своей душе, когда хотим перенестись в то, что может видеть глаз, обращая взор на сложение человека, на формы, прослеженные взором художника, и т.д. Человеку Востока не нужно переключаться. То, что он называл своей наукой, когда он переживал это воодушевлённый любовью, выводило его к непосредственному созерцанию. Оно было совершенно непосредственно отзвуком того, что он переживал в душе.

Таково различие настроений в понимании мира и жизни между Востоком и Западом. И это различие настроений взаимодействует в земном человеке разнообразнейшим образом; так как в том, что мы переживаем в своей душе научно, художественно, религиозно, течёт многое из того настроения, которое я как раз пытался охарактеризовать, как веющего с Востока. Но в другом отношении в нас снова господствует нечто от переживания мира, воспламенённого развитой Западом научностью, которая - хотелось бы сказать - является молодой научностью и познанием по сравнению с устаревшей научностью Востока. И в каждой душе средней цивилизации совместно текут оба эти течения. И в сущности жизнь, окружающая нас именно в Европе, есть слияние, такое слияние, что нам очень нужно с полным пониманием заглянуть в то, что там сливается.

Можно ещё другим способом охарактеризовать как соприкасаются друг с другом настроения Востока и Запада в нашей современной духовной жизни. Из только что описанного относительно Востока для человека Востока следует одно. Вживаясь в свою духовную жизнь, он переживает эту духовную жизнь как непосредственную реальность, он непосредственно несёт её в своей душе как само собой разумеющуюся для него действительность. Тогда внешняя природа, вообще весь внешний мир вплоть до звёздных образований вверху, является ему как отзвук, который однако в сущности есть то же самое, что он несёт в своём внутреннем. Но только то, что ему там откликается как эхо, что выступает как отражение, это он не может считать действительностью в том же самом смысле. Относительно того, что он переживает в душевном, с чем он связан, он говорит: э

т о с у щ е с т в у е т, потому что его бытие он ощущает как своё собственное, потому что он поэтому знает, какой род бытия ему соответствует. Взирая во вне, откуда ему отсвечивает отражение этого сущего, он знает в своём роде: Это не имеет реальности в том же смысле, это не есть в том же смысле действительность. Если бы я не освещал его светом, текущим из моего собственного внутреннего, оно было бы немым и тёмным. И ощущая это всё больше и больше, он приходит к душевному настроению, которое говорит: Истина, действительность, они живут в том, что душа непосредственно испытывает. То, что там во вне отсвечивает как её отражение, есть именно видимость, майя не полная действительность, это становится действительностью только тогда, когда его касается то, что должно открываться только через собственное человеческое душевное внутреннее.

Итак мы видим, как на Востоке создаётся мировоззрение, что духовный мир есть действительность, что внешний мир, внешний чувственный мир есть кажущийся мир, великий обман, майя. Не следует однако думать поэтому, что человек Востока совершенно отвращает свой взор от этого внешнего мира - так было в добуддийское время. Он принимает его, хотя в некотором высшем смысле он именно должен сознаться, что в том, что находится распространённым в пространстве и времени, он имеет дело не с полной действительностью, а с видимостью, с великим небытием, с майей. Это однако изливает особое настроение на душевную жизнь Востока, настроение, благодаря которому душа чувствует себя соединённой с духовным миром и приходит к тому, чтобы видеть некоторым образом во всём том, что живёт во внешнем чувственном мире, отображение истинной изначальной формы мира, существующей в духе. Но это в конце концов расширяется до воззрения, что и собственное человеческое чувственное существо есть отображение человеческого существа, которое изначально существует в духовном мире. И можно сказать: совершенно одинаковым образом человек Востока считает внешний мир миром отражений духовного мира, точно так же, как самого себя он считает отображением того, чем он был прежде, чем сошёл в физически-чувственный мир. Оба воззрения, на человека и на природу, с его точки зрения находятся в полном созвучии. Как однако возможно это созвучие, как оно правда больше не соответствует нашим воззрениям, но всё же, хотя и некоторым односторонним образом, выражает истину, это сможет обнаружиться нам, когда мы приступим к рассмотрению этого восточного познавательного настроения теми методами духовного исследования, которые я описал в эти дни.

Я разъяснил, как посредством пробуждения дремлющих в душе сил можно прийти к созерцанию духовного мира также и в смысле, пригодном сегодняшнему, современному человеку, как снова можно смотреть в духовный мир, как духовный мир может начать расстилаться перед человеком, перед его духовным оком, как перед чувственным глазом расстилается физически-чувственный мир. Но если развивают это созерцание дальше, то духовный мир не остаётся просто пантеистическим, туманным образованием, а становится столь же конкретным в отдельных образованиях, как и чувственный мир конкретен в отдельных образованиях природных царств. Но тогда получается

воззрение на человека, которое сегодня я прежде всего хочу охарактеризовать путём сравнения.

Возьмём факт, который возникает перед нами в каждое мгновение нашей жизни, что мы имеем внешний опыт, внешнее переживание. Мы находимся в этом внешнем опыте, в этом внешнем переживании, мы находимся в нём нашим чувственным восприятием, может быть мы переживаем его также, приводя в движение нашу волю, действуя. Мы переживаем себя вместе с фактами внешнего мира. Именно это является для нас непосредственным современным переживанием. Из таких переживаний состоит в основном человеческое земное бытие. От таких переживаний мы удерживаем мысленные образы, которые затем являются нашими воспоминаниями. Мы оглядываемся на свои переживания, неся в себе побледневшие, теневые, именно мысленные образы переживаний.

Многоуважаемые присутствующие, пусть будут только в этом отношении совершенно честными перед самими собой и спросят современное сознание, есть ли в нём в какой-нибудь момент жизни по содержанию много больше, чем воспоминания о внешних фактических чувственных переживаниях. Конечно некоторые туманные мистики воображают, что они извлекают из глубин своей души всевозможное вечное. Если бы они посмотрели точнее, если бы они были в состоянии действительно испытать то, что они там извлекают, то нашли бы, что оно представляет собой ничто иное как преобразованные внешние восприятия. Воспоминания во внутреннем человека не только сохраняются правильными, но и многократно преобразовываются, и тогда человек больше не узнаёт их, ему как мистiku кажется, что он извлёк нечто из своей души, тогда как он извлёк из воспоминания только преобразованное внешнее переживание.

Конечно, стоит только вспомнить о математических истинах, чтобы признать, что в то, чем является душевная жизнь, вживаются всевозможные внутренние структуры; но как правило мистик не ищет эти внутренние структуры. Однако тот, кто хочет непредвзято принимать повседневную душевную жизнь, как она представляется в обычном сознании, должен сказать: Эта душевная жизнь есть именно сумма образов, которые являются остатками наших переживаний, которые возникли посредством восприятий и других переживаний во внешнем чувственном мире фактов, так что, взирая на своё душевное, а также на пронизывающее это душевное духовное, каким мы его имеем прежде всего в физической земной жизни, мы можем сказать: Там во вне существует расстилающийся в пространстве, полный сил физический мир, который раскрывает во времени свои причины и действия, следовательно, мир фактов. Здесь внутри существует мир душевных теней, который правда в целом мы переживаем как душевно-живое, но по своему содержанию именно вполне как отображение мира фактов, чувственного мира. Так вот, многоуважаемые присутствующие, как бы парадоксально это ещё часто ни звучало для сегодняшнего воззрения: для воззрения, которое я здесь в эти дни развивал, устанавливается обратное. Когда действительно переживается духовное в мире, духовное в природных явлениях, как оно является пустому сознанию из медитации, когда духовное наблюдается как духовно-душевное самого человека, как он есть, прежде чем он сошёл в телесное бытие из духовного мира, когда

конкретное духовное так действительно наблюдается раскрытым духовным органом, когда мир вокруг нас становится таким же духовным, как для наших чувств чувственный, физический, тогда, многоуважаемые присутствующие, как бы в воспоминании о временах, когда мы как духовно-душевное существо жили в чисто духовно-душевных мирах, мы начинаем прозревать, что наша физическая организация в своих деталях есть отображение того, что находится вокруг нас как духовный мир.

Физиологически и анатомически мы можем рассматривать наши лёгкие, наше сердце, остальные наши органы лишь как внешние вещи; но тогда, когда мы в состоянии видеть вокруг себя окружающий духовный мир, тогда то, что фактически внутри представляют собой лёгкие, сердце, становится существующим в физическом отображении того, что теперь предобразовано духовно. Так же, как в нашем обычном сознании мир во вне является физическим, и наше душевное создаёт себе отображения и имеет их как переживания, так же испытываем мы, что там во вне находится духовный мир и что отображения этого духовного мира находятся в наших собственных органах. Только тогда мы узнаём человека в его членении, когда узнали духовный мир. И тогда, многоуважаемые присутствующие, также то, что обычно называют веществом, перестаёт иметь то же самое значение, какое оно приняло в новой цивилизации, так же, однако, как и дух перестаёт иметь значение абстрактного, того, чем отстал именно в новой цивилизации. Тогда мы видим, как действительно в том, что органически работает в нас, присутствует отображение того, чем мы были, прежде чем сошли к земному бытию.

И тогда наступает то, многоуважаемые присутствующие, что нас не путает больше даже материализм, поскольку он оправдан - он принёс своё положительное, принёс нам бесчисленные познания: так как мы смотрим на человеческий мозг, на человеческую нервную систему в их физической работе. Мы признаём для себя правда, что обычное, повседневное мышление есть функция этих физических органов. Мы целиком созвучны с тем, что сегодня должна утверждать строгая наука относительно этих вещей: но с другой стороны мы знаем, что то, что работает в нас в материальных формах, есть именно превращённая копия духовного. Оно должно быть материальным, потому что материальное есть превращение духовного, потому что духовное, превращаясь в земного человека, ищет себе материальную способность мозга, нервов, чтобы в материальной копии совершить то, что предобразовано духовно.

Это выступает перед духовным оком современного человека благодаря развитию тех сил познания, о которых я говорил в эти дни. Но я хотел бы сказать: Именно сновидческий праобраз этого присутствует в том восточном мировоззрении, которое я мог набросать парой штрихов, которое сегодня стало древним и устаревшим, которое однако с известными особенностями всё снова продолжает действовать в воспитании нашего сердца и души. Этот древний Восток в своём инстинктивном ясновидении предчувствовал, что духовный мир есть реальность, с которой он чувствовал себя связанным, и что природа вместе с тем, что есть природа в самом человеке, есть отображение духовного; то, в чём как внешняя видимость открывается внутренне духовное. Не следует только

говорить, что человек Востока не наблюдал природу. Он имел тонкие органы для наблюдения природы. Но из всего того, что он верно наблюдал, с любовью

почитал как отображение, ему светило духовное. Природа открывала ему дух, везде излучала ему дух. И этот дух он называл своей действительностью. А то, что расстиралось внешне, было для него майей. Уже в буддизме, который приобрел гораздо большее влияние на восточную жизнь, чем обычно думают, в нём видно, как в ходе дальнейшего человеческого и земного развития непосредственное пребывание в духовном мире притуплялось, как взор некоторым образом всё больше и больше направлялся на майю и как ощущение великого обмана, великого небытия, майи постепенно становилось главным, как из него возникало настроение потребности освобождения от того, что может быть пережито внутри этой майи; пережито в особенности в смысле Будды, который видел в непосредственном переживании этой майи сумму страданий, устремляющихся на человека. Именно это является в то же время - хотелось бы сказать - оправданием, которое может иметь для нас это восточное мировоззрение, когда мы снова приходим к современному познанию духа. Оправдание рассматривалось там - инстинктивно и односторонне - как нечто, к чему мы должны прийти с полной рассудительностью, с ясным сознанием. Так как в развитии мира не должно вторично наступить ослабление человеческой активности по отношению к требованиям земного внешнего мира. Человек не должен вторично устроить своё бегство в духовную жизнь так, что оно помешает ему в полную силу взяться за земную задачу, за всё то, что восточный человек - даже если он, уступая современным понятиям, не называет это так - часто ощущает как майю, ощущая как действительность то, что открывается в его внутреннем. Так внутри для него находится свет, который представляет для него непосредственный отблеск божественно-духовного в мире.

Теперь, многоуважаемые присутствующие, тому, что я описал Вам духовно-географически вливающимся в нашу современную жизнь, я хотел

бы противопоставить другую картину, картину, также взятую из человеческого духовного развития, мирового развития, но принадлежащую нашей непосредственной современности. Кто много вращался в тех сферах, из которых сегодня столь многое поднимается в нашу и для Европы в известном отношении устаревшую цивилизацию, в тех сферах, из которых поднимаются страстные желания в социальном отношении и социальные битвы, тот найдёт нечто, что я хочу охарактеризовать следующим образом. Долгое время я был учителем в социалистических кругах, без того, чтобы поэтому меня можно было обвинить в социалистическом настроении - так как это было бы неверно, - именно для того, чтобы распространять в этих кругах духовную жизнь - время для этого тогда ещё не пришло, это было свыше двадцати лет тому назад - духовную жизнь, которая могла бы вести к состояниям, более соответствующим действительности, чем те, к которым стремятся из абстрактного марксизма или из модифицированного марксизма и т.п., и которые всё же во многих отношениях являются именно несоответствующими действительности. Но когда наблюдают нечто, присутствующее там как основное настроение, в чём можно узнать начало, которое однако так глубоко сидит в душах, как восточное настроение майи сидит

в душах в виде конца, тогда одно слово тяжело ложится на душу, слово, выражающее много бессознательных ощущений, бессознательных идей и понятий, также бессознательных страстных стремлений, слово, которое можно слышать всё снова и снова, которое в последние десятилетия следует ощущать как характерное для широких кругов человечества. Над миллионами людей распространилось настроение, выражаемое этим словом. Это слово и д е о л о г и я; это слово, возникшее из того воззрения, которое принял в своё образование именно пролетарский класс. Из всё более и более материалистической научности там развилось воззрение что историческая действительность заключается собственно лишь в экономических битвах, в экономических состояниях, в классовых битвах, короче, в том, чем является в человеческой жизни, в исторической жизни непосредственное внешнее чувственно-физическое материальное, что следовательно собственно экономические силы являются реальным, действительным. Этот экономический материализм, имеющий гораздо большее распространение, чем думают сегодня ещё многие люди высших классов, этот экономический материализм является в известном смысле всё же результатом общего материалистического воззрения, которое сегодня полагают даже научно преодоленным, но которое тем не менее проникло именно в душевные настроения широчайших кругов Запада. А что значит идеология? Это значит, что правовая жизнь, нравственное то, что находится в прекрасном, религиозные понятия, понятие государства, короче, всё то, что представляет собой духовную жизнь, не есть истинная действительность, а пена и видимость, поднимающаяся из истинной действительности, которая заключается в материальных битвах и состояниях. Идеология должна обозначать, что то, что человек переживает в своём внутреннем, будь то искусство, будь то наука, будь то право, будь то государственные принципы, будь то религиозные импульсы, есть майя, если можно употребить здесь восточное выражение. Так как ведь словом идеология, если его не принимать внешне, абстрактно, если могут ощутить, что думают миллионы людей, будет обозначаться нечто, что должно принять ужаснейшие размеры, если оно не будет своевременно введено в хороший фарватер. То, что душа внутренне переживает и формирует, не есть действительность, истинная действительность есть лишь то, что живёт внешне в чувственной данности. Итак, в западной цивилизации развилось настроение, полярно противоположное тому, которое долгое время господствовало над Востоком и по-старчески присутствует ещё сегодня, больше как внешний убор. Там истинная реальность то, что переживается в духе, майя то, что происходит внешне в физической данности; здесь майя, идеология - как собственно должен быть назван перевод слова майя, но теперь для духовной области - майя это то, что переживается в духе, действительность же то, что присутствует в мире распространённым чувственно как чувственная данность. Мир в своём развитии стремится к полному формированию своих частных возможностей. Так же, как одна односторонность возникла на Востоке, другая односторонность должна была ещё раз охватить человечество. Но, многоуважаемые присутствующие, если хотят плодотворно содействовать развитию человечества, чтобы мы снова пришли от сил упадка к силам подъёма, нужно только поставить перед душой то,

что собственно может обозначать это настроение идеологии. Оно молодо, следовательно представляет начало.

Если мы обратимся к тому, что нам может сказать именно современное духовнонаучное воззрение, то мы найдём: на Востоке присутствовало инстинктивное, тёмное, сновидческое познание того, что существует духовная действительность, что здесь в физическом присутствует чувственное отображение этой духовной действительности. Потому что внимание души обращали преимущественно на духовную действительность, чувственная действительность стала именно недействительностью, внешней видимостью, майей. Но эта майя имеет значение не только для нашей внешней работы: она может быть майей, но свою работу мы всё же должны как на действительность обращать прежде всего на эту майю. Она имеет значение также для "Познай самого себя" для истинно человеческого воззрения. Почему? Многоуважаемые присутствующие, мы можем конечно подняться к жизни в духовном мире, как я это описал, можем постигать остро очерченными понятиями и посредством этого понять то, что сновидчески являлось Востоку. Но в переживании такого мира мы в человеческом развитии никогда не могли бы прийти к импульсу свободы. В ходе своего развития из духовного мира, с которым человек чувствует себя внутренне связанным, но в то же время внутренне определённым, от которого он чувствует себя зависимым, он со своим сознанием должен был развиваться из этого мира в течение преходящей эпохи исторического развития, в которой мы полностью находимся, и обратиться к миру простой данности. Когда человек противостоит этой внешней данности, его душевная жизнь становится образом этой данности. То, что как дух пронизывает эту душевную жизнь, становится абстрактными понятиями, становится постепенно тем, что должно быть простым образом, что должно быть понято в его образности. Я уже указывал на это: Когда в качестве импульсов мы несём в себе образы, мы можем быть свободны. Зеркальные отражения нас не определяют. Когда мы хотим управлять собой согласно зеркальным отражениям, которые бессильны в себе, то мы должны давать себе импульсы сами. Так обстоит дело и с тем, что стало в нас абстрактными понятиями. И тогда как в чистом мышлении в нас выступает благороднейшее из того, что мы несём в себе, морально-религиозное, оно однако становится для нас импульсом свободы. Это самое ценное содержание человеческой жизни; но оно выступает в эпоху, когда человек находит себя в своём воззрении непосредственно противопоставленным физической данности, оно выступает в абстрактном мышлении. И в тот момент, когда моральное выступает как моральная интуиция в чистом мышлении, тогда исполняется задача эпохи, которая развилась из духовно-реального к духу абстрактного и которая - хотелось бы сказать - радикализируя это душевное настроение, понимает теперь всё духовное как майю, как простую видимость, как идеологию. Мы имеем известное право понимать как идеологию всё то, что представляет зеркальные отражения внешнего природного бытия. Но в тот момент, когда моральное в виде моральной интуиции производит свой вклад в мышление майи, в эту идеологию, тогда достигается первая ступень, на которой мы снова познаём: эта идеология, переживаемая в нас как просто образное бытие, она

должна быть пробуждена к внутренней жизни, когда мы делаем себя энергичнее, когда мы даём произрастать внутренней жизни, которая в нас скрыта. Содержание мира должно было сначала стать для человечества идеологией для того, чтобы человек мог влить в это мировое содержание свою реальность. Но это было необходимо для переживания свободы человека, которое стало только переживанием Запада, новой цивилизации. Это было необходимо таким образом, чтобы человек прежде всего во всём том, что для него наиболее ценно, с его искусством, с его наукой, с моральными понятиями, короче, со всем тем, что составляет его духовную жизнь, чувствовал себя как бы в нереальном и чтобы всё то, что ему светит как прошлое, чтобы всё это казалось ему единственной действительностью, потому что эта действительность, когда она правильно понимается, совсем не может препятствовать его свободе, поскольку он ведь есть духовное существо, которое в физически-чувственной данности создаёт себе только отображение самого духа.

Так, многуважаемые присутствующие, можем мы чувствовать как в том, что выступает как идеология, находится именно радикализованное настроение, которое мы собственно должны иметь по отношению к понятиям, которые мы имеем о природе, живущим в условиях положения, в движении, в мере и числе. Если бы природа передала нам что-нибудь другое, а не понятия, она никогда не дала бы нам стать свободными людьми. Лишь благодаря тому, что мы воспаряем к понятиям, которые тому, кто остаётся погруженным в эту ступень, кажутся только идеологией, в эти сначала нереальные понятия может излиться новая реально-духовная форма высшего мира. Это начало, из которого для людей должна родиться новая форма духовного мира. И когда перед нами односторонне выступает переживание идеологии, то тот, кто сегодня не остаётся погруженным в непосредственные воззрения дня, а может взглянуть на мировое развитие, должен говорить себе: Как необходимо было, чтобы человек мог прийти к такой ступени развития, на которой, односторонне взирая на мир и на себя, он может говорить об идеологии; так он снова должен прийти к мнению, к убеждению, к силе, к мужеству влить в эту идеологию духовно увиденный, духовно пережитый мир. Иначе идеология останется именно идеологией, как бы её философски не критиковали. И силы упадка - мы увидим во второй части этих лекций, которая будет посвящена "Антропософии и социологии" - будут развиваться в весьма действительном смысле, но в смысле сил упадка.

Так перед нами стоят - хотелось бы сказать - два образа: образ, который видит духовную действительность и чувственный мир как майю; образ, который видит чувственный мир и духовный мир как майю. Согласование того, что выступает перед нами как две столь полярно противоположные друг другу мировые картины, в состоянии принести единственно только то миро- и жизневоззрение, которое может внести в идеологически рассматриваемый духовный мир духовную интуицию, духовную имагинацию и инспирацию, чтобы то, что кажется сегодня несказанно пустым, снова могло быть наполнено духовным содержанием, и которое в то же время в состоянии увидеть, в каком смысле то, что Восток ощущал как видимость, как майю, всё же есть реальность, реальность в том смысле, что оно есть истинное, верное отображение, превращение

духовного мира, которое было необходимо для развития человечества к свободе - единственно только такое миро - и жизневоззрение, которое так рассматривает обе эти картины, что может их известным образом вставить одна в другую, не составить из них лишь сухую, внешнюю сумму, а развитую своей собственной внутренней жизнью не из одной или другой, но из непосредственной человеческой сущности в духовном взлёте. И эти мировые картины участвуют во всём том, что мы духовно переживаем. Это именно так, что эти настроения участвуют в деталях жизни, в деталях человеческих взглядов. Я хотел бы избежать выносить своё собственное суждение как раз об этом пункте как среднеевропеец здесь в Средней Европе, я хотел бы высказать суждение, вынесенное несколько лет назад одним англичанином, который сравнивал Западную и Среднюю Европу в отношении некоторых сторон духовной жизни. Этот англичанин хотел охарактеризовать как представляет себя духовная жизнь в отдельных явлениях. Он указал на появление в конце пятидесятих годов и в начале шестидесятих годов прошлого века значительного труда Бокля "История цивилизации". Он указал на то, как этот Бокль рассматривает историческую жизнь большей частью из хозяйственных импульсов - ещё не так радикально, как напр. марксисты, но всё же из хозяйственных импульсов - так что духовная жизнь восстаёт в основном из хозяйственных сил в их взаимодействии. Что-либо подобное не нужно целиком критиковать, к подобному можно относиться положительно, можно говорить: Поскольку человек представляет собой и хозяйственное существо, то в человеческом развитии стало необходимым увидеть однажды человеческую жизнь также и в этом свете. Затем однако этот англичанин указал на другой труд, который на этот раз возник в то же самое время в Средней Европе, труд "История Ренессанса в Италии" Якоба Буркгардта. Англичанин сам указал на то, что в нём господствует совершенно другой дух; так как Якоб Буркгардт описывает, как люди чувствуют, как они настроены друг к другу, как благодаря взглядам, которые они имеют друг о друге, приходят к определённым отношениям, чем опять определяются другие разыгрывающиеся между ними события. И затем англичанин так резюмирует своё суждение, что говорит - я не сужу сам, я привожу суждение англичанина - что говорит: Бокль описывает человека как он ест и пьёт, Буркгардт описывает человека как он мыслит и чувствует. И здесь я хочу кое-что добавить: Когда мы слышим, как западный человек рассматривает внешнюю данность, а духовной жизни предоставляет возникать из неё в качестве результата, а среднеевропеец рассматривает то, что живёт в душевном, но как душевное в земном бытии, то можно было бы сказать: в качестве третьего можно было бы прибавить: восточный человек, во многих отношениях уже европейский, восточный человек описывает человека как он молится и жертвует. И так мы можем сказать, дополняя суждение англичанина: На Западе человек описывает как он ест и пьёт - я говорю это не в неблагоприятном смысле - в среднем мире человек описывается как он мыслит и чувствует; в восточном - как он молится и жертвует. Хотелось бы сказать - в молитве и жертвоприношении участвует то, что я позволил себе описать как восточное настроение. Но мы должны также видеть, как в том, что описано в середине, где человек представлен как он мыслит и

чувствует, как там оба течения сливаются, как сегодня получают побуждение правильным образом понимать это слияние из начала, которое должно проработаться к духовному. И то, что я хотел представить как два настроения, мне хотелось бы подытожить в одном образе, чтобы показать, что собственно должно найти взаимопонимание между Востоком и Западом. Мне хотелось бы подытожить это в следующем образе указав на то, как в то время, когда на Востоке физически-чувственный мир уже ощущался как майя, но также и человеческая жизнь ощущалась как майя, как там тот, который был назван Буддой, находил во время своих скитаний различнейшие проявления земных человеческих страданий как среди этих проявлений был также труп, как перед Буддой выступила смерть и как он из этого созерцания смерти, человеческой смерти, пришёл к своему выводу: жизнь есть страдание. Это род и способ, как развёртывалась восточная культура за шестьсот лет до основания христианства. Шестьсот лет позже было основано христианство, и после этого стоит значительный символ, символ распятия, поднятый крест со Спасителем, с мёртвым человеческим телом на нём. И бесчисленные люди взирают на труп, на изображение трупа на Западе, как бесчисленные люди, которые стали последователями Будды, взирали на труп, от которого Будда взял своё учение. Как Восток исповедует: жизнь есть страдание, мы стремимся к избавлению, так взирали западные люди на образ трупа. Но при виде этого трупа они произносили не просто слова: жизнь есть страдание, нет: зрелище смерти стало для них символом воскресения, воскресения духа из внутренней человеческой силы. Символом того, что дух может быть спасён именно тем, что физическое преодолевается. Хотя оно преодолевается не в том например смысле, что от него аскетически отвращаются, но когда его полностью держат, перед глазами, рассматривают не как майю, но преодолевают работой, деятельностью, подвижностью воли. Из созерцательной жизни Востока возникло созерцание трупа со следствием: жизнь есть страдание; человек должен быть избавлен от жизни. Из устремлённой к деятельности жизни Запада при виде трупа всходит: жизнь должна развить в себе силу преодолеть силы смерти и выполнить задачу человеческой работы в развитии мира.

Одно мировоззрение старо дряхло, но оно несёт в себе столь великое, что называя его дряхлым, перед ним стоят как перед чем-то достойным уважения древним. Старца почитают; но от него не требуют, чтобы он исповедовал взгляды юности. То, однако, что выступает перед нами на Западе, носит характер начала. Оно юно, оно то, что должно развить в себе юношеские силы, чтобы своим путём достигнуть духа, как своим само собой разумеющимся образом достиг духа Восток. Мы почитаем Восток за его духовность, тем не менее нам должно быть ясно: мы должны развить свою собственную духовность из своего западного начала; но мы должны формировать её так, чтобы мы могли найти взаимопонимание со всеми существующими воззрениями на всей Земле, особенно с достойными уважения древними. Это сможет осуществиться, если мы как средние и западные люди будем сознавать, что это значит: наше миро- и жизневоззрение имеет недостатки, но это недостатки юности. Если мы это понимаем, то это требование иметь мужество для силы. Если мы

противопоставляем тому, что мы должны иметь с Востока, почитание, любовь, восхищение его духовностью, если мы противопоставляем этому не пассивный приём, а прилежный труд из того, что сегодня может быть ещё недуховно есть на Западе, что однако несёт в себе зародыш духовности, если мы прибавляем к почитанию силу, то мы будем делать правильное для развития человечества.

Вена - 5.VI.1922.

Антропософия и космология

Многоуважаемые присутствующие! Если сегодня с кем-нибудь, имеющим интерес к таким вещам, начинают дискуссировать о возможности познания духовной жизни в связи с чувственно-физическим миром, то дело обстоит так, что обычно большинство лиц идёт навстречу по крайней мере в том, что ставится вопрос: Может ли человек каким-либо путём прийти к какому-нибудь роду духовного познания?, несмотря даже на то, что потом в дальнейшем ходе оказывается, что не хотят допустить большего, чем познание духовного мира в совсем общих понятиях и идеях, может быть в какой-либо форме расплывчатого пантеизма или в понимании жизни, созвучном с мистическим. Если же тогда, напротив, заходят столь далеко, как это стало необходимо, мне в моей "Тайной науке", - «Тайноведение», что пытаются описать действительную космологию науку о становлении и развитии мира в конкретных частностях, тогда с просвещённым человеком дискуссия чаще всего прекращается. Что кто-нибудь в наше время может быть в состоянии из каких-либо познавательных основ сказать нечто о духовном происхождении мира, о духовных деятельных силах в мировом развитии, о возможности того, что развитие мира снова вернётся в духовную форму бытия, после того, как пройдёт через чувственно-физическую фазу, на это, когда оно выступает, например, в моей "Тайной науке" в отдельных конкретных описаниях, смотрят более или менее так, что с тем, кто утверждает нечто подобное, просвещённые люди не хотят иметь больше чего-либо общего. Ибо думают: Когда кто-нибудь обязывается говорить о таких вещах в деталях, то он в сущности близок к тому, чтобы потерять рассудок; по крайней мере не могут себя компрометировать, вдаваясь в обсуждение таких подробностей.

Изложение каких-нибудь подробностей космологии, как они могут быть получены с точки зрения представляемого здесь мировоззрения, конечно не может быть задачей одной единственной лекции. Напротив, в сегодняшней лекции я хотел бы попытаться показать, как можно прийти к такой духовнонаучной космологии, к познанию духовных импульсов, лежащих в основе мирового развития. Если что-нибудь подобное предпринимают, то сегодня большей частью встречают упрёки в антропоморфизме, то есть, будто ищут то, что разыгрывается в самом человеке, что присутствует в человеческой душевной жизни, а затем переносят это на мировое бытие как то в соответствии со своими желаниями или с какими-либо другими предчувствиями или предрассудками. Именно точное рассмотрение рода и способа, каким представленное здесь понимание мира и жизни приходит к своим космическим результатам, должно

соответственно позволить узнать, что ни в какой самой отдалённой мере здесь дело не в антропоморфизме, а в том, чтобы находить результаты о мире и мировом развитии посредством духовного познания действительно столь же объективным образом, как и в области познания природы.

Из лекций, которые я здесь прочёл до сих пор, Вы, многоуважаемые присутствующие, видели, какие намерения имеет представленное здесь понимание мира относительно его методов исследования, что оно, с одной стороны, заботливо хочет удержать всё то, что в ходе последних трёх или четырёх столетий человечество усвоило из научной добросовестности и из определённого надёжного осторожного метода поисков истин. А именно, это понимание мира совсем не хотело бы переходить границы познания природы, поскольку может быть речь об оправданном познании природы, хотело бы заботливо наблюдать, где находятся границы простого познания природы. Что такие границы существуют, многократно говорилось сегодня и издавна. И можно сказать: То, что сегодня говорят в этой области именно научно образованные, строится на том, что для некоторых более философски настроенных умов происходит от Канта, для тех, кто любит более популярное представление, от Шопенгауэра и т.д. В этом направлении можно привести многое. Следует однако сказать, что как Кант, так и Шопенгауэр и все те, кто двигался в направлении течения их мысли, стали опасны для соответствующего обсуждения границ познания потому, что в рассмотрении человеческой способности познания, в рассмотрении человеческих душевных способностей эти умы пришли к определённой границе известным - хотелось бы сказать - весьма превратным образом. Они пришли к определённой границе, и род и способ, каким они приблизились к этой границе, является чрезвычайно остроумным. И всё же нужно сказать: В момент, когда замечают, что человека следует рассматривать как целое, что нужно привлечь к рассмотрению всё то, что в познании, деятельности и внутреннем переживании зависит от телесно-душевной и духовной организации человека, тогда видят также, как односторонняя критика способности познания также может вести именно только к односторонностям. Когда хотят рассмотреть отношение человека к миру, чтобы посредством этого установить, существует ли путь от человека к познанию мира, уже тогда нужно брать ц е л о г о человека и рассматривать этого целого человека в его существе. И с такой точки зрения я хотел бы прежде всего поставить вопрос: Допустим, что те границы познания природы, о которых со времени Дюбуа-Реймона говорится и в естественнонаучном смысле, которые сегодня, конечно, рассматриваются иначе, чем пол столетия назад рассматривал Дюбуа-Реймон - допустим, что те границы познания природы не существовали бы, как противостоял бы человек миру? Допустим, что теоретическая возможность познания, проявляющаяся в человеке посредством того, что он связывает свои понятия с наблюдениями и результатами экспериментов, чтобы таким образом прийти к мировой закономерности, беспрепятственно могла бы проникать в неорганический мир, в мир органического, то тогда, если бы она могла проникнуть до жизни, ей вряд ли нужно было бы задерживаться перед дальнейшим повышением бытия, перед душевным, духовным. Допустим, следовательно, что обычное сознание, которое

мы применяем в науках, которым мы оперируем в обычной жизни в нашей работе, это обычное сознание было бы в любое время в состоянии не только некоторым образом подходить к внешней стороне мира, но в любое время могло бы проникать под поверхность вещей к их внутренней сущности, если бы следовательно, такой границы не было, каким должен был бы тогда быть человек? Он противостоял бы миру так, что всё его существо, которое он в себе переживает, всё время могло бы во всё погружаться как бы душевно-духовными щупальцами. Может быть это сегодня ещё многим покажется парадоксом, но непредвзятое мировоззрение и рассмотрение отношения человека к миру сможет сказать: Существо, которое таким образом не имело бы границы для своего обычного земного сознания, должно было бы быть лишено способности любви. И если мы подумаем о том, что обозначает способность любви для всей нашей жизни, что представляем мы в жизни благодаря тому, что мы можем любить, то мы скажем себе также: Если бы мы не имели любви, то для Земли между рождением и смертью мы не были бы людьми в том смысле, в каком мы именно должны ими быть. Но любовь требует, чтобы мы как замкнутые в себе индивидуальности противостояли другим индивидуальностям, каким бы царствам природы они не принадлежали, чтобы мы не погружались в другую индивидуальность ясным, светлым мышлением, но как раз в момент, когда мы раскрываем любовь, в нашем бытии становилось бы деятельным то, что не входит в прозрачные, ясные понятия. В тот момент, когда мы могли бы погрузиться в другую индивидуальность ясными, светлыми понятиями, любовь прекратилась бы. Так как человек согласно своей земной задаче должен быть именно любящим существом и так как у человека, когда он имеет какую-нибудь способность, через неё слагается всё его существо, то нужно сказать: Чтобы выполнить свою земную задачу в своём обычном сознании, человек должен быть именно таким, что он должен иметь границу познания внешнего мира, чтобы он не мог погружаться глубже этой границы познания. Что ему подходит для того, чтобы он мог быть любящим существом, обнаруживается с другой стороны именно в его обычном сознании, которое должно останавливаться на границе, которая должна быть нам проведена для того, чтобы мы могли быть способными к любви существами.

Это, многоуважаемые присутствующие, есть нечто, из чего, конечно, лишь схематически, но схема может быть прослежена каждым в отдельности, следуют определённые выводы, которые могут показать, как из отправных пунктов, имевшихся например в кантовской философии, нужно идти дальше, имея в виду целого человека в той мере, как он должен стоять в жизни как живое существо. Это прежде всего - и мы об этом услышим ещё больше - имеет сказать о естественнонаучной границе познания то понимание мира, которое здесь представлено.

Хотелось бы сказать: это путеводная нить, согласно которой следует принимать каждое рассматриваемое сегодня серьёзно миро- и жизненное понимание. Другое есть то, что можно обозначить тем - и на это уже обращалось внимание в эти дни - что говорят: рассматриваемое сегодня серьёзно миро- и жизненное понимание не должно теряться в туманной мистике. Дело обстоит так, что

и благородные умы настоящего времени, видя как перед естествознанием проведена граница и из него нельзя получить взлёта в духовный мир, бросаются в объятия мистики, особенно более древних форм мистических стремлений человечества. Но это не может быть верным путём для этих людей по отношению к другим требованиям познания современного человека. Так как мистика хочет прийти к собственным подосновам бытия, заглядывая в человеческое внутреннее; но именно относительно этого заглядывания в человеческое внутреннее перед человеческим познанием проведена граница. Допустим, что человек был бы в состоянии просто без предела заглядывать в своё внутреннее, где открывается глубочайшая сущность человеческой природы, где человек находится, так сказать, в связи с вечными источниками бытия, где он причленяет своё собственное индивидуальное бытие к космическому, - допустим, что дело обстояло бы так: Чего тогда опять человек не мог бы иметь? Так вот те, которые часто имеют в мистике большое внутреннее удовлетворение, извлекают тогда из своего внутреннего разнообразнейшее. Я уже обращал внимание на то, что то, что так извлекается из человеческого внутреннего, при более точном рассмотрении для настоящего знатока души всё же в конце концов оказывается чем-то, что основано на каком-нибудь внешнем наблюдении, затем погрузилось в подсознательные подосновы и было пронизано чувством, волей и органическими процессами и опять проявилось в изменённом виде. Что-либо, что мы наблюдаем, может претерпеть такое превращение, такую метаморфозу, что мистика кажется, будто он извлекает из глубин своей души нечто, долженствующее показать, каковы вечные основы самой души. Даже столь значительные мистики, как Майстер Эккарт или Иоганн Таулер, не могут быть признаны в полном смысле свободными от ошибки, вкрадывающейся когда изменённые представления обыкновенного сознания принимают за самостоятельные откровения человеческой души.

Но благодаря тому, что непредвзято наблюдают это, приходят к тому, чтобы суметь ответить на вопрос: Чего человек не мог бы иметь, если бы он мог без остатка для обыкновенного сознания в любой момент заглядывать в своё внутреннее? Он не мог бы иметь того, в чём мы нуждаемся для полного, для упорядоченного существования нашего душевного внутреннего существа, он не мог бы иметь внутренне закономерной способности воспоминания. Потому что как представляется эта способность воспоминания как раз по отношению к мистическим притязаниям? То, что я даю теперь парой популярных штрихов, я мог бы дать также и в весьма научной форме; но относительно этого необходимо только взаимопонимание, а оно может быть достигнуто и в популярной форме. Когда мы наблюдаем внешний мир, то то, что мы переживаем прежде всего, переживаем как целый человек, внутренне так превращается, что позже оно может всплывать в нас снова как представления воспоминаний. Душевым результатом своего внешнего наблюдения во внутреннем мы собственно наталкиваемся, на нечто в роде внутреннего зеркала - это сравнение, но в то же время больше, чем сравнение. То, что извне производит на нас впечатления, не должно возбуждать нас так, чтобы мы погружались этими впечатлениями без остатка в своё глубочайшее внутреннее. Должно быть

возможным, хотя это и подчинено времени, чтобы то, что возбуждает нас извне, могло быть отброшено назад. Наш организм, наше человеческое существо должно вести себя как отражающий аппарат. А должны ли мы пробивать этот отражающий аппарат, чтобы прийти к тому, что находится за зеркалом? Не зная этого, к этому собственно стремится мистик. Но, многоуважаемые присутствующие, нам нужна правильная, упорядоченная память. Если только она как-нибудь прервана до момента времени, до которого мы помним себя в детстве, то мы впадаем тогда в душевно болезненные состояния. Человек должен быть предрасположенным к тому, чтобы мочь удерживать то, что он переживает извне. Он не может следовательно быть предрасположенным к тому, чтобы непосредственно проникать в своё глубочайшее внутреннее. Когда мы предпринимаем мистическую попытку сразу обыкновенным сознанием проникнуть в своё глубочайшее внутреннее, то мы проникаем именно лишь до отражающего аппарата. И это правильно, правильно ради нашей человечности, что там вспыхивают представления, которые мы восприняли извне. Мы опять должны иметь в виду целого человека, каким он должен быть как способное к воспоминаниям существо, если мы хотим иметь ясность относительно того, что мистика, как предмет устремлений, для обыкновенного сознания невозможна.

Именно из ясного понимания обеих этих границ, проведенных обыкновенному сознанию, естественной границы познания внешнего мира физически-чувственного и границы относительно мистического устремления, именно из ясного понимания обеих этих границ пробивается тогда то устремление, которое охарактеризовано здесь как соответствующее современному исканию духовного мира, то стремление извлечь из души дремлющие силы познания, чтобы путём достижения другой формы сознания суметь заглянуть в духовный мир.

И когда на человека взирают со знаниями, о которых я говорил здесь в последние дни, с той стороны, с которой он только и является способным к любви существом и с которой он только и является способным к воспоминаниям существом, тогда познают, что обыкновенное сознание, как оно работает на основе чувств, интеллекта и мыслительной способности, должно останавливаться перед внешним миром потому, что только посредством того, что оно употребляется лишь как средство упорядочения, познания внешнего мира, оно находит возможность развиваться дальше и создавать то оживлённое мышление, о котором я говорил в предшествующих лекциях. Затем однако, когда мы этим оживлённым мышлением рассматриваем то, что происходит в нас когда мы стоим противостоим природе, тогда мы находим, что именно в тот момент, когда мы развиваем нашу мыслительную способность настолько, что она служит средством упорядочения внешних явлений, что наше сознание, это обыкновенное сознание умирает, прекращается в акте познания. Хотелось бы сказать: Каким бы ясным до определённой границы ни было наше сознание при каком-либо процессе познания природы, на этой границе оно частично переходит как бы в род сонного состояния, в бессознательное. Почему? Потому что тогда должна начинаться способность действовать, которая изливает в окружающий мир больше, чем абстрактное мышление, которая выносит в окружающий мир наше

бытие. Ибо когда мы любим, мы находимся к окружающему миру не в познавательном отношении, а в отношении реальном, в отношении действительного бытия. И только тогда, когда мы развиваем живое мышление, мы снова оказываемся в состоянии вжиться в реальность вещей. Тогда мы некоторым образом изливаем оживлённые мысли, прослеживаем то, что находится извне как начало духовной жизни, прежде всего как духовно-душевный мировой ритм, как видимость, и усваивая пустое сознание, как я это описал, проникаем всё дальше и дальше в духовный мир, связанный с физически-чувственным. Тогда в таком акте познания, в таком сверхчувственном акте познания мы чувствуем себя как бы проснувшимися относительно обыкновенного сознания. Мы некоторым образом подслушиваем своё бытие, являющееся живым бытием. Это нечто, что может произвести даже более потрясающее впечатление на духовно познающего, чем всё то, что может произойти посредством переживания глубочайшего мистика. Более потрясающим, чем так называемое погружение в собственное внутреннее, является момент, когда человек чувствует, как в определённый момент высшего познания он должен излить во внешний мир самого себя как сущего, как акт познания становится чем-то, что превращает простое познание в реальную жизнь, в реальное сосуществование с внешним миром. Но это связано прежде всего с существенным усилением чувства «я». При этом чувствуют, примерно, так: При обычном познании внешнего мира своим «я» подходят к природной границе. Там «я» отталкивается, чувствуют себя везде как бы окружённым - хотелось бы сказать - душевными стенами. Это опять воздействует обратно на чувство «я». Чувство "я" имеет определённую силу, и тогда это чувство «я» получает правильные нюансы именно благодаря тому, что к тому, что так несут в себе как чувство ограниченности, примешивается та отдача миру и мировому существу, которая приходит от любви. В познании сверхчувственного рода "я" даже усиливается, и можно сказать: существует опасность, что оно превратит то, что в земной жизни правомерно живёт как любовь, в определённое эгоистичное погружение в вещи, что оно некоторым образом проскользнёт, вольётся в вещи. Посредством этого собственное «я» расширится. Именно поэтому в моей книге "Как достигнуть познаний высших миров?" придаётся столь большое значение подготовительным упражнениям. И в этих подготовительных упражнениях Вы найдёте указания на то, что касается самовоспитания относительно чувства «я» оканчивающегося тем, что приобретают необходимую, сильно развитую способность любви, прежде всего в обычной жизни, при обыкновенном сознании, прежде чем делают попытку проникнуть в сверхчувственный мир посредством высшего познания. Нужно известным образом и в этом направлении быть душевно, физически и духовно здоровым человеком, прежде чем можно будет здоровым образом вступить в духовный мир. Но тогда могут сделать не обычное, а более или менее филистерское возражение, что подслушивание себя так в своей способности к любви имеет нечто неприятное. Это подслушивание, конечно, производит потрясающее впечатление. Имеют себя перед собой, как никогда в обыкновенном сознании. Но если Вы вспомните, как то, чего достигают в высшем познании, само не влечётся в воспоминание, так чтобы

затем идти с ним по жизни и гордо выступать с созерцанием своей собственной способности к любви, что привело бы к человеческой неспособности, тогда и то, что наступает с этой стороны как требование сверхчувственного познания, сумеют оценить правильным образом.

Это следовательно характеризует сверхчувственное познание относительно способности к любви с мыслительной стороны. Но чему научаются посредством этого познавать? Так вот, уже из изложения, которое я сделал, следует, что своё усиленное "я" некоторым образом вталкивают в окружение, дают ему вливаться в окружение. Посредством этого оно проникает вплоть до духовного, так что выступает замечательная истина, что, собственно, благодаря тому, что делают себя всё более и более способными проникать во внешний мир, приходят именно к познанию самого своего душевного, своего духовного. Хотелось бы сказать: Из здорового инстинкта Гёте отклонял самопознание, которое возникает из размышления о внутреннем. Для такого самопознания в мистическом смысле он нашёл жёсткие слова. Настоящего самопознания человек может достигнуть только тогда, когда он посредством усиления своих дремлющих до этого сил познания достигнет способности погрузиться своим "я" во внешний мир. В мире извне человек находит своё собственное самопознание. Должны привыкнуть в современном смысле слова приходить к настоящему познанию мира посредством того, что некоторые понятия должны обращать почти до своей противоположности; так и обстоит дело с понятием самопознания: В з и р а й н а м и р , и щ и в с ё больше и больше в далях, усиливая способность твоего «я» погружаться в эти дали путём развития сил познания, тогда найдёшь ты своё собственное "я". Так что можно сказать: Космос позволяет проникнуть в себя сверхчувственному познанию и как результат этого проникновения возвращает нам именно собственное самопознание .

Посмотрим на другую сторону, которую часто ищут на ложном мистическом пути! Я говорил о том, как может быть развита воля человека и о том, как возможно с другой стороны развить дремлющие силы. Воля может быть развита так, что весь человек станет родом органа чувств, то есть духовного органа, то есть духовно-душевно внутренне станет настолько прозрачным, как прозрачен человеческий глаз. Нужно подумать лишь о том, что человеческий глаз должен быть бескорыстным в материальном смысле слова, чтобы мочь быть органом зрения. Если бы глаз заполнился дающим себя знать материальным, то он тотчас же затемнил бы наше поле зрения. Таким должно стать всё наше человеческое существо в духовно-душевном смысле. Всё наше существо должно стать духовно-душевно прозрачным; тогда мы вставляем себя с тем, что живёт в нашей воле, в духовно-душевный мир уже в своём земном бытии. Но тогда наступает то, о чём я уже вчера говорил в виде намёка, что мы достигаем возможности видеть духовно-душевный мир, но именно благодаря этому судить о своём внутреннем. И я излагал вчера следующее. Я сказал: Когда мы как физически чувственные существа стоим противостоим внешнему миру, то мы сживаемся с чувственно-физическими фактами внешнего мира всем своим человеческим существом и тогда мы несём в себе о них душевные образы воспоминаний. Да, наше душевное состоит из эти образов воспоминаний. Можно следовательно сказать: Внешне

физически-чувственное становится внутренне видимым как образное. Я скажу наоборот: Когда мы достигаем возможности посредством самих себя как духовного органа взирать на внешний мир как на духовный, с духовными существами и духовными событиями, тогда мы благодаря этому видим насквозь именно наше физическое внутреннее. Благодаря этому мы научаемся познавать сущность наших лёгких, нашего сердца и других наших органов. Духовность внешнего мира отражается в нашем внутреннем посредством нашей физической природы, точно так же, как физический внешний мир отражается в нас посредством нашей абстрактной духовно-душевной природы. Но этот путь, открывающийся нам здесь, научиться познавать самих себя посредством созерцания внешнего мира, он в своём дальнейшем ходе представляется очень конкретным. Научаются познавать участие отдельных человеческих органов в целом существе человека. Научаются постепенно прозревать гармонизацию отдельных процессов этих органов. Прежде всего, конечно, выступает следующее: То, что ищет ловащий в туманном мистик, есть в основе своей нечто, являющееся преобразованными представлениями воспоминаний; но часто в эти преобразованные представления воспоминаний вмешивается нечто от результатов органической деятельности. Но он этого не знает. Он думает только, что пробил внутреннее зеркало, лежащее в основе воспоминания. Он его не пробивает. Как волны бьют в это зеркало с другой стороны процессы нашего органического существа. Он не замечает, что там, собственно, есть, а замечает именно лишь изменение отражающихся представлений воспоминания. Не отдавая этим дани филистёрству, нужно всё же многое прекрасное, поэтическое, мистическое исказить в прозаическое и сказать: Очень многое из того, что тот или иной мистик извлёк таким образом из своего душевного, является не каким-либо выражением духовного бытия, а лишь результатом волн внутренних органических процессов. Чудесные мистические описания древнего и нового времени, которые как таковые могут нравиться, производить чрезвычайно поэтическое впечатление - для того, кто в состоянии непредвзято видеть вещи, являются в основе своей ничем иным, как выражением внутренних процессов в самой человеческой природе. Кажется филистерским, когда должны говорить: Вот выступает нечто мистическое, оно кажется одному поэтическим и всё же для того, кто может прозревать суть дела, является определённым воздействием процессов в печени на представления, воспоминания. Для того, кто серьёзно хочет понимать, предмет не становится как благодаря этому лишенным ценности, так уже потому, что что-нибудь представляется пристрастному уму более приятным образом, оно есть истина, но потому, что стараются постепенно прийти действительно к основе вещей.

И тот, кто не остаётся при обыкновенном сознании - что всё же делает туманный мистик - но после того, как он сначала посредством подготовительных упражнений обеспечил своё душевное здоровье тем, что придавал значение развитию здоровой способности воспоминания, и кто затем пробивает это зеркало воспоминаний и благодаря этому действительно смотрит в своё внутреннее, тот везде видит в этом внутреннем результаты широко разветвлённых процессов, соединённых с внешним духовным миром и идущих в

духовном мире. И таким образом научаются познавать человека. Таким образом научаются говорить себе: То, что абстрактный идеалист, пожалуй, считает низким в человеке, потому что он рассматривает его только с физиологической или анатомической внешней стороны, то, чем является внутренняя организация человека, есть как раз чудесный результат всего Космоса. И когда мы научаемся действительно познавать эту внутреннюю организацию человека, то скоро выясняется следующее - когда мы заглядываем в наше душевное внутреннее возвращаемся ко многому в воспоминании, что мы испытали в жизни, тогда из того, чему мы даём внутренне вставать в себе в подходящий для этого час, мы можем начаровывать перед своим духовным взором эти переживания, хотя и в виде теней. Из того, что мы восприняли в содержание образов в нашей душе из внешнего мира, мы снова можем вычаровать этот внешний мир удовлетворяющим нас образом перед своей душой. Если мы так же научаемся познавать своё всеобъемлющее внутреннее, если мы познаём род и способ, как духовным образом наш организм в своих отдельных членах происходит из Космоса, тогда весь наш человек, которого мы теперь видим насквозь, представляется как начерченные из Космоса воспоминания. Мы заглядываем теперь в себя не глазами туманного мистика, мы заглядываем в своё внутреннее пробуждённым душевным взором, прозреваем то, чем являются наши лёгкие, наше сердце, весь наш остальной организм, видимый духовно-душевно, внутренне. И он представляется нам как мировое воспоминание, начертанное в человеке, так же как наше воспоминание начертано в душе для жизни между рождением и настоящим мгновением. И в нас выступает то, что можно назвать: Познание человека как мирового воспоминания, как отражения мирового развития, как отражения событий в Космосе.

Многоуважаемые присутствующие! Сначала нужно ознакомиться со всеми подробностями, которые надлежит проделать, прежде чем человек придёт к такому самопознанию - не к размышляющему самопознанию так называемого обыкновенного внутреннего воззрения, а к самопознанию, которое видит в каждом из наших внутренних органов как бы нечто соединённое духовное, происходящее из определённых духовных процессов в космосе. Только тогда, когда поймут, чем является человек в этом отношении, больше не скажут: то, что имеют в душе, антропоморфным образом перемещают в мир, чтобы прийти к духовному объяснению, а скажут себе: сначала путём осторожного и серьёзного стремления стараются внутренне проникнуть в человека, и тогда в этом человеческом внутреннем открывается Космос, так же, как при рассмотрении воспоминаний открывается сумма личных переживаний.

Хотя такие вещи сегодняшнему сознанию ещё и кажутся парадоксальными, но оно находится на пути к их пониманию. Хотелось бы сказать: У человека живут стремления дальше проследивать уже существующие мыслительные пути. Если к этому присоединяется ещё определённый навык, то мысли, лежащие на таких путях, всё больше и больше становятся оживлёнными мыслями. А когда к этому присоединяется развитая воля, тогда всё больше и больше приходят к такому самопознанию и видят, что как раз в то время, как с одной стороны всё больший и больший выход со своим «я» во внешний мир приводит к самопознанию,

проникновение в глубины человеческой природы ведёт человека к познанию мира.

Конечно, для того, чтобы в этих вещах становиться всё более и более непредвзятым, нужно взирать на человеческую природу не так, как это сегодня обычно делается. Сегодня человека расчленяют на костную систему, мышечную систему, нервную систему и то, что так получается, определяют тогда как сущность физического человека. Тогда имеют перед собой человека таким, как будто он является существом из совершенно твёрдых материальных основ. Но, многоуважаемые присутствующие, сегодня ведь каждый знает, что человек состоит в основном не из твёрдых составных частей, что большей частью - около девяноста процентов - он представляет собой столб воды. Сегодня каждый знает, что то, что я в данное мгновение поглотил как воздух, прежде находилось во вне в мире, что то, что я сейчас имею в себе в виде воздуха и что работает во мне, затем снова будет снаружи и будет принадлежать миру. И наконец каждый может представить себе, как человек в своей организации имеет непрерывный теплообмен. И когда мы так рассматриваем человека, тогда он перестаёт для нас быть твёрдым, тогда мы постепенно освобождаемся от иллюзии, о которой мы знаем, что она иллюзия, которую мы однако устанавливаем перед душой, как будто человека можно рассматривать так, как мы рисуем его в анатомии. Мы приходим к тому, чтобы с таким же правом рассматривать жидкое в человеке как принадлежащее его существу, мы приходим к тому, чтобы рассматривать то, что вибрируя, волнуясь, формируясь, происходит в жидком человеке. Мы приходим к тому, чтобы видеть, что и в воздушном образе человека происходит нечто, принадлежащее к этому человеческому существу. И наконец мы приходим к тому, чтобы понять, что то, что как воздух вибрирует, волнуется, приливает и отливает, что вливается в потоки наших кровеносных сосудов и т.д., что внутренне работает, различнейшим образом пронизывается местами, которые согреваются, местами, которые охлаждаются. Да, многоуважаемые присутствующие, когда с одной стороны имеют духовно-душевное так, как его сегодня несут в себе, в этой более или менее абстрактной форме, тогда это духовно-душевное исполнено весьма образным характером, который мы можем собственно созерцать, как мы говорим, лишь внутренне. И мы должны оставаться при этом внутреннем созерцании когда рассматриваем то, что нам дают от человека физиология и анатомия. Когда мы даём воздействовать на себя всем этим грандиозным результатам обыкновенной науки, то имеем перед собой нечто вроде твёрдого образования разностороннего строения, но нечто такое, что по существу совершенно отлично от того, что мы наблюдаем внутри когда вызываем перед душой мышление, чувство, воление в их формах, и мы не находим моста от одного к другому. Мы видим как психологи бьются в поисках взаимосвязи между тем, что они с одной стороны воспринимают в его абстрактности, образности, в том, что можно созерцать именно лишь внутренне, и тем, что существует внешне. Это отстоит одно от другого так далеко, что обыкновенным сознанием между ними не могут перебросить мост. Но идя непредвзято, смотря не на иллюзию твёрдого человека, а на то, как человек является жидким существом, воздушным и тепловым существом, если мы понимаем это, вчувствуясь в самих

себя, то приходим к тому, чтобы воспринимать волны тепла и холода в течениях своего воздухообращения, если создаём себе внутренние способности к этому. А мы создаём их себе путём высшего познания, как я пытался его описать в эти дни. Когда мы научаемся так чувствовать - хотелось бы сказать - вибрирующий в нас воздух - мы стоим при этом всё ещё более или менее в физическом, но когда мы это чувствуем и переносим в оживлённое мышление, которое внутренне замечает нечто от реальности, тогда для нас устанавливается мост. Когда мы рассматриваем человека так, что улавливаем его утоньшения вплоть до тепловой дифференциации, и если мы рассматриваем душевное так, что уплотняем его вплоть до того, что из своей абстрактности оно вмещивается в реальность, тогда мы находим мост. То, чем является уплотнённая таким образом душевная жизнь, может соединиться с утончённым физическим опытом, если можно так сказать. Если мы начинаем проникать прежде всего в себя так, что воспринимаем, как оживлённая мысль вызывает волны в нашем воздушном человеке - если можно так выразиться, который различным образом дифференцирован теплом и холодом, то мы постепенно видим, как видоизменения мысли на самом деле также могут действовать в нашей человеческой организации: как мысль, сопровождаемая симпатией, которая выносит некое суждение. Да, это так - дерево зелено, - на самом деле вызывает тёплое состояние; как мысль, пронизанная антипатией, которая обосновывает некое отрицательное суждение, действует охлаждающе по отношению к нашей воздушно-тепловой материальности. Так мы видим, как душевное продолжает вибрировать, воздействовать окольным путём через более тонкую материальность на более плотную материальность. Мы находим возможность так направить свой путь познания также в человеческую организацию, что мы начинаем с душевного и погружаемся в материальное. Но тогда нам открывается возможность, всё дальше и дальше продвигаться к тому, что я как раз описывал: к внутреннему познанию человеческой организации. Потому что пока мы не сможем проследить разные ступени материальности - воду, воздух, огонь в отдельных органах, нам не откроется и душевное. Мы должны сначала уплотнить душевное, только тогда мы приходим к физической природе человека, но затем опять, проникая сквозь неё, к тому, что духовно-душевно лежит прежде всего в основе нашей физической организации. Тогда мы находим: точно так же, как когда мы известным образом вонзаемся в себя своей силой воспоминания мы находим оставленные переживания своего личного земного бытия, так же, когда мы так погружаемся во всего человека, находим мы духовно-душевное, нисшедшее из духовного мира посредством зачатия, зародышевого развития и т.д. Облекаясь тем, что приходит к нему от Земли, это духовно-душевное в нас становится именно мировым воспоминанием. Мы находим в себе Космос, известным образом собранный в виде воспоминания, и тогда мы находим возможность как раз так, как мы в обыкновенном сознании вспоминаем о единичном переживании личного бытия, возможность обозревать Космос посредством внутреннего созерцания.

Многоуважаемые присутствующие! Вы может быть спросите: «Да, но как же тогда посредством этого мирового воспоминания можно прийти к очень ранним

состояниям Земли, как можно тогда избежать опасности предаться общему духовному описанию, а не конкретному мировому воспоминанию?» Здесь Вам нужно лишь снова привлечь для сравнения обыкновенную память. Благодаря тому, что наша память упорядочена, мы, чувствуя всплывающим какое-нибудь переживание, если оно произошло десять лет тому назад, мы не отнесем его к процессам, происшедшим только сейчас. Содержание представления воспоминания само указывает нам на правильное положение во времени. Так же и когда мы правильным образом прозреваем организм, то каждая отдельная часть в нём действительно указывает на время, относящееся именно к какой-нибудь точке мирового развития. В основном нет никакой иной возможности правильным образом дополнить то, что нам даёт естествознание, когда оно мысленно распространяет свои наблюдения из современности на более ранние состояния, кроме этого самосозерцания человека, которое становится настоящим мировым воспоминанием, мировой памятью. Иначе мы всегда должны будем впадать в весьма своеобразные ошибки, когда мы гипотетически конструируем идеи мирового развития.

Нужно сказать лишь следующее - это выглядит тривиально. Так называемую теорию Канта-Лапласа, которая сегодня, конечно, модифицирована, теорию о том, как от газообразной мировой туманности отщепились отдельные члены солнечной системы, часто иллюстрируют тем, что берут каплю масла, протыкают её круглым картонным листом, укрепляют в нём булавку и с помощью булавки вращают каплю масла. Тогда от неё отделяются капельки, продолжающие вращаться вокруг главной капли. Образуется мировая система в малом, и можно сказать, стоя на точке зрения обыкновенного учёного: Так же это разыгрывалось и в великом. И всё ж правильно то, что следует сказать против этого: Тот, кто показывает что-либо подобное для того, чтобы сделать наглядным возникновение нашей солнечной системы, должен принимать во внимание все отдельные факторы, и когда это делается, тогда он должен был бы принять во внимание господина учителя, стоящего там и вращающего каплю масла. И он должен был бы поместить в мировом пространстве гигантского учителя, который тогда вращал мировую туманность. Но это в вышеуказанном эксперименте забывается. Конечно очень хорошо, когда в остальной жизни забывают самого себя, но при эксперименте, делая наглядными важные и серьёзные вопросы, такие вещи, в этом случае самого себя забывать нельзя. Так вот, миро- и жизневоззрение, которое здесь представлено, не забывает эти вещи; оно взирает на правомерное естествознание, но прибавляет то, что можно увидеть в духе. Там находят, конечно, не гигантскую индивидуальность, а духовно-душевный мир, который должен вставляться в материальное развитие. И тогда то, что, пожалуй, с известным правом представляют в виде канто-лапласовского первичного тумана, пронизывают действующими в этом тумане духовно-душевыми существами и духовно-душевыми силами. И то, чем станет Земля при так называемой тепловой смерти, о которой говорит сегодняшняя наука, пронизывают духовно-душевыми существами и духовно-душевыми силами, которые тогда при тепловой смерти выносят духовно-душевное в другие миры, как духовно-душевное человека выносятся в другие миры, когда тело в земном элементе

распадается. Но тем самым достигается важнейшее для нашего времени.

Подумайте только, что я представил Вам сегодня как то, что иначе охватывается лишь в абстрактном познании, духовно-душевное, которое не могут приладить к материальному, как оно бесконечно далеко отдалено от материального. Но что устанавливается посредством этого для всей нашей культурной жизни? Из-за того, что мы описанным образом не в состоянии для своего обыкновенного сознания приладить духовно-душевное к материальному, мы с одной стороны имеем материальное воззрение на мировое свершение, мы создаем себе известные представления о чисто физическом мировом свершении с началом, которое мыслится чисто физически по законам механики, мы создаём то, что согласно тепловой теории мыслится как тепловая смерть Земли. При этом мы воспринимаем себя как человека стоящим в этом свершении и необъяснимы, конечно, для сегодняшней науки образом развившимся из такого свершения. Но тем не менее мы можем, если мы честны, связать то, что мы испытываем в состоянии душевного переживания, с тем, что происходит там снаружи в материальном царстве. И в этом глубочайшем душевном с нашим мышлением, чувствованием и волением сплетается то, чем являются моральные импульсы, то, чем являются религиозные силы, которые прежде всего живут в нашем внутреннем, в духовно-душевном, которое мы как раз не можем приладить к материальному. И так, пожалуй, стоит сегодня человек со своим сознанием и говорит себе: Ну да, естествознание ведёт нас только к материальному свершению; это однако единственная точная наука. О моральных импульсах и религиозных силах нужно иметь представления веры. Но это не может устоять перед серьёзной душевной жизнью. И в бессознательном серьёзного человека современности живёт поэтому то, что он чувствует - хотя он и не сознаётся себе в этом: Земля возникла из чисто материального. Из этого материального происходит нечто вроде пенного образования. Вздымаются облачные образования, да, образования, которые тоньше, чем облака, которые являются только иллюзиями. В них сопереживается и ценнейшее содержание, которое мы как люди можем воспринимать, всё содержание культуры. Затем мы продолжаем жить, затем некогда наступает переход Земли в тепловую смерть, которую можно найти на внешнем естественнонаучном пути. И тогда ведь вся жизнь на Земле хоронится как на каком-то большом кладбище. То, что возникает как ценнейшее из нашей человеческой жизни, наши прекраснейшие, достойнейшие идеалы хоронятся с тем, что было материальной сущностью Земли. Могут говорить, что в это не верят; но тот, кто честно принимает то, как сегодня часто думают об этих вещах, отклоняя самостоятельное духовное исследование, должен был бы собственно прийти к той внутренней разорванности, к тому пессимизму, который открывается перед вопросом: Что должно получиться из нашего духовно-душевного творчества, когда мы рассматриваем мир только в материальном смысле, так, как мы привыкли делать в так называемой точной науке? Поэтому в наше время зияет такая широкая пропасть между религиозно-моральной жизнью и природным воззрением на вещи.

Но настоящее видение, точное видение, соответствующее современному человеку, кажется мне призванным к тому, чтобы перебросить мост между тем,

что духовно, и тем, что материально, доставляя духовному действительность и отнимая у материального - хотелось бы сказать - его грубость. Совершенно особенно, однако, это выступает перед нашей душой, когда мы рассматриваем вещи так, как сегодня, видя как духовно-душевное в самом человеке постепенно переходит в то, чем является в человеке дифференциация тепла и воздуха, и так нисходим в более грубое материальное и видим, как более тонкое входит в оживлённое мышление. Так мы становимся в состоянии вдумываться в космос. Мы приходим также к возможности с полным правом мыслить что-то подобное тепловой смерти Земли, так как мы знаем, как наша собственная человеческая теплота в её дифференциации пронизывается оживлённым мышлением, и мы можем из мировой памяти, выступающей в нас самих, взирать на то, что духовно-душевно проявляет себя в материальных процессах мира. Таким образом мы приходим к настоящему, реальному примирению того, что нам даётся духовно, с тем, что нам даётся материально. Конечно, многое ещё сегодня говорит в сердцах людей против такого примирения, так как столетиями мы привыкали считать истины точными лишь тогда, когда они покоятся на прочной основе чувственного наблюдения, в котором мы пассивно отдаёмся внешнему миру. То, что наблюдено на такой прочной основе, надстраивали дальше вплоть до законов природы и идей природы и считались лишь с такими идеями, которые некоторым образом стояли на такой твёрдой основе чувственного наблюдения. Тот, кто настаивает на существовании только таких познаний, уподобляется человеку, который хотел бы считаться в мировом пространстве только с обыкновенной силой тяжести, который хотел бы сказать: Земля имеет силу притяжения, тела должны поэтому падать на Землю или иметь поддержку, так как они не могут свободно парить в пространстве. Это правильно пока мы стоим на Земле и привлекаем к рассмотрению силу притяжения Земли относительно её ближайшего окружения; но когда мы смотрим в мировое пространство, то мы знаем, что не можем сказать: мировые тела должны быть подпёрты, но должны сказать: они взаимно несут друг друга. Это воззрение мы должны добыть соответствующим духу образом и для нашего внутреннего мирового здания познания. Мы должны быть в состоянии развивать истины, которые именно не нуждаются в поддержке чувственного воззрения, но взаимно несут друг друга, как мировые тела взаимно несут друг друга в свободном мировом пространстве. Это прямо-таки предварительное условие достижения настоящей космологии, космологии, которая не является просто таковой с материальными процессами, а такой, в которой материальное проодушевлено и проодухотворено. А ведь в такой космологии нуждается современный человек. Мы увидим, как он нуждается в ней даже для ближайших социальных задач; но как проникнуть к космологии такого рода поймут не раньше, чем увидят, как побеждают истины действительно мирового Значения, которые будут нести сами себя. Такая космология получается тогда, когда считаются с тем, как приобретает истинное самопознание. Мы приобретаем его не антропоморфным образом, мы приобретаем его не посредством того, что мы со своим переживанием "я" выходим в мировые дали; всё больше и больше узнаём мы, чем является наше «я», погружаясь во внешний мир. Посредством этого приобретаем мы

самопознание, Но когда мы погружаемся в наше внутреннее, тогда наше внутреннее становится мировой памятью, тогда мы научаемся познанию мира. Очень многие уже догадывались, в чём, собственно, должна заключаться тайна познания мира. Я хотел бы в двух положениях высказать то, о чём догадывались эти люди. Именно самопознание и познание мира должны быть истинами, несущими друг друга. И такими - хотелось бы сказать - как в колебании маятника движущимися туда и сюда истинами являются те, которые добываются описанным здесь миро- и жизнепониманием как самопознание и Познание мира. Два положения, в которых я хотел бы это резюмировать, суть: е с л и т ы х о ч е ш ь п о з н а т ь с а м о г о с е б я , т о и щ и с а м о г о с е б я в м и р о в ы х д а л я х ; е с л и т ы х о ч е ш ь п о з н а н и я м и р а , т о п р о н и к н и в s в о и s с o б s t v e n n ы е г л у б и н ы . Т в о и s o б s t v e n n ы е г л у б и н ы к а к в м и р о в о й п а м я т и o т к р о ю т т е б е т а й н ы k o c m o c a .

II. Антропософия и социология

Вена - 7.VI.1922.

Время и его социальные требования

Многоуважаемые присутствующие! Лекции, которые последуют далее, должны полностью стоять на почве рассмотрений, которые мною здесь уже сделаны; не то, чтобы о социальной жизни современности можно было сказать что-нибудь значительное благодаря тому, что каким-либо абстрактным утопическим образом из идей придумывают социальные реформы, но в том смысле, что по-моему мнению, развитое здесь духовное мировоззрение, если оно превратится в импульсы целого человека, если оно превратится в человеческие убеждения, может указать руководящие линии и ориентацию для понимания социальной жизни и для оформления социальных движущих сил. Ближайшие лекции конечно должны будут нам показать, что такое выходящее в духовное мировоззрение совсем не остаётся в абстрактном и утопическом, а предрасположено именно к тому, чтобы входить в непосредственную конкретную действительность. Сегодня я хотел бы, однако, в известном смысле перебросить мост между лекциями, которые я уже прочёл, и теми, которые я ещё думаю здесь прочитать.

Тот, кто учитывает весь дух предшествующих лекций, уже должен будет сказать, что в изложенном здесь не имелось в виду какое-то понимание жизни для отшельничества, для созерцательной жизни в тихой каморке, но что должно быть указано понимание жизни, которая имеет и свою социальную сторону, которая может известным образом вводить не только в духовные миры как таковые, но также в духовный и душевный миры, которые непосредственно окружает нас и наших ближних. Сегодня, конечно, легче говорить о социальных вопросах, чувствуя себя принадлежащим к какому-нибудь партийному направлению. Там имеют свою программу, там имеют твёрдо отчеканенные идеи и могут говорить: Таково время, таковы требования времени. Но здесь совершенно определённо нельзя исходить из такого твёрдо отчеканенного

партийного шаблона. Ибо, во-первых, я вполне убеждён в том, что, собственно, это говорится несколько радикально - нет партии, которая каким-либо образом не была бы права в том, что она утверждает. Дело только в том, что партии обычно не признают границ, до которых что-либо можно утверждать. С другой стороны я опять-таки думаю, что какое-нибудь партийное направление совершенно право, скорее в определённом смысле оно должно быть неправо. Дело опять-таки только в том, чтобы можно было вполне понять эту неправоту именно из особой природы человеческого рассмотрения мира. Можно ведь и дерево правильно фотографировать с разных сторон. Всё, что обычно заявляет о себе как партийное направление, может казаться подобным фотографии жизни с разных сторон. Затем люди сходятся и ведут себя со своими разными точками зрения, собственно так, как те, конечно в этой области так не бывает, которые, посмотрев на фотографию дерева справа, сказали бы: Ну, это совершенно неправильный снимок. (Именно им был известен только снимок слева). Всё, что можно возразить с известной точки зрения против приведенных здесь взглядов, мне полностью известно, и если бы дело было в том, чтобы изложить всё противоречащее, то именно с точки зрения такого мировоззрения, как здесь представленное, это было бы не очень трудно.

Всё это я должен предпослать, чтобы можно было видеть, что, собственно, только благодаря тому, что в следующих лекциях будет сделана попытка приблизиться к социальной жизни и социальным проблемам с различнейших точек зрения, можно будет прийти к какому-то жизненному пониманию в этом направлении.

Многоуважаемые присутствующие, в наше время очень много говорят о социальных требованиях; но если непредвзято рассматривать историческую жизнь человечества, то, собственно, окажется, что в ходе развития человечества это имело место лишь со сравнительно недавнего времени. Конечно, социальные требования, социальные стремления существовали всегда, но чтобы они выступали таким образом - хотелось бы сказать - сформулированными в абстрактную теорию, это в сущности характерная черта лишь самого новейшего времени. И если попытаться разузнать, почему, собственно, сегодня почти каждый человек говорит о социальных требованиях, то окажется, что, пожалуй, ни в какое другое время не было столь сильных антисоциальных влечений, как в наше. Конечно, когда напирает непосредственная жизненная нужда, когда беда стучится в дверь, тогда мы чувствуем себя призванными к социальным импульсам; однако, когда речь идёт о социальных требованиях, то всё же имеют в виду нечто иное, имеют в виду чувства, ощущения, которые могут жить в человеке в связи с тем, что он в действительности не является только отдельным существом, но должен двигаться среди других людей, среди других и с другими людьми должен работать, что он существует на удовлетворение самому себе и на благо другим людям. И к этому люди прошедших эпох стояли, собственно, как бы парадоксально это ни звучало, в сущности, ближе, чем сегодня. И это, собственно, правомерно; правомерно потому, что мы в наше время живём в историческую эпоху, которая - на это уже указывали предшествующие лекции - извлекла из подоснов человеческой природы особые силы, в особенности в

цивилизованном мире, силы, которые с одной стороны особенно ценны, однако менее пригодны к тому, чтобы внутренне жизненно возбуждать в человеке социальные инстинкты, социальные импульсы, присутствовавшие всё же в прежние эпохи, хотя и в виде, не соответствующем больше настоящему времени.

Мы оглядываемся на человеческое развитие, лежащее от трёх до четырёх сот лет назад, и как мною, так и другими, выступавшими здесь с лекциями, уже указывалось, что в это время из внутреннего человеческого души пробилась та человеческая способность, та человеческая душевная сила, которую можно рассматривать как интеллектуальную, как силу рассудка, более или менее разумного рассмотрения мира. Это рассмотрение мира дало свой замечательный вклад в области понимания природы. Оно может вести человека необычайно далеко, когда дело в том, чтобы развивать своё общение с внешней природой; но возникает вопрос, возможно ли, чтобы эта сила, которая - хотелось бы сказать - образует отблеск, триумф новейшего времени, была также непосредственно пригодна способствовать общению человека с человеком. Только ясное понимание этого вопроса может по существу дать объяснение социальных требований новейшего времени. Ибо эти социальные требования так, как они обычно формулируются, могут быть лишь родом поверхностного воззрения, лишь своего рода симптомом чего-то, лежащего в человеке гораздо глубже. Это особенно принимается во внимание духовнонаучным рассмотрением.

Но если мы снова непредвзято посмотрим на то, как возникали социальные образования, социальные человеческие связи в более ранние эпохи и как они часто возникают ещё сегодня вплоть до картелей, вплоть до трестов, то должны будем сказать: господствующими силами в этом является в основном не интеллектуалистическое, разумное рассмотрение жизни, а жизненные инстинкты, внутренние, бессознательные ощущения. И если бы мы должны были бы осуществлять социальные образования из того, что в качестве интеллектуальной силы оказалось таким великолепным в понимании природы, то вероятно они оказались бы очень мало жизнеспособны. Ибо всё же не лишено значения то, что эта сила интеллекта проявила себя особенно значительной в рассмотрении безжизненной природы и что человек, который хочет иметь понимание природы и не хочет продвинуться до духовного рассмотрения, стоит перед неразрешимой загадкой когда дело идёт о том, чтобы проникнуть своим воззрением от безжизненного к живому. По отношению к тому, что как раз благодаря своему внутреннему характеру имеет большое значение для неживого, для мёртвого, не должно быть удивительным, если оно не может иметь такого же значения, такой же плодотворности для того, что не только живо, но и должно развиваться как душевные социальные человеческие образования.

И так можно сказать: В определённых подсознательных областях души господствуют те силы, которые были деятельны в социальных образованиях, но с другой стороны человек обязан современной эпохе с её специфическими особенностями двум сильнейшим социально действующим импульсам. И именно для этих двух сильных социально действующих импульсов он должен искать вчленения, ориентации во всей социальной жизни.

Предо мной, многоуважаемые присутствующие, тридцать лет тому назад

выступил один из важнейших социальных вопросов современности - согласно своим взглядам я не могу полагать иначе, когда я предпринял попытку рассмотреть проблему свободы человека во всей общественной жизни людей. Это переживание свободы, собственно, вообще говоря столь же старо, как интеллектуальная жизнь. Как только интеллектуальная жизнь человека поднялась до постижения чистой мысли, посредством которой он понимает также природные явления, он стал сознавать и свою свободу. В более ранние времена ко всей мыслительной жизни ещё примешивалось нечто такое, что было лишь результатом органических процессов, которые коренились либо инстинктивно в бессознательных областях воли, либо так же бессознательно в жизни чувств. Так ясно, так прозрачно светло увидеть что-нибудь, как это имеет место в мышлении, также когда мышление возносится к отчётливо постигнутым, математически сформулированным законам природы, понять, постигнуть что-нибудь так ясно, чтобы находиться в этом всем своим существом, человеку стало возможным лишь тогда, когда он поднялся до чистого мышления, которое вдохновило Коперника, Галилея и их последователей к новому естественнонаучному исследованию. Так именно переживание свободы связано с тем, что с другой стороны полностью выводит из инстинктивных сил, которые прежде были социально формирующими.

Но, подходя теперь к проблеме свободы с полной серьёзностью, тем самым оказываются как бы брошенными в пустоту, которую ощущают именно когда всерьёз принимают то, как со всем ужасом только пустота - хотелось бы сказать - вообще ничто может вливаться в человека. Приходят именно к следующему: Говорят себе, в прежние эпохи, когда человек по отношению к душевной жизни был наивнее, когда он не мог дойти до сознательности, господствующей в новое время, тогда как раз могли жить воззрения, которые были более образны, которые не протекали в чистых абстрактных мыслях. Но в таких образных мыслях человек нуждается, когда он хочет установить себя в сложной социальной жизни. То, что ведёт нас к пониманию того, как нам найти своё место в мире, никогда не может быть выполнено абстрактной мыслью.

В лекциях последних дней я объяснил, как духовнонаучное развитие снова приводит от абстрактных, мёртвых мыслей к живым мыслям, посредством которых можно действительно проникнуть не только в неорганическую, безжизненную природу, но и в образования живой природы, во внутреннее также душевного мира. Но тем самым, рассматривая это новейшее развитие, человек снова приближается своим сознанием к тому, что некогда, в прежние эпохи существовало инстинктивным образом. Я знаю, что многие люди отшатываются в ужасе, когда им говорят: То, что бессознательно управляло в прежние эпохи, что из бессознательного оплодотворяло фантазию и т.д., это посредством такого развития души, как я описал, может быть поднято в сознание. И тотчас чувствуют, что за таким требованием кроется нечто вроде филистёрства, вроде муштры, желающей перевести наивность в сознательность. От такого пути в сознательность будут отшатываться в ужасе лишь до тех пор, пока не знают, что то переживание в наивности, которое прежде инстинктивно овладевало человеком, снова будет восстановлено, несмотря на сознательность живого

мышления. Но это живое мышление вводит нас тогда также в флюктуирующие понятия, которые развёртываются в социальной жизни.

Об этом я хотел бы сегодня предварительно сказать лишь одно. В настоящее время, напр., чрезвычайно много говорят о капитализме, о функции капитализма в социальном порядке. Существует - кто осмотрелся в таких вещах, тот это знает - бесчисленное множество определений того, что такое капитал. Часто эти определения очень партийно окрашены; но за этим различием определений капитала кроется ещё нечто совершенно иное. Нужно лишь иметь ясное представление о том, что то, что живёт в социальной структуре человечества так, как, напр., именно капитализм, как раз не может быть понято в своей функции остро очерченными понятиями, но что для этого требуются именно те живые понятия, которые некогда имела инстинктивная наивная душевная жизнь и которые сегодня снова приобретает сознательная душевная жизнь. Нужно лишь ознакомиться с тем, что напр. значит капитал в Средней Европе, в Германии, где известное социальное развитие наступило позже, чем в Англии, и что значит капитал в Англии, где, в то время как известное социальное развитие наступило просто благодаря предшествующим стадиям экономической жизни, существовал торговый капитал для основания того, что в Германии без торгового капитала должно было создаваться другими источниками капитала. Если посмотрят на то, какова была роль капитала в Средней Европе и какой она была в Англии, то очень скоро найдут, что со своими понятиями, долженствующими охватить социальную жизнь также в её единичных формах, нельзя иметь ничего остро очерченного, но что нужно иметь нечто такое, что схватывает непосредственную действительность внутренне эластично в самой идее, так что оно может продолжать двигаться к другим формам той же социальной структуры. И так, потому что мы сегодня живём в век, - хотелось бы сказать - прямо таки воспитанный на интеллектуализме, который может жить только в остро очерченных понятиях, необходимо, чтобы мы видели, как мы приходим к пониманию социальных требований посредством того, что выбираемся из интеллектуализма в живой мыслительный мир, который тогда снова может превратиться в такие социальные импульсы, которые прежде, в более ранние эпохи человеческого развития были инстинктивными.

Подразумеваемое здесь понимание мира как раз не должно быть чем-то теоретическим. Его часто упрекают именно в догматизме, упрекают его и там, где оно должно говорить о социальной жизни, в том, что оно ищет утопий, следовательно догматического. Всё это не обосновано: ибо дело совсем не в том, что формулируют в том или ином понятии, а в определённой установке во всей жизни, во всей физической, душевной, духовной жизни, в установке на способность понимать всю эту жизнь в её единичных конкретных проявлениях в соответствии с действительностью. Но благодаря этому открывается известная перспектива как раз на важнейшие социальные требования нашего времени. Когда средствами такого духовного воззрения, какое я развил, рассматривают саму человеческую жизнь, то находят, что и отдельная индивидуальная человеческая жизнь так же подвержена известным фазам, как и историческое развитие всего человечества. Эти фазы, которые очевидны и для поверхностного

рассмотрения, раскрываются лишь тогда, когда заглядывают в духовные взаимосвязи, и тогда оказывается, напр., что ни ребёнок в первые годы жизни, ни также ребёнок в школьном возрасте, ни также собственно молодой человек до двадцатилетнего возраста не живут полностью с внутренней отдачей в том, что вошло в развитие человечества как интеллектуалистический образ жизни. В сущности мы воспринимаем в себе интеллектуализм с внутренней симпатией только когда вступаем в двадцатые годы жизни, в более зрелый возраст. Тогда интеллектуализм является тем, что мы можем ощущать как внутреннюю душевную костную систему. До тех пор мы, собственно, чувствуем свою жизнь так, хотя и инстинктивно, как если бы она внутренне должна была известным образом отвердеть по тем основным линиям, которые затем выступают как эта душевная костная система. Но вся наша жизнь, которая понятным образом формируется взрослыми, вся наша социальная жизнь пронизана тем, что всё же известным образом задето этим интеллектуализмом, хотя сам интеллектуализм и не может быть социально творческим. Он вливается в то, что стало неуверенным в инстинктах. И таким образом в нашем современном социальном состоянии мы имеем не органическое взаимодействие ставших неуверенными инстинктов и того, что хочет проникнуть в социальную жизнь из интеллектуализма, хотя, собственно, и не подходит для этого.

Но с другой стороны это обуславливает то, что мы в сущности составляем совсем другие идеи о том, что собственно происходит в социальной жизни, какие силы существуют в действительности. Сегодня мы собственно говорим о том, что социально господствует среди людей, преимущественно в довольно переносном смысле; но за последние три-четыре столетия человечество привыкло отливать всё в интеллектуалистические формы. Взрослыми мы можем это делать, но не можем пока мы дети, пока юноши. Юношество развивает совершенно иные силы, чем интеллектуалистические: ребёнок во-первых развивает силы, благодаря которым - хотелось бы сказать - он является одним единственным органом чувств, вполне подобным органу чувств, который я описал как духовный орган; ребёнок является им только более материальным образом. Он всем своим существом воспринимает своё окружение и впечатлевает то, что он воспринимает, в своих собственных движениях, он подражатель. Это подражание, которое пронизывает всю душевную жизнь ребёнка, совершенно определённо не имеет ничего интеллектуалистического. Затем ребёнок вступает в тот возраст, приблизительно от смены зубов до половой зрелости, когда он больше не подражает, а ограничивается восприятием того, что ему даётся как мнение, как убеждение окружающими его взрослыми.

Не думайте, многоуважаемые присутствующие, что тот, кто написал "Философию свободы", будет говорить Вам то, что он должен теперь сказать, из какого-либо реакционного инстинкта. То, что я должен сказать, действительно соответствует закону развития человечества. От смены зубов до половой зрелости молодой человек развивает изнутри своего существа прислушивание к тому, что может для него быть само собой разумеющимся авторитетом и что ему даётся само собой разумеющимся авторитетом. Тот, кто умеет непредвзято рассматривать жизнь, уже может сказать себе каким счастьем для его внутренней

душевной гармонии на всю жизнь была возможность именно в указанном возрасте с истинным почитанием взирать на тот или иной авторитет, которому он теперь не подражает, но относится так, что говорит себе: через эту человеческую индивидуальность мне раскрывается то, чем должен быть я сам, чем хочу быть я сам. Я прислушиваюсь к тому, что думает тот или та, и принимаю это мнение в свою душу. Да, нужно сказать: Для настоящего психолога выясняется даже следующее. Можно долго спорить о том, что ребёнок в этом школьном возрасте должен воспринимать только то, что он уже понимает. Тогда заботятся собственно только об одном этом возрасте ребёнка. Несмотря на то, что в стремлении всегда преподносить ребёнку только то, что, по их мнению, ребёнок уже понимает, нагромождаются бесконечности тривиальности. Ребёнок, правда, понимает больше, чем многие думают, но он понимает не из интеллектуальности, а из всего чувства.

Но бывает ещё и так, что человеку 30, 40, 50, 60 лет, и что-то пробивается из подоснов души, являющееся воспоминанием из, скажем, 8-го года жизни. Тогда это получили от авторитета, восприняли из почитания: тогда это не понимали в интеллектуалистическом смысле, но вжились в то, что восприняли так всем своим существом. То, во что так вжились, погрузилось в глубины души. Через десятилетия оно всплывает. Стали более зрелыми. Только теперь это понимают, это оживляют. Необычайно много значит для жизни в более позднем возрасте, если таким образом могут извлекать к новой жизни то, что несли в себе с детства, нечто

Это совершенно иное, чем то, что живёт в простых неизменённых воспоминаниях, это нечто такое, что можно обосновать в живом искусстве воспитания, которое не хочет давать в этом возрасте ребёнку остро очерченные понятия, которые хороши для определённых жизненных целей, но по отношению к ребёнку выглядит так, как если бы мы схватили его руку и зажали её, чтобы она не могла расти, чтобы она должна была остаться маленькой, так что она не могла бы принимать изменённые формы. Только тогда, когда мы достигаем такого искусства воспитания, которое передаёт живые понятия, продолжающие жить с ребёнком, как живут с ним его члены, следовательно не остро очерченные, но имеющие внутренний рост, только тогда мы даём ребёнку не только настоящую радость жизни, но и настоящую жизненную силу, когда мы переживаем её, как я указал, как нечто совершенно наивное в душевной жизни. Так что не интеллектуалистическое понимание, а восприятие от почитаемого авторитета приносит нам жизненные силы.

А затем начинается возраст, когда мы в сущности не можем подходить к миру иначе, как, не образуя тотчас остро очерченных понятий, выражать свою способность к любви тем, что погружаемся в вещи так, что мы извлекаем иногда поистине иллюзорные, но тем более сильные идеалы, воспаляющие нашу любовь. Только когда мы проделали всё это, только тогда без вреда - хотелось бы сказать - для всего нашего человеческого существа мы переходим в интеллектуалистический возраст. Но то, что сегодня многообразно передают молодёжи старшие поколения как содержание обучения, есть собственно нечто такое, что подходит лишь определённому возрасту, только что указанному мной.

Так что мы именно как учителя часто стоим сегодня перед молодёжью так, что она не просто по каким-нибудь случайным причинам, но из внутреннего своего существа не может нас понимать. Более ранние эпохи и в социальной жизни развивали силы, благодаря которым старые были совершенно иным образом понятны молодым, чем сегодня. Поэтому раскрылась эта социальная пропасть между старыми и молодёжью. Её постигает тот, кто именно так понимает наше время, как его нужно понимать, когда взирают на развитие в последние три-четыре столетия; и не только посредством духовного углубления, но посредством оживления нашей духовной жизни должны мы снова достигнуть той способности, благодаря которой взрослый человек может иметь полное взаимопонимание с молодёжью.

Но прокладка моста между поколениями есть лишь одна сторона, даже лишь одна совсем маленькая часть социальных требований современности. Поколения могут это сделать лишь с помощью расширения всего внутреннего человеческого переживания. Только тот, кто внутренне усилит сегодняшнюю интеллектуалистическую душевную жизнь до живого мышления и до духовного видения, или по крайней мере воспримет результаты этого мышления и видения - так как они также оживляют всю душу - только тот снова находит возможность вполне заглянуть в детскую жизнь, чтобы в самой этой детской жизни искать силы, с помощью которых можно найти взаимопонимание с ребёнком. И в сущности когда указывают на что-нибудь такое, как пропасть, которая разверзлась между старыми и молодёжью, тотчас указывают на то, что вообще господствует в наше время в виде пропастей между человеком и человеком, между мужчиной и женщиной, между классом и классом. Потому что точно так же, как голая интеллектуалистическая жизнь отделяет нас от ребёнка, она в сущности отделяет нас и от других людей. Лишь когда развивают живое мышление, которое вновь становится подобным известным инстинктивным направлениям мирового бытия, видят, что посредством этого живого мышления снова могут так же твёрдо найти своё место в социальном порядке, как некогда находил инстинктивный человек, так что были возможны социальные организмы. Находят также, что посредством того, чего добиваются, когда сознание становится пустым, когда следовательно инспирированно получают из духовного мира то, что открывают духовные существа, что только тогда становятся в состоянии действительно понимать других людей, видеть через пропасти классов, через пропасти полов.

Это, многоуважаемые присутствующие, есть вторая ступень социального сожителства. Первая ступень та, на которой посредством имагинативного находится собственное место в окружающем мире, как это было прежде в виде инстинктивного установления себя в мире. Вторая ступень заключается в том, что находят мосты к другим людям, к людям, живущим в другой социальной связи. Сегодня это стало человечеству чрезвычайно трудно, потому что в сущности, устраиваясь в социальной жизни, судят исходя не из действительности, а из своих ощущений; в сущности когда полагают, что судят наиболее соответственно действительности, именно тогда судят наиболее чуждо действительности. Стоит только взглянуть, как заняли своё место в жизни сами

руководящие личности, как они хотели овладеть жизнью, и всё же в сущности не достигли действительности жизни.

Я хотел бы привести один пример. Он совсем не за и не против личности, которую я хочу упомянуть; ничего не должно быть сказано за или против; нужно охарактеризовать явление. Я хотел бы указать на особенно заметную, социально действующую личность в социальном движении новейшего времени, на Розу Люксембург. Узнавая её как личность, имели перед собой человека, который собственно выступал с совершенно мещанскими повадками, был размеренный в движении, размеренный в речи, вполне соблюдающий меру - хотелось бы сказать - в каждом отдельном движении, в каждом отдельном слове. Хотелось бы сказать: В этой индивидуальности господствовала даже известная мягкость, а не что-нибудь бурное. С трибуны она говорила примерно так - здесь я хочу привести конкретный пример: Да, было время, когда человек верил, что он произошёл из каких-то духовных миров; эти миры определили его место в жизни. Сегодня о человеке знают - так она говорила, - что некогда он крайне непристойным образом, не одетый, лазил по деревьям как обезьяна и что из этого обезьяно-человека развился тот, который сегодня занимает разнообразнейшие положения в социальной жизни. И это преподносилось так, что - хотелось бы сказать - было воспламенено известным религиозным импульсом, конечно не огнём непосредственной индивидуальной деятельности, но преподносилось так, что именно большие пролетарские массы могли лучше всего понять, с известной умеренной сухостью, так что это и восприниматься могло с известной сухостью ощущения и так, что, несмотря на сухость ощущения, это вызывало известное воодушевление на том основании, что было чувство: В сущности все люди равны и все социальные различия сметены прочь. Но то, что так говорилось, говорилось не из участия в социальной жизни; это говорилось из теории, которая, конечно, верила, что она жизненна. Это породило - хотелось бы сказать - некую действительность, которая в сущности не могла быть действительностью, а именно плодотворной действительностью.

Так же, как эта заметная личность. Роза Люксембург, участвует сегодня в социальной жизни в сущности большинство людей. Они говорят о социальной жизни, но в их словах не пульсирует сила, исходящая из непосредственной жизни, из сопереживания социального в человеке. Это возможно, когда с древней инстинктивной силой созерцания социальных форм находят своё место в жизни и далее находят мосты к людям других сословий, других классов, также других возрастов; а дальнейшим является нахождение отдельных людей, человеческих индивидуальностей. В более ранние эпохи их находили - хотелось бы сказать - посредством чрезвычайно глубоко лежащих человеческих инстинктов. Они становятся силами познания, сознательными силами познания, именно когда человек развивается в духовный организм, в орган чувств, которым он становится всем своим существом, как я описал, благодаря чему он тогда с самой своей волей бестелесно живёт в духовном мире. Потому что переживание другого человека всегда есть бессознательное или сознательное чувство того, чем является другой. Это серая теория, когда думают: мы видим человека, видим какое у него ухо, какой нос, какое лицо, и так как мы знаем, что у нас также есть

нос и такой же формы лоб и т.д., что у нас есть я, то мы подсознательно заключаем, что у другого также есть я. Этого мы не делаем. Кто может душевно обозревать фактическое положение дела, тот знает, что при противостоянии другому человеку дело в непосредственном восприятии того, что живёт в другом человеке. Хотелось бы сказать: непосредственное восприятие другого есть лишь зрительный акт, поднятый в духовно-душевное. К этому приходят даже некоторые формы современной философии. Духовная наука показывает, что когда сознательным образом находят бессознательно действующую силу, человек вживается в другую человеческую индивидуальность, и только благодаря этому может полностью установиться в социальной жизни. Но тогда, когда мы на ступени воспитания человеческого развития, на которую мы поднялись, с достигнутым интеллектуализмом, или скорее благодаря тому, что из него может вырасти, можем указать на такое одухотворяющее себя душевное развитие человека, тогда мы можем указать и на то, что могут быть найдены социальные перспективы. Конечно, только когда таким образом могут постигнуть духовное, тогда с силой, которая устраняет прежний ужас, приходят к непосредственному переживанию импульса свободы в человеке. Этот импульс свободы действительно воспринимается душой также лишь из всей человеческой жизни. Я хотел бы опять дать ясное понятие о том, что он воспринимается только из полного переживания, на одном примере из искусства воспитания.

Зачем, собственно, построена Вальдорфская школа в Штуттгарте, которая создана из соответствующего духу миро- и жизневоззрения? Она именно как социальное учреждение хочет стать в современной социальной жизни так, как того требуют силы самой современности. Поэтому она построена совсем не для того, чтобы в каком-нибудь отношении быть школой мировоззрения. Было бы совершенно ложным пониманием принципа Вальдорфской школы в Штуттгарте думать, что дети там должны быть приведены к какому-нибудь мировоззрению. Миро- и жизни — понимание, которое представляется как соответствующее духу, существует там, собственно, только для учительства. И то, что в этом миро- и жизнепонимании является не теорией, а полной жизнью, может проявляться в педагогическом искусстве, в дидактическом такте, во всём том, что выполняет учитель, во всём действии обучения и воспитания. Дело совсем не в том, о чём часто говорят в отдельных положениях о вальдорфской педагогике; относительно этих отдельных положений отдельные люди вполне могут сказать: Да, этого хотят также те или иные методы преподавания и воспитания. И в, сущности, когда смотрят на абстрактные принципы, то дело обстоит так, что можно сказать: то, что можно сказать относительно методов обучения и воспитания Вальдорфской школы, сформулированное в абстрактных положениях, находят и в других местах. То, в чём здесь дело, есть непосредственная жизнь, которая вытекает из рождающего жизнь миропонимания, а не из рождающего голые понятия жизнепонимания. Что этим достигается? Ну, трудно выставить остро очерченные понятия — также, когда в остальном хотят описывать жизнь. Поэтому я хочу выразиться с помощью следующего: Видите ли, совершенно определённо и среди учителей Вальдорфской школы есть такие, которые не всегда особенно гениальны - это можно сказать, не касаясь кого-либо близко; но

хотя среди учителей там существуют различнейшие ступени душевно, телесно - духовных способностей, всё же с другой стороны нужно опять-таки сказать: Среди этих школьных детей, которые находятся там перед учителями, могут ведь быть и такие, которые некогда в жизни разовьют способности, выходящие далеко за пределы тех, которые имеют сами учителя. Нужно следовательно сделать возможной педагогику, с помощью которой можно не только так обращаться с детьми в любом возрасте, что они некогда придут к способностям, которые имеешь сам, но чтобы они при случае беспрепятственно развивали заложенные в них способности, которых сам совсем не имеешь. Нужно следовательно, хотя сам не гениален, каким-то образом не чинить никаких препятствий развитию ребёнка к гениальности. Можно долго декламировать, что нужно развивать гениальность ребёнка, не вдавливать в него что-нибудь, а всё выпускать на свободу, это можно говорить, и если смотрят только на выражаемое в понятиях, то это звучит чудесно, и думают, что это нечто плодотворное для жизни; но часто под тем, о чём так говорят, не подразумевают ничего иного, как только: в ребёнке развивают то, о чём д у м а ю т, что оно может быть индивидуальностью, превосходящей индивидуальность учителя. В Вальдорфской школе всё в воспитании предрасположено к воспитанию в свободе. Внутреннейшего духовно-душевного в человеке методы Вальдорфской школы, в сущности, вообще не касаются; его касаются так же мало, как, например, у растения, которое сажают в почву и затем с помощью света и воздуха предоставляют свободно развиваться, приносят всевозможные палочки и вшнуровывают их в шаблон То, чем является духовно-душевная индивидуальность ребёнка, есть самое священное, о чём понимающий истинную природу человека знает, что оно вполне из самого себя следует импульсам, которые действуют на него из всего окружения, из всего мира. Поэтому учитель должен устранять то, что может мешать этой со священным страхом оберегаемой индивидуальности в её развитии. В настоящей науке о человеке можно видеть насквозь препятствия, которые могут исходить от физического, от душевного, а также от духовного, если её развивают в педагогическом и психологическом направлениях. И именно когда развивают такую науку о человеке, то научаются с тонким чувством наблюдать, где имеется какое-нибудь препятствие свободному развитию индивидуальности. Тогда не нужно - хотелось бы сказать - грубо вмешиваться в чужеродное формирование этой индивидуальности: видя, где имеется препятствие, его устраняют; тогда индивидуальность с помощью своей собственной силы сумеет развиваться так, что по своим способностям может далеко превзойти то, что имеет в себе учитель. Но это значит иметь настоящее уважение к человеческой свободе. Эта человеческая свобода как раз обуславливает, чтобы человек находил в самом себе импульсы, которые ведут и побуждают его в жизни. В более древние времена, инстинктивно вживаясь в социальное окружение, человек воспринимал нечто из своего окружения, что затем действовало в нём как моральные, как религиозные импульсы. Это, хотелось бы сказать, парализовано силой интеллектуалистического. То, что в сознательности снова приведёт к тем же социальным импульсам, которые некогда достигались инстинктивным образом, должно быть сначала развито.

Но тем, что современному человеку нужно указывать на это, он поставлен перед двумя вещами. Одно то, что отныне он должен искать свои нравственные, свои религиозные импульсы в своей собственной индивидуальности, что он может найти их только там, где его душа развивает свои самые изначальные собственные силы. С другой стороны, многоуважаемые присутствующие, в течение последних трех-четырёх столетий выращено - так выращено, что оно представляет единственный авторитет, именно то, что никогда не даёт непосредственного духовного переживания, а может только взирать на природную жизнь и её упорядочивать. Так стоим мы с одной стороны перед тем, к чему мы как человечество способны, конечно грандиозным образом, в пределах природного свершения с нашим рассудком. И здесь человечество в целом продуктивно. Мы видим эту продуктивность человечества всплывающей за три-четыре столетия в грандиозных переходах, которые были найдены между воззрением на природу и техникой. Кто может проследить, чего человек достиг благодаря способности познания природы, тот видит также, как продвинулось человечество в техническом отношении. Изучите лишь один простой пример, скажем, как гениальный в известном отношении Гельмгольц нашёл своё глазное зеркало. Если Вы хотите это понять, то Вы должны принять во внимание, что его предшественники были уже близки к этому, что их подтолкнул прогресс естествознания, что ему нужно было сделать лишь самый последний шаг. Хотелось бы сказать: Естественнаучное мышление вошло в человека и ведёт его. Человек при этом продуктивен в области техники, так как в нём живёт то, что он высасывает из природы, как инспирирующий дар. Можно проследить вплоть до новейших открытий, как когда кто-нибудь становится учёным в области естествознания, то то, что он воспринимает, толкает его известным образом от техницизма к техникуму, так что инспирация природы действует дальше. Здесь есть сила инспирации; этой силы инспирации у современного человека нет там, где дело касается этического, волевого, религиозного, короче, всего того, что, исходя из человеческой души, в конце концов ведёт к социальным формам и социальной жизни. Здесь мы опять нуждаемся в силе, которая точно так же действует на духовно-душевную область, как чисто природная инспирирующая сила в нашей внешней технике. То, чего мы там добились, человечество нового времени должно было оплатить тем, что чисто духовная жизнь на некоторое время отстала, питалась старыми традициями, как в религиозном, так и в моральном, и социальном отношениях. Но сегодня мы нуждаемся в возможности из человеческой индивидуальности в полном переживании свободы прийти к непосредственным моральным импульсам. Так как мы стоим перед этой социальной необходимостью, для меня и было возможно указать в "Философии свободы" на то, что должно существовать нечто такое, как моральная интуиция. И я уже тогда указывал, что то, что человек может найти из действительных моральных импульсов, отныне в современной жизни действующих только индивидуально, которые его нравственно и морально усиливают, может прийти только из духовного мира. Итак, следовательно, мы стоим перед необходимостью подняться до духовных интуиций именно потому, что в своём рассмотрении внешнего мира мы не приходим к чему-нибудь

духовно продуктивному.

Тот, кто сознательно может сделать установку именно на внутреннее переживание технического века, может быть более всего склонен говорить с другой стороны: Будучи поставленным перед этой возможностью обзреть неживую технику, прилипнуть к почве этого технического, мы не можем извлекать моральные импульсы из того, что нам даёт техника, так, как мог более древний человек, который в буре и ветре, в реке и звёздах видел духовно-душевное, ощущаемое как природные силы. Мы этого не можем, потому что имеем очищенное от всего этого познание природы. Мы можем поэтому добывать свой моральный мир только тогда, когда постигаем его в свободной интуиции, непосредственно духовно, индивидуально. Но для этого мы нуждаемся, многоуважаемые присутствующие, во внутренней жизненной силе духовного. И эта жизненная сила духовного, я думаю, может быть дана погружением в результаты того миро- и непонимания, которое я здесь развивал. Это миро- и непонимание как раз совсем не хочет сказать: это так, а это так, в идеях и понятиях, а хочет нести идеи и понятия только для того, чтобы они становились в нас чем-то живым духовным образом, как сама кровь жизни, так чтобы деятельность человека возбуждалась не просто мышлением. Так то, что может быть развито в качестве такого миро- и непонимания, является одновременно и вполне социальным импульсом, наряду с импульсом познания.

Это то, многоуважаемые присутствующие, что, пожалуй, оправдывает следующее высказывание: Социальные требования современности, как они часто сегодня формулируются в общественной жизни, для того, кто в состоянии непредвзято различить душевным взором весь почерк (Signatur) нашего времени, выглядят так, что являются, собственно, симптомами, симптомами того, что прежняя инстинктивная уверенность социальной жизни утеряна и что мы стоим именно перед необходимостью сознательно обосновать духовную жизнь, которая опять даст те же импульсы, которых некогда давала инстинктивная жизнь древних эпох. Потому что можно считать, что такое возбуждение внутренних душевных жизненных сил человека действительно соответствует социальным требованиям нашего времени, поэтому и хотелось бы в это время тяжких испытаний в таком смысле говорить о времени и его социальных требованиях.

Часто в настоящее время уже имеют чувство: Ах, непосредственная сегодняшняя нужда, бедствие настоящего момента так велико, что в сущности ему нужно посвятить себя целиком и полностью, и только тогда, когда в этом отношении будет видно некоторое облегчение, можно будет искать дальнейшие перспективы. Из всех возражений, которые были мне сделаны с тех пор, как я по просьбам определённого круга друзей опять попытался говорить о социальной жизни, участвовать во всяких вещах, связанных с этой социальной жизнью, лучше всего я понял многочисленные письма, которые всё снова и снова приходят ко мне, особенно в последние два года, следующего содержания: Чего собственно хотят все эти социальные идеи? Здесь в Средней Европе дело прежде всего просто в хлебе. Всё снова появлялось - хотелось бы сказать - это возражение, его можно понять; но в другом отношении нужно опять-таки находить понятным, что никогда земное плодородие не в состоянии лишить

людей того, что оно может дать, если только люди найдут такие социальные формы, благодаря которым то, что Земля может дать, сможет правильным образом вливаться в социальные образования и перерабатываться в них. Поэтому с другой стороны мне кажется оправданным и мнение, что, конечно, чрезвычайно мило и хорошо, если посвящают себя непосредственному положению данного момента - и этому никто не мешает такими рассматриваниями, как устроенные здесь; но так же, как это хорошо, с другой стороны должно быть сказано: То, что там может быть сделано, может быть хорошо для данного момента, но с другой стороны нужно как можно скорее прийти к социальному пониманию, чтобы снова не породились условия, из-за которых люди приходят к такой нужде и к такому бедствию. Что из них нельзя выйти со старыми утопическими и интеллектуалистическими формулировками социального, должно было показать людям то, что многие из тех, кто ещё недавно с невероятной уверенностью говорили о том, что должно осуществиться в социальной жизни, что будет установлено для этого, что они теперь должны делать - и поистине, едва ли когда-нибудь существовала большая беспомощность в социальной жизни, чем среди тех, кто по-видимому с наибольшей уверенностью знал, как нужно было бы определить социальные формы, как только удастся как можно скорее устранить старое. Эксперимент в этом направлении на Востоке Европы привёл к ужаснейшим разрушительным силам. И это иллюзия, если человечество сегодня думает, что без основательного социального мышления, чувствования и переживания, путём простого повторения старых определений оно придёт к чему-нибудь иному, чем к разрушительным силам. Призрак европейского Востока есть то, что угрожающе смотрит на Запад. Но этот вид не должен оставлять нас бездеятельными, а должен побуждать ежечасно искать живые социальные силы, живое определение социальных требований, так как абстрактные и утопические показали свою бесплодность. Как это может происходить в частности, покажут следующие лекции. Сегодня я хотел дать лишь род введения, который должен показать, что за тем, что в высказанных идеях характеризуется как идеи социальные, лежит нечто более глубокое, нечто связанное с преобразованием всей душевной жизни. В новейшие времена в пролетарских кругах это начали понимать, и кто оглядывается, тот знает, что социальные требования и особенно ощущения по отношению к ним испытывают процесс весьма существенного преобразования. Бесплодность старых лозунгов уже более или менее узнана, и теперь уже часто подчёркивают, что нужно переходить к душевному, что социальную жизнь снова должны были бы пронизать моральные и религиозные импульсы; но ещё не имеют жизни, в которой действительно нуждаются. Наше время считает себя поистине действительным и реалистичным и совсем не знает; насколько оно в, сущности, теоретично, особенно тогда, когда дело заключается в постановке социальных требований. Сегодня, пожалуй, в заключение это нужно сказать — сегодня, собственно, не может быть задачей непосредственно устанавливать новые социальные или вообще другие идеалы. Мы не нуждаемся в абстрактном высказывании идеалов; то, чего нам недостаёт, не есть абстрактная склонность к идеализму, то, что нам нужно, есть нечто другое, е с т ь п е р е ж и в а н и е

духовного, а не просто измышление и д е а л ь н о г о . То, что нам нужно, заключается в том, чтобы иметь дух не просто в понятиях, но в такой жизненности, чтобы он - хотелось бы сказать - как человеческое существо находился среди нас во всех наших действиях. Когда мы так поймём дух как нечто живое, тогда мы сможем подняться к нему и как к социально действующему. Относительно этого мы можем сказать: Н а м н у ж н о с е г о д н я не голое формулирование идеалов и социальных требований, нам нужно нечто такое, что нам даст силу следовать идеалам., что нам даст внутреннюю жизнь воспламенить эти идеалы, как нечто возбуждающее нашу волю к полному, плодотворному для мира энтузиазму, к идеалам, к духовной жизни.

Вена - 8.VI.1922.

Время и его социальное формирование

Многоуважаемые присутствующие! Когда несколько месяцев тому назад английский министр колоний сказал, что точка зрения мира переместилась с Балтийского моря и Атлантического океана на Тихий океан, он, конечно, сказал слова, важные для современного преобразования социальной ситуации всей Земли. На самом деле только сейчас из условий, сложившихся десятилетия тому назад и так сильно изменённых самой жестокой из войн, мир постепенно начал извлекать следствия того, что давно подготавливалось. Следствия из того, что не только хозяйственные и социальные, но и все человеческие взаимоотношения всей Земли хотят перестроиться в целостность, в единообразную сущность. Но если это так, то необходимо также, чтобы за внешними хозяйственными формами, которые с последней трети 19-го столетия были даны просто в преобразовании мировой торговли в мировое хозяйство, последовало также глубоко идущее духовное преобразование по всей Земле, от которого сегодня, конечно, можно предчувствовать может быть лишь зачатки. Но тогда нужно принимать во внимание, что, как и всегда, социальные формы на Земле меняются, в этих социальных формах живут люди, которые как люди должны находить взаимопонимание, если они хотят вступить во взаимоотношения друг с другом. Но к взаимопониманию людей принадлежит доверие, а к доверию в известном смысле принадлежит действительно своего рода заглядывания в души других. Лишь для западной цивилизации до сих пор было более или менее возможно привести несколько более широкий кругозор на европейский материк и его непосредственные колониальные придатки. Должна быть найдена перспектива на всю Землю.

Сегодня вечером нужно из некоторых исторических подоснов, которые однако вживаются непосредственно в современное бытие человечества, указать на то, что, собственно, происходит в этом направлении. Для этого необходимо будет сначала сказать кое-что о понимании и попытках взаимопонимания внутри самой западной цивилизации.

Когда слушают образованных англичан, как они говорят о Европе, о Средней Европе, в особенности о столь долго задающей в Средней Европе тон в

определённых направлениях Германии, то обычно устно, а также и в литературе они говорят, примерно, следующее. Они говорят: У нас всё покоится на определённой демократической основе. Отдельный человек в высокой степени определяет то, что происходит в духовной, но также и в хозяйственной жизни. Инициативе отдельного человека предоставлена большая часть общественных дел; но если посмотреть на Среднюю Европу - я сейчас совсем не хочу утверждать, что это абсолютно правильно, а хочу только охарактеризовать то, что является общим мнением - если смотрят на Среднюю Европу, то заметна известная автократия, известный принцип управления посредством, конечно, способных чиновников, которые из центра государственной жизни определяют, как должны разыгрываться отдельные человеческие отношения. Там всегда - по крайней мере до войны - резким образом указывают на нейтралистский, на более или менее автократический принцип. Если бы затем взор направился дальше на Восток, то при сохранении того же образа мыслей нужно было бы, собственно, сказать: Дальше на Восток находится не просто автократия, но своего рода патриархальная автократия, автократия, пронизанная не только тем, что определяет людей, управляет ими, но которая пронизана религиозным импульсом, так что люди чувствуют то, что они делают на Земле, подчинённым духовным, даже внеземным силам и существам, чьи импульсы они воспринимают в свои ощущения.

За таким способом рассмотрения, конечно, скрывается очень важное, участвующее во всех социальных формах современности. Можно сказать: Чем дальше продвигаются на Запад, тем больше человек со всем своим мышлением и ощущением связан с делами, о которых он должен заботиться. И если смотреть на хозяйственные дела, то это выступает наиболее ясно. На Западе человек выполняет то, что он хочет выполнить в хозяйственной жизни, таким образом, что он действительно старается проникнуть вплоть до деталей того, что ему надлежит. Такое личное, непосредственно личное отношение имеет он к самым внешним жизненным делам. В европейской середине это конечно в известном смысле иначе - для рассматривающего мир психологически это должно так выглядеть. Там господствует чувство того, что происходит то, что англичанин со своей точки зрения называет даже научным управлением государства, что господствуют определённые идеи, которые считаются правильными, которые формируют законы и должны вживаться в принципы управления, которые видны прежде всего в системе управления, в государственной системе. И отдельный человек, приступающий к делам непосредственной жизни и к хозяйственным делам, имеет тогда в виду, конечно, прежде всего свой хозяйственный опыт, но всё же он всё время переводит взор с него на то, что в известном смысле носит юридически-государственный характер и подчинено одной из названных систем. И он рассматривает единичное, которое он делает, как члена такой системы. Англичанин не имеет склонности измышлять такую систему, он имеет в виду лишь то, что конкретно получается для отдельных частных частей жизни, не то, что как общая система как бы перекрывает целое.

Но тем самым указывается на одно историческое явление, которое в новейшее время стало особенно важным. Для миллионов и миллионов людей имя Карл

Маркс обозначает нечто чрезвычайное. Хотя по отношению к существовавшему некогда догматически - оцепеневшему, формальному марксизму, который ещё десятилетия тому назад жил во многих миллионах человеческих душ как своего рода религия, возникли многочисленные модификации, всё же для широких масс европейского пролетариата имя Карл Маркс представляет ещё имя какого-то пророка нового социального строя. Здесь дело не в том, чтобы указывать на ошибки марксизма; я, напротив, хочу указать с определённой стороны на историческое явление Маркса.

Маркс получил своё образование в Средней Европе, в Германии, воспринял расположение к тому систематическому, к тому упорядочению идей, которое я только что охарактеризовал. Но затем он поехал на Запад, поехал во Францию, поехал в особенности в Англию, чтобы там изучать конкретные частности социального развития, экономического развития нового времени. То, что он изучал, были конкретные частности - так как только они и жили в английском рабочем классе. То, что он из этого построил, было системой социального организма, которая могла вырисоваться только среднеевропейскому уму. И эта система пустила корни не где-нибудь на Западе, она пустила корни в первую очередь в Средней Европе. И можно сказать: То, что Маркс наблюдал на Западе в конкретных частностях, он сформировал в большое систематическое здание идей, а его последователи делали его всё догматичнее и догматичнее, всё теоретичнее и теоретичнее. Оно стало идеалом организации всего человеческого общества с экономической точки зрения. Оно стало идеалом общей организации всего человеческого общества с хозяйственной точки зрения. Оно стало в известном отношении идеалом хозяйственной, государственной организации, когда соответствующие круги получили возможность осуществить её на Востоке; конечно, осуществить в очень, очень малой степени, которая также постепенно ведёт к абсурду. Существенно, однако, то, что именно на таком явлении совершенно ясно выступает, как отличен в своей основе уже образ мыслей Средней Европы от образа мыслей европейского Запада. Но из этого нужно составить представление о том, что по всей Земле различия должны быть ещё гораздо большими, и что действительно только непредвзятость, которая не даёт ввести себя в заблуждение предуготованными мнениями, может прийти к обозрению этих различий.

Так вот, именно то, что является многообразием в маленьком круге западной цивилизации, должно быть сегодня рассмотрено на фоне великого мирового порядка. Потому что в наших формах, также в социальных формах, в непосредственной современности отражаются мировые условия, как они исторически развились на Востоке и на Западе. Они отражаются именно так, как отражаются импульсы мировоззрения в том смысле, как я описывал здесь в предшествующие дни. И подобное же рассмотрение уместно, если пытаться представить социальные формы современности.

В столь многом, что существует как социальные формы в непосредственной современности, ещё живёт то, что сегодня замаскировано, так что его происхождение видно лишь в малой мере. В том, что давно возникло на Востоке, и вместе с тем является специфически среднеевропейским, живёт то, что начало

возникать на Западе как совершенно новая форма. То же самое нужно сказать и о социальных формах, как это было сделано по отношению к мировоззренческим условиям по всей Земле.

Переходя однако на Восток, на тот Восток, который в будущем должен быть охвачен западными формами, мы видим там сегодня в образах мысли, в социальных ощущениях людей именно остатки древних форм и древних импульсов, из которых эти формы произошли. Можно сказать: всё то, что ещё и сегодня можно наблюдать, хотя на Востоке оно пришло в полный упадок, указывает на те времена, когда на Востоке совершенно господствовали жреческие теократии многообразнейшего рода, жреческие теократии, которые в том виде, как это было тогда возможно и уместно для человеческой культуры, вчленили в социальные формы то, что в духе древнего инстинктивного духовидения они узнавали из духовных миров именно так, как я описал в эти дни. Конечно, если сегодня люди по историческим документам описывают, как на Востоке некогда властвовали иерархии жрецов так, что они учили народ, что во всех природных явлениях обитают известным образом божественно-духовные существа и даже что с помощью определённых человеческих магических действий можно заслужить милость этих богов или любовь этих богов, если это утверждают, то это хотя и правильно для известной позднейшей эпохи восточных жреческих теократии, но именно для позднейшей эпохи, когда первоначальное Востока уже было совсем охвачено упадком. Это верно, многоуважаемые присутствующие, что во времена древней восточной цивилизации некоторые избранные индивидуумы искали рода связи с духовным миром, связи, основанной на таких вещах, к которым мы сегодня конечно не можем иметь больше ни малейшей склонности. Она основывалась на определённых мероприятиях, которые проделывались с человеческим телом даже очень материальным образом: от определённых напитков, которые варились, от определённых веществ, которые вкушались, от этого рассматривалось как тайна, что благодаря их употреблению исключается обычный род деятельности человеческих чувств, и человек возвращается к определённым временам, в которые чисто внешняя природная закономерность ещё не существовала так, как позже, и в которые духовная жизнь также не была такой абстрактной, как позже, во времена, когда морально-духовное было ещё единым с физически-природным. Эти учёные жрецы хотели перенестись назад в правремена земного развития посредством того, что они приводили свой обмен веществ - если можно так выразиться - в связь с определёнными эссенциями вещественной природы внешнего мира. И то, что они, собственно, утверждали, это опять-таки можно понять, если посредством современного пути в сверхчувственные миры снова можно будет познать то, что я изложил в своей последней лекции первой серии, что путём определённого духовного заглядывания в собственную человеческую природу человек переживает в себе нечто вроде мирового воспоминания и благодаря этому, конечно, своим духовным взором проникает назад вплоть до тех времён, когда для людей природные законы не были такими, как сегодня, когда они проявляют себя более или менее через случай, а духовные законы не были такими абстрактными, как сегодня; человек может перенестись назад во время,

когда морально-духовное было ещё единым с физически-природным, так что такой духовный взор приходит не к чисто механистическому канто-лапласовскому первичному туману, а к источнику земного развития, который нужно понимать духовно-душевно-физически. Того, что таким образом может быть добыто как мировое воспоминание, можно достигнуть вполне духовно-душевно путём духовно-душевных упражнений, не воздействуя на физическое - соответствующее я излагал в эти дни. В те более древние времена это было как раз не так. Тогда люди приводили себя в связь с духовным миром с помощью того, что возбуждали свои бессознательные инстинкты именно путём связывания своего обмена веществ с эссенциями того или иного рода. Они некоторым образом знали, как из своей инстинктивной жизни можно развить род сновидческого одухотворения из каждого растения, из природы; они знали, что когда вкушается то или иное растение, то их организм испытывает такое влияние, что они могут перенестись в определённое духовное свершение. Это была собственно первичная форма, в которой ведущие жрецы восточных теократий, имевшие однако одновременно полную власть и над социальными и политическими учреждениями, приводили себя в связь с духовным миром. И они ошибочно полагали, что посредством этого они получают импульсы, которые оказывались настоящими руководящими импульсами для социальной жизни. Можно сказать: То, что затем стало позднейшей верой, стало неверием, что с тем или иным природным существом связан тот или иной дух, это уже именно упадочный продукт культуры; в действительности первоначально хотели сказать только: Если этому природному существу дать на себя подействовать определённым образом, то будешь приведён к определённого рода духовному существу, от которого можно получить то или иное также из социальных импульсов. И оракулы, предсказания по звёздам, всё астрологическое было в сущности уже продуктом упадка более древних воззрений, к которым сегодня по существу приходит, правда, лишь намёками, уже и внешняя наука. Точно так же, как эта внешняя наука от представления о грубом политеизме всех первобытных народов сегодня переходит уже к некоему прачеловеческому монотеизму, так же она придёт и к воззрению, которое здесь развито из подоснов, получаемых такими духовнонаучными исследованиями, какие были охарактеризованы.

Тогда однако было полное сознание о том, как импульсы внеземной природы, духовных существ выражаются в самой человеческой природе, - хотя их и находили путём возбуждения инстинктов, путём известного рода одухотворения инстинктов. Поэтому должны были придавать значение и тому, что проявлялось в этих инстинктах, так что инстинкты, которые приписывали особому составу крови - скажем - в особенно родовитых фамилиях, что и в продлениях этой жизни инстинктов видели нечто из того, что посылалось на Землю из внеземных сфер как определённые социальные импульсы. Естественно, что затем, когда это пришло к упадку, люди, стремясь к власти, так сказать по своему произволу овладевали общим убеждением, взиравшим на это проявление жизни инстинктов, которое искали в крови и в том, что могло находиться посредством одухотворения этой крови. Но благодаря этому во всю восточную жизнь входило нечто духовное и, по крови, патриархальное. Конечно, это патриархальное можно

обсуждать, только указывая на что-нибудь знакомое; но исходная точка находится именно в отношениях, которых искали древние жрецы Востока к духовному миру. Поэтому также на все социальные формы Востока излит этот религиозный элемент, это сознание, что, собственно, во всём земном должны править божественно-духовные силы и что вообще ни один человек не должен отдавать приказаний иначе, как благодаря тому, что он сначала дал силе божественного слова влиться в дух, в душу, которая должна отдавать эти приказы. Благодаря этому, однако, те импульсы, которые сначала ощущались как религиозные, как импульсы милости внеземных сил, в отношении социальной жизни принимают характер заповедей, даже тогда, когда в известных восточных культурах кажется, как будто мы имеем дело с законами в более позднем смысле слова. Так легко найти, возвращаясь к духу такого законодательства, как, например, законы Хамураби, что в основе там лежат заповедные импульсы, которые ведь приводят к тому, что рассматривается как общение избранных людей с духовным миром.

Это, однако, содержится затем во всё более и более ослабленной форме во всех социальных формах, которые покоятся на церковно-религиозных основах. И как бы сильно эти вещи часто ни были замаскированы в социальных формах, даже в покоящихся на религиозной основе товарищеских объединениях ещё можно видеть, как в ослабленной форме оказываются ещё деятельными описанные импульсы древнего Востока. И многое в современных социальных формах совершенно не понимают, если не в состоянии спросить: Насколько человеческие души привержены к таким формам? Они привержены к ним, потому что глубоко в подсознательных подосновах этих душ как раз имеется ещё наследие религиозных склонностей Востока, также и там, где сами религиозные воззрения приняли уже совершенно другие формы, формы, которые были изменены хозяйственной жизнью, как это имеет место у религий Запада. Что восточные религии именно пускают свои действующие силы вплоть до частных хозяйственной жизни, можно было в сущности заметить в последствиях ещё на европейском Востоке вплоть до войны. Нужно говорить об этих - хотелось бы сказать - духовных импульсах, которые пронизывают социальные формы, если хотят понять эти социальные формы; так как то, что часто сегодня описывают как социальные формы, представляют, собственно, лишь внешнюю сторону. Что это так, можно чётко выяснить на таких примерах, как следующий.

Мы можем сегодня, конечно, лишь с ужасом смотреть на то, что хотят осуществить на европейском Востоке как социальный строй. Но рассматривая сегодня то, что происходит там на европейском Востоке, нужно вспомнить о том, что происходило около восьми столетий тому назад в Азии, в Китае. Если описать, как за восемьсот лет в Китае - хотелось бы сказать - с известной внезапностью стали искать и в очень высокой степени также осуществили государственный строй, который исходил из того, чтобы по-государственному упорядочить во всех подробностях все человеческие дела, также и дела хозяйственного рода, если описать, что в это время в Китае были государственные учреждения, которые с недели на неделю устанавливали цены, что были государственные учреждения, которые указывали, как здесь, как там,

как в третьем месте должна обрабатываться земля, что были государственные учреждения, которые выдавали сельскому населению семена для посева текущего года что в это время в Китае пытались особенно богатых людей обложить столь высоким налогом, чтобы их имущество постепенно перешло в общее владение, если всё это вспомнить, то можно сказать - социальный строй который в наше время ищется определёнными кругами в Европе, был в высокой степени осуществлён восемьсот лет тому назад на протяжении тридцати лет, пока соответствующее социалистическое правительство не было свергнуто и его приверженцы не были изгнаны из Китая. Тридцать лет там господствовал строй, о котором можно сказать: Если бы его хотели описать, не говоря при этом, что он относится к Китаю, то можно было бы подумать, что речь идёт о сегодняшней России.

На такие вещи можно указать, желая указать на внешнюю сторону социальных форм; так как тогда видно, что то, что в общепринятом смысле понимают как социализм, не должно быть, конечно, просто продуктом нашего времени, но что на Дальнем Востоке он смог выступить из совершенно других культурных подоснов восемьсот лет назад. Но если войти в душу того, что социально формировалось тогда и хочет сформироваться сегодня, то в качестве важного различия замечают, что в том китайском социализме присутствовали отчётливые последствия теократии, которая всегда господствовала над Китаем и господствует ещё сегодня, тогда как абстрактное мышление, которому нет никакого дела до сознания человеком связи с духовными мирами, что оно вчленено в сегодняшний русский социализм. То, что по внешнему виду кажется одним и тем же, разумеется не является одним и тем же, когда его рассматривают в духовном смысле.

Многоуважаемые присутствующие, когда исходят из такой точки зрения, то находят, что особая форма теократической государственности, лучше сказать, теократического социального строя длилась в течение определённой эпохи развития человечества. Когда эти азиатские теократии достигли своей высшей точки, западные и средневропейские народы находились ещё в точке полного бескультурья, отсутствия цивилизации, но когда в Европе продолжает жить то, что в Азии имело теократическую форму, то оно постепенно принимает совершенно особый вид. Если быть достаточно непредвзятым, то переходную форму можно искать в платоновской государственной утопии. В ней есть как раз нечто такое, что - хотелось бы сказать - в побледневшем виде напоминает восточную жреческую иерархию. На том же основании Платон также хотел избрать в дирижирующие вожди своего государства тех, которые, конечно, теперь в греческом духе, стали мудрецами, философами. И в самом деле, в греческой цивилизации философ стал наследником того, кем был восточный жрец. Но в платоновском утопическом государстве, которое ведь постольку проистекает из воззрений на социальную жизнь платоновского времени, поскольку оно известным образом отображает то, что ощущали из социальной жизни в то время, можно уже узнать другую форму, в которую превратилась восточная социальная жизнь. Отношения человека к сверхчувственным силам больше не искали, а перенимали более или менее из древности Востока то, что об этом

отношении должно было ощущаться религиозно; но то, что развивали самостоятельно, было опять чем-то таким, что на древнем Востоке ещё не играло совсем никакой роли, что в сущности не играет ещё никакой роли даже в тех социальных формах, которые говорят нам из Ветхого Завета; то, что теперь самостоятельно формировали, было отношением человека к человеку. Это отношение человека к человеку, собственно, совершенно особенно выступает перед нами в своём наисобственнейшем виде когда внутренне заглядывают в греческую душевную жизнь. Она была такой, что человек ещё чувствовал известным образом внутреннюю связь духовно-душевного и природно-физического своей телесности. Для греков во внутреннем переживании сознания ещё не было такого разделения телесного и духовного, как у нас. Мы смотрим внутрь, чувствуем очень тонко душевное, чувствуем это душевное так, что, охватывая его обыкновенным сознанием, не можем иметь о нём совершенно никакого представления, как оно приводит в движение крепкое тело или испытывает влияния от него. У греков это было иначе; и потому, что это было так, Гёте, собственно, так страстно хотел этого для себя, для своего собственного переживания. Грек совсем не имел таких понятий тела и духа, как мы. Для него дух и *physis* были одно. Это наступило известным образом только у Аристотеля, позднего грека. Платон ещё говорил вполне из духа, относительно которого скоро становится заметно, что он всё же говорит с той точки зрения, что тело ещё, собственно, везде, также и в своих органических функциях, проодушевлено и что душа ещё внутренне ощущается так сильно, что она каким-то образом везде протягивает свои щупальцы в телесные органы. Душа представляется ещё более телесно, тело ещё более душевно. Такое воззрение, однако, связано также с известным ощущением, устанавливающимся между человеком и человеком, и из этого воззрения возникает затем характерное цивилизации Средней Европы.

Если рассматривать, больше ощущающе рассматривать чувствовавшееся отношение человека к человеку у древних греков и узнать, как это отношение развилось из древнего отношения человека к божественному, если рассматривать, этот переход отношения человека к божественному в отношение человека к человеку, то можно сказать: то, что прежде было воззрением, совершенно проникнутым религиозным, превратилось в юридическое воззрение, государственное воззрение. И из этого - из взаимодействия греческой и римско-латинской сущности - затем возникло то, что могло продолжаться в социальном формировании. Жрец мало-помалу становился только преемником восточного народного вождя, так как на Востоке жрец, ведь, всегда был настоящим духовным вождем, даже когда он держался на заднем плане, даже по отношению к Дарию и Ксерксу. Возник образ мыслей, развивавший идеи, которые покоились именно на этой основе отношения человека к человеку. И это зашло так далеко, многоуважаемые присутствующие, что даже религиозная жизнь стала тонуть в этом - хотелось бы сказать - юридическом течении. В это всеобъемлющее мировоззрение, даже вплоть до космологии того времени, вошёл юридический элемент, который затем более или менее сохранялся на протяжении всего средневековья, который можно почувствовать, например, изучая государственные воззрения Августина или Фомы Аквинского. Сами религиозные импульсы, хотя и

оставаясь религиозными импульсами, принимали юридические формы. Соответствующий документ этого втягивания юридических форм в религиозные космологические воззрения людей смотрит на нас, когда мы входим в Сикстинскую капеллу в Риме: чудесная картина Страшного суда. Здесь наиболее монументально выступает этот образ, в котором Христос является судьёй мира и где в нём видят судейство над миром. Именно это величественным образом символизирует переход от чисто религиозно-культового элемента в то понимание, которое пронизывает религиозное юридическим элементом, привносимым воззрением об управлении миром и мировом руководстве человечеством. И это содержится во всех социальных формах средневековья и во многом, что живёт в наших социальных формах. Если опять снять маски, то видно, как присутствует этот юридический элемент, как он перенёс религиозные импульсы из прадревних времён. И вплоть до словообразований в современных государственных формах, вплоть до форм разработки законов, именно тех, которые влились ещё из средневековья, можем мы различить, как этот юридически-логический элемент вошёл в среднее время человеческого переживания и в цивилизации между Востоком и Западом. Можно было бы сказать, что восточно-теософское преобразуется в юридически-логическое, София Востока становится Логосом Запада, а из Логоса снова развивается то, что становится юридическим образованием. Затем оно передаётся дальше. В течение всего средневековья оно является руководящим также для социальных форм. Изучая хозяйственные порядки средневековья, везде найдут, что в социальные устройства формирующе вмешивается то, что пронизано древней восточной религиозностью и является юридическим. Это напечатлевает формы социальным устройствам. И если во многом, что присутствует в более свободных человеческих объединениях или в объединениях, происходящих из религиозных исповеданий, продолжает действовать религиозный элемент, то в том, чем стали большие социальные образования, государственные образования, действует напирание больше с заднего плана юридическое мировое мышление. Но видно также, как при переходе от средневековой к новой истории религиозный элемент всё больше и больше оттесняется на задний план, а юридический элемент выступает всё больше и больше. Этот юридический элемент затем прорывается в хозяйственные образования. То, что я здесь описываю, можно проследить во всех подробностях, изучая ход распространения римского права в мире. Тогда, однако, видно также, что в понятиях собственности, в обычаях владения, во всём хозяйственном руководящими были социальные формы, покоившиеся на таких подосновах.

Но в ходе развития человечества, чем больше мы приближаемся к современности на Западе, тем всё больше и больше сказывается самостоятельный хозяйственный элемент. Можно сказать: для более древних времён всё хозяйство совершенно уловлено в религиозно - юридические формы. Хозяйственный элемент сначала эмансипируется для человеческого мышления больше на Западе. Если попытаться изучить такой хозяйственный элемент, как он жил у финикийцев, и сравнить его с таковым хозяйственных систем нового времени, конечно, находящимся ещё в зачатке, то будет заметно различие;

финикийский хозяйственный элемент был порождён описанными мною импульсами, однако с течением времени западные хозяйственные системы всё больше и больше эмансипировались от этих импульсов. И так мы видим, что в виде третьего течения присоединяется то, что сначала по крайней мере имеет тенденцию подчинить сами хозяйственные условия социальным образованиям самостоятельного рода. Эта тенденция исходит с Запада, который со своей стороны более или менее перенимает то, что идёт с Востока и с середины. Особенно, напр., в американской цивилизации мы видим, что там хозяйственные взаимоотношения, эмансипированные от других культурных течений, развиваются из своих собственных условий; они развились вплоть до трестов и синдикатов исключительно из хозяйственных условий, из определённой человеческой склонности, человек хочет держать хозяйственную жизнь отделённой от религиозной жизни, тогда как он может держать её менее отделённой от того, что позже вошло из юридического мышления и чувствования. Но всё же мы отчётливо видим, что хозяйственные формы в их социальном отношении постепенно стремятся выйти из тех понятийных шаблонов, в которые они вошли, когда на них распространился юридический элемент. Мы видим, что то, что является чисто хозяйственной жизнью, всё больше и больше стремится к эмансипации. Смогли развиваться категории, которые взяты из самой хозяйственной жизни.

Тем самым, однако, одновременно указывается на нечто такое, что должно вызывать особые взаимоотношения народов и человечества, но также и конфликты народов, да, конфликты внутри народных сообществ. Потому что если посмотреть на те факты, что на древнем Востоке религиозный элемент распространился и на юридический и хозяйственный, что затем юридический более или менее отделился, но ещё имел в себе хозяйственный, а религиозный всё же стал самостоятельным, если посмотреть на то, что на Западе стремится возникнуть самостоятельная хозяйственная жизнь, то нужно рассмотреть также, как относятся отдельные человеческие культурные устремления к таким духовным течениям. И тогда можно сказать: Совершенно ясно, что из того теократически-патриархального элемента, который имеет свои корни на Востоке, с известной правильностью может развиваться, собственно, лишь то, что подходит для аграрной организации, для социального организма, основанного преимущественно на обработке земли, на земледельческом хозяйстве. И так мы видим определённую взаимопринадлежность аграрной жизни и теократического элемента. Мы видим, однако, что это играет роль во всех социальных формах позднейшего времени. Если мы должны согласиться, что теократическое проявляется дальше в социальных формах вплоть до нашего времени, то мы должны также сказать себе: Вследствие того, что на передний план выступили другие отрасли человеческой деятельности, они пришли в конфликт, поскольку в сельском хозяйстве, в соответствии с существом земледелия, теократическое, собственно, хочет продолжаться всё дальше и дальше. Эта взаимопринадлежность существует. И хотелось бы сказать - в этой взаимопринадлежности - появляется трещина, когда с другой стороны приобретают значение другие человеческие деятельности. В этой связи можно

указать на нечто такое, что для таких дел можно рассматривать как всемирно-исторический барометр. Я рекомендую Вам изучить как-нибудь парламентские отчёты Австрии, приблизительно, за семидесятые годы прошлого столетия, изучите как там в парламенте сидели люди, у которых было чувство: С сельским хозяйством находится во внутренней связи тот старый порядок, который, ведь, имеет свои корни в теократии и юриспруденции, а теперь впервые едва слышно чувствуется то, что позже стало великим течением, едва слышно чувствуется проникновение западного, ну, конечно, и местного продукта; но весь образ мыслей и социальный порядок, из которого он идёт, построен на другой отрасли хозяйства, построен на индустриализме. Хотя это высказывается лишь в виде едва слышных указаний в разных парламентских речах, именно здесь, где стекается столь многое и столь многое можно изучать, можно узнать то, что может внести ясность в великую мировую перспективу. Как я отметил, это можно изучать в отчётах за семидесятые годы, так как то, что развивается там на Западе, есть нечто такое, к чему теократический образ мыслей применим меньше, чем к любой другой отрасли хозяйства. Это индустриализм, который, разумеется, не охватывает земледелия, но само земледелие затем улавливается в социальные формы, которые вполне напоминают то, что сначала вышло в индустриалистском мышлении. И это индустриалистское мышление есть то, что сегодня всё ещё не принимается в своей основе, как бы ни развивались его технические творения, которые принимаются в соответствующих социальных образованиях. Так как если мы с одной стороны видим, что существует взаимопринадлежность между теократическим образом мыслей с его патриархальной сущностью и аграрной системой, если мы можем видеть, что, напр., в Германии до настоящего времени невозможно настоящее примирение между аграрным мышлением и индустриальным мышлением на том основании, которое также заключается в указанном, если мы, следовательно, видим взаимопринадлежность, то с другой стороны мы видим, как всё то, что составляет торговлю, в сущности, опять-таки имеет свою взаимопринадлежность с государственно-юридическим. Поэтому на древнем Востоке торговля была чем-то вроде придатка к патриархальному управлению человеческими делами. И торговля в той форме, которая сегодня имеет для нас социальное значение, развилась собственно, с юридическим элементом; потому что то, что должно разыгрываться в торговле между человеком и человеком, развивается в особенности в юридическом элементе. Поскольку она развивалась на Востоке, предварительно играли роль именно определённые заповеди, превращенные в юридические, но рассматриваемые совершенно как божественные. Торговля, однако, впервые приобрела свою социальную форму в человеческом течении, которое затем является государственно-юридическим. Итак мы можем сказать, что областью хозяйственной жизни, которая преимущественно оказывается соответствующей государственным образованиям, основывающимся на праве и правовом мышлении, является коммерческая часть хозяйства. Но с индустриальной частью в новое время, правда, также связан государственно-юридический элемент - потому что в целом человеке всё должно быть взаимосвязано, так что, идя всё дальше и дальше на Запад, мы снова находим,

что человек, конечно, имеет личное отношение к частностям, что он его развивает преимущественно в индустриальном и в том, что с ним связано. Мы видим, что он привносит коммерческие отношения; так как сегодня в социальных формах жизни дело обстоит именно так, что, собственно, предприятие мыслится так, как оно коммерчески участвует в социальном порядке. Предприниматель видит, собственно, своё собственное предприятие установленным в коммерческую связь, так что и в этом отношении второе, среднее течение воздействует для Запада в хозяйственной жизни. В других современных социальных формах мы гораздо больше видим, как этот юридически-государственный элемент воздействует из тех подоснов, которые оказываются человеческими для широких народных масс. Именно как сопутствующие явления современной технической жизни возникли всевозможные социальные организации. Стоит вспомнить только о профессиональных союзах. Но сущность таких профессиональных союзов ощущают только тогда, когда говорят себе: их создали хозяйственные отношения. Однако тот, кто жизненно рассматривает эти вещи, знает: Хотя они и созданы из хозяйственных отношений - подумайте лишь о профсоюзах металлистов, печатников и т.д. - род и способ, как люди живут в них, как они голосуют, как они рассматривают вещи и обсуждают, он парламентарно — государственно-юридический, управленческий, он то, что происходит из второго течения, которое я сегодня обсуждал; тогда как третье со своими собственными идеями находится лишь в начале и ещё должно заимствовать свои социальные шаблоны у тех, которые стары. И так мы видим, что в нашей современности рядом друг с другом находятся три главных социальных образования, которые в общем в сильнейшей мере дифференцируются, но они находятся рядом друг с другом так, что хотелось бы сказать - история живёт развёрнутой в пространстве. И вживаясь в какое-нибудь из социальных образований, в какое-нибудь хозяйственное объединение, в какое-нибудь государственное объединение или в жизнь религиозной общины, из-за того, что ни одно не находится без соприкосновения с другими, мы, собственно, везде вживаемся в совместное существование того, что в истории возникало одно за другим, но было раздвинуто в пространстве и сегодня хочет быть понято, потому что сегодня наступило время, когда человечество на более высокой ступени должно снова достигнуть той наивности, которая соединена с полным сознанием, той наивности, из которой творили первоначально. И однако как некогда примитивная хозяйственная и государственная жизнь была правильно влита в теократическую форму, как в более поздний век развилась двойственность, от древних времён был перенят религиозный элемент и дальше развивалось государственно-юридическое с вчленённой в него хозяйственной жизнью, так сегодня хозяйственная жизнь идёт к самостоятельному формированию, соответственно таким живым человеческим идеям, которые снова могут действовать формирующе, как действовали формирующе, как живые импульсы ещё греко-римские правовые формы и восточно-религиозные импульсы. Но так как сегодня эти три человеческие течения разделились, мы должны суметь рассматривать их в их самостоятельности, должны суметь рассматривать социальные формы с духовной стороны, которая прежде всего

является единственно деятельной, должны рассматривать их с юридической стороны, которая стала определяющей в средневековье, должны рассматривать их с хозяйственной стороны, для которой также нужно искать духовную сторону.

Это должно быть лишь одним рассмотрением основ социальных форм в нашей современности. Оно должно указать на то, что нам необходимо для того, чтобы понять эти социальные формы, с действительным пониманием войти в рассмотрение той мировой перспективы, на которую я сегодня указал в начале лекции. Но для этого, ведь, нужны будут живые мысли; и то, что эти живые мысли нужны, это может проистекать для развиваемых здесь рассматриваний с одной стороны именно из социальной потребности, которую эти рассматривания уже имеют; но это проистекает также из рассматриваний непосредственной жизни современности. Везде стремятся к тому, чтобы прежде всего пронизать хозяйственную жизнь соответствующими ей идейными импульсами. И в этом отношении совершенно особенно заинтересованы образованные люди Запада.

В чрезвычайно важной статье, написанной в Англии как раз за год до жестокой войны, один значительный англичанин указал на то, как основательно отличен английский образ мышления от немецкого, таким образом, как я указал в начале сегодняшнего рассмотрения. Но он указал также на ещё нечто другое; его поразило, что среди говорящего по-немецки средневропейского населения всегда жила мысль, а он говорит о мыслях, всё же как об элементе в человеческой душе, интимнейшим образом указывающим на великие человеческие и мировые загадки, так что посредством культур, которые выращивают мысли, как немецкая, именно всё снова наталкиваются на глубочайшие мировые и человеческие загадки. Но теперь идёт второе положение этого западноевропейца, что такие культуры всегда указывают на эти великие человеческие загадки, хотя - говорит он - и понимая тщетность в отношении возможности их решения. Так вот, можно с полным правом говорить о тщетности относительно их решения, если бы можно было указывать только на те мысли, которые, собственно, произошли путём абстракции ещё из юридически — логического, которое, даже возносясь как мысль к высочайшему, всё же остаётся родом мёртвой мысли. Но кто имеет представление о том, что в наше время в человеческой душе может возникнуть место рождения живых мыслей, тот может быть будет говорить не об окончательном решении, а о пути, который может вести к тому, что всегда возникающие перед нами социальные вопросы мы всегда и можем решить для соответствующего времени; так что, вероятно, дело всё же обстоит так, что после того, как мышление однажды занялось социальными формами в развитии человечества, нельзя говорить о том, что теперь социальные вопросы могут быть решены раз и навсегда, но что под влиянием импульсов развития, которые должны порождаться из современности в будущее, должно возникать и размышление о социальных формах, так что можно сказать: Правда, речь может быть не о решениях, но о таком живом человеческом мышлении, которое сначала сознательным образом увидит цели и сознательным образом пойдёт по пути к решению социальных загадок бытия.

Вена - 9.VI.1922.
Время и его социальные недостатки.
(Азия - Европа).

Многоуважаемые присутствующие! Если в настоящее время речь идёт о социальных недостатках и социальных нуждах времени, то вряд ли найдётся кто-нибудь, кому нечего сказать действительно значительного из его особого жизненного положения. Сегодня, однако, моей задачей здесь не должно быть развёртывание чего-то вроде списка всего того, чего нужно было бы достичь посредством обзора отдельных нужд нашего времени; скорее моей задачей должно быть указание на некоторые корни, из которых происходит то, что с полным основанием представлено с различнейших сторон и привело большую часть человечества в крайне пессимистическое настроение и безнадёжность.

К сильнейшим высказываниям об этой безнадёжности может быть принадлежит высказывание человека, от которого его, пожалуй, меньше всего можно было бы ждать, и которое кроме того происходит из времени, когда такое высказывание должно быть чем-то поразительным. Выдающийся историк искусства Герман Гримм, который не переживал жесточайшей из всех войн, который умер ещё при смене девятнадцатого и двадцатого столетий, в одном из своих последних произведений сделал такое замечательное высказывание: Если обозреть то, что сегодня выступает в жизни народов, если посмотреть - хотелось бы сказать - глазами души на то, как разные народы цивилизованной Земли противостоят друг другу, как они враждуют друг с другом, как в них находятся зародыши дальнейшей вражды, то можно было бы, собственно, назначить день всеобщего самоубийства; так как не видно, куда должны завести все эти вещи, которые приводят людей и народы к вражде, к ссорам и борьбе, кроме абсолютной гибели цивилизации. Я говорю Поразительно это высказывание как раз от Германа Гримма, именно потому, что для себя он имел радостное мировоззрение, потому что всю свою жизнь он направлял взор на всё то, что может поднимать человечество, что, собственно, живёт в человечестве как творческое, как продуктивное. И далее поразительно то, что он сделал это высказывание не под влиянием каких-нибудь мрачных впечатлений, которые можно было получить в течение лет, предшествовавших вспышке мировой войны или во время неё, а что он сделал это высказывание именно ещё целиком из духа девятнадцатого столетия в конце этого столетия. Хотелось бы сказать: Всё то, что произошло с тех пор, кажется совершенно неподходящим для того, чтобы убавить хоть что-нибудь из того, что, собственно, чувствовал автор такого изречения, делая его.

И всё-таки задача человека не может заключаться в том, чтобы оставаться перед голой безнадёжностью, задачей должны быть поиски того, что может привести к обновлению, к восстановлению, к утренней заре. Но тогда необходимо искать более глубокие корни того, что постепенно завело нас в европейской цивилизации в такое чрезвычайно тяжёлое положение. И если полагают, что это могут быть только хозяйственные основания, то всё равно главную причину и хозяйственного упадка придётся искать в духовной жизни

новой цивилизации.

Уже в лекциях последних дней я часто указывал, что на наше современное душевное настроение, а также на всё то, что мы в настоящее время можем усвоить из душевных сил, оказывают влияние исторические силы, для понимания которых нужно возвращаться далеко назад в историю человечества. И в особенности вчера я обратил внимание на то, что в начале современной западной духовной жизни, рассматриваемой исторически, известным образом стояла личность, которая - хотелось бы сказать - одним глазом ещё взирала на Азию, другим, однако, уже направляла взор на перспективы Европы. Я подразумеваю Платона.

Когда мы даём на себя воздействовать платоновским социальным воззрениям, то во многих отношениях они кажутся нашему современному сознанию чрезвычайно чуждыми. Мы видим, что Платон видел идеал социального организма в том, чтобы определённое сообщество было создано даже ценой развития человеческих индивидуальностей, которые некогда нашли путь в земную жизнь. Платон считает вполне возможным, чтобы кажущихся неспособными к жизни детей просто выбрасывать, чтобы они не находили места в человеческом обществе и тем самым не могли мешать социальному организму. Платон, однако, находил возможным также рассматривать в качестве своего идеала такой социальный организм, в котором, собственно, полноправное положение занимала только одна определённая человеческая каста. Помимо того, что рабство ему казалось чем-то само собой разумеющимся, он однако хотел и тем, которые обеспечивали торговлю и сообщение, уделить лишь преходящее место в своём социальном организме. Всех тех, следовательно, которые не принадлежали к почве благодаря тому, что они - по его воззрению - с полным правом родились на почве данного социального организма, он, собственно, не включал полностью в этот социальный организм. И многое другое нужно было бы сказать, если бы возник вопрос: Как относится платоновский идеал к отдельным человеческим индивидуальностям? Тогда из современного сознания нужно было бы сказать: Имеется, собственно, ещё мало понимания этой человеческой индивидуальности. Взор ещё полностью направлен на социальное сообщество, которое рассматривается известным образом как первое. А человек, который в нём должен жить, рассматривается лишь как нечто второстепенное, и его жизнь признаётся чем-то оправданным лишь постольку, поскольку он может подчиниться установленному вне его существа социальному идеалу.

Многоуважаемые присутствующие, если мы хотим найти, где, собственно, находятся корни того, что привело Платона к мысли о таком обществе, то мы опять должны искать в Азии, в восточной культуре, и тогда нам, собственно, может открыться в духовном отношении, что в сущности и исторически духовная жизнь Европы развивалась как маленький полуостров, принадлежащий большому континенту.

Но если мы именно с социальной точки зрения взглянем на Азию, то найдём, что в Азии идея общества везде представляет первое, первичное, и что Платон просто перенял эту идею общества с Востока. Чтобы социально осветить всю мировую ситуацию, к тому, что с различнейших точек зрения здесь уже было

сказано для характеристики этой идеи общества, нужно добавить ещё одно.

Если мы смотрим на основной характер восточной духовной жизни, то должны сказать: Она, собственно, распространяется на человечество, которое было устроено совершенно иначе, чем европейское человечество более поздней цивилизации. Во многих отношениях мы можем даже сказать, что относительно многого душевного и духовного в Азии господствовала высокая культура, к которой многие европейцы даже сейчас опять стремятся. Я уже указывал на изречение, которое так часто приводят: свет приходит с Востока; однако, многоуважаемые присутствующие, это иное человеческое существо прежде всего не имело того, что является как раз характерным для европейского населения с тех пор, как оно работает над цивилизацией в земном развитии. То, что мы видим в Азии, есть приглушённое чувство «я», это ещё совершенно в подосновах души покоящееся чувство личности. Чувство личности, каким его имеет европеец, в Азии выступает ещё не таким же образом. Если, напротив, человеку, который ещё не имеет чувства личности, известным образом привить высокую азиатскую культуру - и он пригоден к включению в человеческое общество - то участвует в нём сновидчески, без чувства личности. Нужно сказать: В то время, когда человеческая индивидуальность ещё не пришла к своему полному развитию, человеческие сообщества были более восприимчивы, более одарены для высокой культуры, чем отдельный человек. Для принятия этой культуры человеческие способности в социальном сожительстве не только суммировались, но известным образом умножались. Но то, что в Восточной цивилизации рассматривалось как особый идеал, это вылилось, всё больше и больше переходя в Европу и из европейских душ нашло простую формулировку в аполлоновском изречении: **П о з н а й с а м о г о с е б я!** Всю древнюю Азию в известном отношении можно рассматривать так, как если бы её развитие имело тенденцию некогда в Греции в качестве последнего смысла восточного безличного культурного развития выставить положение: Познай самого себя, которое с тех пор вообще жило над человечеством в виде духовного и культурного девиза как ориентирующая сила. Но и на Востоке мы видим, как именно для высшего образования человека считалось желательным в известном смысле всё же прийти к своему «я». С духовной точки зрения я на это уже указывал, характеризуя культуру йоги; с социальной точки зрения это выступает перед нами когда мы указываем на то, что на Востоке было повсюду принято относительно социального руководства человеческими массами. Мы везде находим, что тот, кто был учителем, вождём, в духовном отношении в то же время был жрецом, но также и целителем. На Востоке мы находим интимную связь между всем тем, к чему вообще стремилось человечество как к познанию, как к высшей духовной жизни, и лечением. Для древней Восточной культуры врача нельзя отделить от учителя человечества, от жреца. Это конечно в известном отношении связано с тем, что Восточной культурой глубоко владело ощущение общей человеческой вины как таковой, которое вносило нечто болезненное во всё человеческое развитие, так что сам процесс познания, вообще стремление к высшей духовности рассматривалось так, что оно должно каким-то образом исцелить просто природой данного человека. Воспитание к высшему духовному развитию

было в то же время исцелением, потому что данного природой, следовательно не воспитанного человека рассматривали как то, что, собственно, должно быть исцелено. С этим далее связана древняя восточная культура мистерий.

Восточная культура мистерий в учреждениях, которые - хотелось бы сказать - в одно и то же время были церковью, школой и исходной точкой для социальных импульсов, искала развития отдельных людей к высшей духовности. Она искала этого так, что - как я уже указывал в предшествующих лекциях - религия, искусство и наука содержались в одном. Совершая отправления культа, человек был религиозным. При этом дело меньше касалось того, что жило в душе как представления веры, а того, чтобы отдельные люди принимали участие в социально - упорядоченном культе; так что связь человека с божественным искалась преимущественно в жертвоприношении, в отправлении культа. Тогда, однако, и в отправлении культа и в том, к чему отправление культа примыкало, содержалось художественное. В переживании этого художественного и религиозного была дана древняя форма познания. Однако человек, который должен был быть приведён к этой внутренне единой трояственности религии, искусства и науки, должен был не только воспринять нечто такое, что было в известной мере прямым прогрессом его развития, но должен был испытать полное преобразование как человека, своего рода возрождение. Мероприятия, через которые должен был пройти такой ученик высшей духовной жизни, описываются так, что он со своим сознанием в самом деле проходил через нечто вроде смерти, то есть, что он переживал нечто, что делало его чуждым жизни в обычном мире, как смерть делает человека чуждым этой жизни. Затем, когда он известным образом в своём внутреннем переживании оставил всё, принадлежащее к земной жизни, после прохождения через смерть он должен был пережить духовный мир в полном человеческом возрождении. Это древняя религиозная культовая форма катарсиса, очищения человека. В прежнем человеке должен был родиться новый; то, что человек может пережить в мире, так что это встряхивает в нём страсти, эмоции, так что это вызывает в нём влечения, вожелания, страсти, так что это поднимает его к представлениям, принадлежащим этому миру, всё это в культуре мистерий он должен был пережить так, что это в то же время преодолевалось и он выходил очищенным от этих переживаний. Только тогда ему, этому возрождённому человеку, доверяли оказывать какое-нибудь социальное воздействие на своих сограждан. И правильно уже также внешняя учёность нашего времени указывает на то, что сохранившиеся остатки этой культуры имели огромное значение для социальной жизни, что импульсы, которые возвышали тех, кто проходил такую культуру в очень тайно сохранявшихся местах, оказывали мыслимо наибольшее влияние на внешнюю жизнь общества. Как сказано, это не только утверждение духовной науки, это нечто такое, к чему сегодня приходит также внешняя учёность. Вам стоит только почитать Вильямовица. Находят, что в Восточной культуре, собственно, искали своего рода оздоровления человека в познании и во всём стремлении к духовному образованию.

То, что жило на Востоке, в другой форме перешло в Грецию и тем самым в Европу и продолжало действовать в Европе в той мере, в какой вообще

действовала греческая культура в позднейшей духовной и цивилизационной жизни Европы. Я хотел бы указать на нечто такое, на что обычно не указывают, а именно, что при рассмотрении греческой трагедии, из которой для духовной жизни Запада исходило бесконечно много художественного, Аристотель дал характеристику, которая обычно принимается слишком внешне. Всё снова приводится известное положение, в котором Аристотель говорит, что трагедия, трагедийное представление существует для того, чтобы вызывать страх и сострадание, с тем, чтобы посредством возбуждения этих и других аффектов наступало очищение, катарсис от этих аффектов. Аристотель, следовательно, указал при этом на нечто художественное, на то, что должно было происходить благодаря трагедии. Подходя к интерпретации аристотелевского изречения вооружённым не внешней филологией, а тем, что даёт рассмотрение восточной духовной жизни, будучи вооружённым таким знанием дальше лежащих корней, можно прийти к тому, чтобы под тем, что Аристотель подразумевает под состраданием, пережить нечто более широкое, чем понимают сегодня. Приходят к пониманию, что он, собственно, подразумевал, что посредством трагедии человек, зритель, приводится к тому, чтобы своей душевной жизнью войти в то, что переживает другой человек в страданиях, муках, а также в радостях, так что зритель известным образом выходит из узкого ограничения, в котором он находится в данном природой состоянии, и что благодаря созерцанию чужих страданий, потому что человек живёт тогда, хотя и сравнительно, вне своей телесной жизни, у зрителя вызывается страх, который наступает всегда, когда человек стоит перед чем-либо, каким-то образом выводящим его из себя, приводящим его в своего рода бессилие, одышку. Можно, следовательно, сказать: Аристотель, собственно, подразумевал, что при виде трагедии человек приходит к миру ощущений, выводящему его из себя, что этим он приводится в ужас и что наступает очищение, катарсис, так что он научается переносить то, что как данная природой личность он не может переносить, что благодаря очищению он становится более сильным в отношении сопереживания чужого страдания, чужой радости, и что он не будет приведён в ужас, когда он таким образом должен выйти из себя и вступить в социальную жизнь. В то время как Аристотель приписывает трагедии такое призвание, совершенно ясно заметно, что он, собственно, указывает на то, что в трагедии в то же время дано своего рода воспитание человека к усилению чувства личности, к усилению внутренней душевной уверенности.

Я очень хорошо знаю, что такое замешивание художественного в социальную жизнь, на многих сегодня производит впечатление, будто этим искусству хотят нанести ущерб, прибавить искусству какую-то побочную цель; но только это возражение часто делается из некоторого филистерства, потому что думают: Если искусство включается во всю человеческую жизнь, во всё то, что человеческая душа вообще может проделывать, то это включение искусства в жизнь голой пользы. У греков это не было таким включением в жизнь голой пользы, а было включением в цельную человеческую жизнь, в жизнь, которая поднимала человека также над самим собой, а не только опускала ниже себя, в голую пользу.

Если смотрят немного выше того, что свойственно только нашему времени,

выше голой пользы, то смогут понять именно значительное греческого воззрения на искусство, а именно, что одновременно с художественным трагедии грек видел в ней нечто такое, что приводило человека к самому себе, что должно было из грёз в мире, из полусознания о мире всё больше и больше приводить человека к полному сознанию о самом себе. И можно сказать: В социальном отношении трагедия вполне должна была приносить нечто к великому требованию: Человек, познай самого себя!

Если мы, однако, от этого расширения художественного в социальное снова возвратимся к рассмотрению положения отдельного человека в социальной жизни, если из этого рассмотрения мы ещё раз оглянемся на Восток, то и в мистериях мы найдём, что, собственно, то, к чему стремились в исцелении, в возрождении человека к высшему человеку, обозначает усиление чувства «я». К возрождению человека посредством мистерий к «я» стремились именно из сознания, что общее душевное настроение тогда не жило в чувстве «я», что такое настроение должно быть ещё приобретено. Так, собственно, для этой древней социальной цивилизации переживание «я» было чем-то таким, что должно быть ещё приобретено. Одну из социальных задач видели в том, чтобы привести отдельных людей к рождению этого чувства «я», так чтобы они затем могли стать вождями своих сограждан в социальном отношении. Только если это понятно, станет понятно также и то, что в платоновском идеальном государстве ещё живёт сильное чувство общности и что в нём, собственно, лишь тот имеет право полностью раскрывать свою индивидуальность, кто делает это благодаря возрождению, которое должно быть достигнуто посредством доступной тогда приобретению мудрости, так что, следовательно, у человечества тогда ещё отсутствует сознание того, что нужно в полнейшем смысле считаться с индивидуальностью.

То, что выросло из такой социальной жизни Азии, перешло затем в Европу, амальгамировалось христианством, вошло в средневековье и продолжало в нём жить даже очень долго; но оно продолжало жить таким образом, что люди в народных массах, влившихся больше с севера и из Средней Европы в эту теперь южную, но унаследованную из Азии культуру, принесли с собой уже сильное от природы чувство. Перед этими народами стояла великая историческая задача внести то, что восточным людям было дано ещё при приглушённом чувстве «я», теперь уже в полное самосознание, в полное чувство «я». В блестящей культуре греков "Познай самого себя!" было ещё человеческим познавательным и социальным идеалом; народы, вступившие в средневековье с севера, принесли это чувство «я» как организацию своего человеческого существа; им оно было дано естественно. Они те, кто, даже живя в союзах, тем не менее везде стремились к тому, чтобы привить своему «я» то, что они воспринимали в познавательном, в социальном отношении. Тем самым, однако, в истории так сильно проявилось противоречие между жизнью общества и жизнью индивидуальности. Оно выступило лишь в ходе истории, именно - хотелось бы сказать - под воздействием человеческих установлений.

Многоуважаемые присутствующие, в то время, как чувство «я» таким образом вступило в человеческое развитие, оно должно было соединиться с чем-то

другим, с чем оно имеет совершенно органическую связь. Если мы ещё раз оглянемся на то, что имела восточно-греческая культура ещё и в платоновском духе, то для нашего сегодняшнего ощущения мы должны будем очень сильно воспринять то, что вся эта культура и цивилизация, собственно, построена на рабстве, на несвободе больших масс людей. О значении рабства в древние времена многое говорилось с различнейших точек зрения. И если надлежащим образом оценить то, что было сказано, то естественно, в нём найдётся очень много значительного; но то, что прежде всего ещё имеет значение для нашей сегодняшней жизни, это именно то, о чём я сказал, что оно мало принималось во внимание. Так как для жизни общества, а также для той социальной жизни, которая происходила из мистерий, для которой грек ещё считал своё искусство импульсом развития, ещё совсем не было открыто полное значение человеческого труда в социальном порядке. Поэтому, говоря об идеальном образе человека, должны были каким-то образом исключать этот человеческий труд. Характеризуя человека, как он несёт в себе своё достоинство, как он благодаря своему достоинству трудом выбивается в люди, характеризуют нечто такое, что, собственно, строилось над человеческой массой, совершавшей труд, которая должна была - хотелось бы сказать - переживать, конечно утончённо, свою индивидуальность, не имея иного социального организма, кроме того, который был придатком к развившемуся в человечестве, не воспринявшем труд в своё существо, рассматривавшем его поэтому как нечто данное природой, поэтому также и человека, совершавшего труд, как нечто данное природой. Человеческое существо известным образом начиналось там, где уже совершался труд. Человек на более высокой ступени, в более высоком душевном смысле переживал то, что выражается в животном. У животного то, что является пищей, что вне его принадлежит социальному порядку, дано природой. Животное не считает; оно совершает то, что делает, из внутреннего своего существа; но какая-либо ориентация труда для животного не необходима. Само собой разумеется, когда существуют кажущиеся исключения, то именно их следует рассматривать таким образом, что они, собственно, подтверждают общее правило. Поэтому мы можем сказать, что в то время, как Восточная культура перешла в Европу и всё больше погружалась в то, что было требованием «я» - индивидуальности, она в то же время погрузилась в необходимость включить в социальный порядок человеческий труд. Когда индивидуальность человека вполне пробуждена, попросту невозможно исключать труд из социального порядка.

Это, однако, было великой социальной проблемой, которой, собственно, ещё не существовало в Греции, из-за которой в Риме разгорались бесчисленные битвы; так как инстинктивно ощущали, что только путём включения труда в социальный порядок человек может полностью раскрывать свою индивидуальность. Тем самым, однако, весь социальный строй человечества принял другой вид. В цивилизованной Европе он имеет другое лицо по сравнению с цивилизованной Азией. Только взглянув на развитие индивидуальности в Европе, мы поймём кое-что из того, что опять-таки справедливо часто подчёркивают, характеризуя откуда, собственно, приходят социальные бедствия в наше время. Да, тогда справедливо указывают на то, что

специфическая культура социального порядка в наше время, собственно, только имеет своё начало с приходом современной техники и разделения труда. Указывают также на то, что напр., такая вещь, как современный капитализм, также есть не что иное, как результат разделения труда. Чрезвычайно важно то, что учения новой западной цивилизации указывают в этом отношении для характеристики разделения труда и его последствий в социальных бедствиях нашего времени. Но когда говорят что-либо подобное — правда, говорят односторонне, то непредвзятый наблюдатель должен всё же взглянуть, скажем, на древний Египет, на древнюю Вавилонию и указать на то, что напр., в древней Вавилонии, также в древнем Египте существовали города громадных размеров, что то, что там производилось, также могло производиться только при разделении труда. Точно так же, как вчера я мог указать на то, что уже в одиннадцатом столетии в Китае существовал род социализма, но что дело не в том, чтобы смотреть на такую внешнюю форму, так же теперь нужно указать на то, что разделение труда, которое справедливо считается в новое время основным злом в социальных бедствиях, что оно однако также существовало в прежние эпохи человеческого развития, что под его влиянием как раз были возможны восточные социальные порядки, что затем эти социальные порядки ещё оказали свои воздействия на Европу. В Европе, однако, после того, как такое разделение труда сначала было меньшим, оно позже разрослось. Хотелось бы сказать: Само разделение труда есть повторение чего-то такого, что существовало в более ранние эпохи; но в восточных культурах оно существовало под знаком ещё не проснувшегося «я» (Ichheit), тогда как современное разделение труда, наступившее благодаря технике, касается человечества, которое теперь хочет полностью раскрыть своё я, так что опять одно и то же в разные века обозначает нечто совершенно разное. Поэтому для восточного социального порядка было целью вырастить людей из социальной связанности, из жизни общества, которое было первичным, первым. Человек, если он хотел продвинуться к высшей духовной жизни, должен был именно найти своё «я» (Ichheit). Европейский человек более позднего времени имеет это (я) и должен теперь вчленил его в социальный порядок. Он должен идти по прямо противоположному пути по сравнению с тем, по которому шли на Востоке. В Европе мы везде находим следы того, как трудно стало человеку установить себя со своим «я» в социальный порядок, установить в социальный порядок то, чем является его «я» (Ichheit), тогда как некогда этот социальный порядок, ведь, был таким, что человек как раз хотел спасти - хотелось бы сказать - из него своё «я» (Ichheit). Эта трудность может выступить ещё сегодня как основное социальное зло во всех подробностях.

Когда несколько лет назад я часто должен был выступать с лекциями и перед рабочими, то выявлялось многое из того, что можно было назвать: в человеческих душах жила эта трудность вчленения «я» в общность социального порядка. Человек не может найти путь от сильно развитого чувства "я" в социальный порядок. И когда всё снова и снова стараются, напр., именно пролетарскому населению показать, каким должен быть этот путь, что он должен быть иным, чем те пути, на которые сегодня часто указывают социалистические

или коммунистические агитаторы, то можно видеть, что при последующих дискуссиях выступают совершенно странные взгляды. Они могли бы показаться тривиальными, но тривиальное становится больше не тривиальным, когда оно становится движущим мотором бесчисленных людей в их жизни.

Так однажды я попробовал говорить о социальных вопросах в одном обществе рабочих. Встал один человек и тотчас представился как сапожник. Само собой разумеется может быть совершенно особенно приятно слышать от такого человека, что он думает; однако хотелось бы сказать: в этом случае то, чего он не мог думать, было гораздо важнее того, что он думал. Так как сначала он разъяснил, в очень сильную противоположность ко мне, как он мыслит себе социальный порядок, затем он ещё раз обратил внимание на то, что он простой сапожник, что следовательно, в набросанном им социальном порядке не может быть никаких чиновников, как он подчеркнул. Но на заднем плане его объяснений стояло, что он, во всяком случае мог бы быть министром. Это показывает недостаток ориентации, когда стоит вопрос: Как должно усилившееся в духовной жизни «я» установить себя в социальном порядке?

И дальше на одном рабочем собрании - я привожу примеры: число их можно увеличивать до бесконечности - некто сказал: Да, мы совсем не стремимся, например, к тому, чтобы стать старшими, совсем не стремимся занять руководящее положение на фабрике, мы хотим оставаться тем, что мы есть, простыми рабочими, но как таковые мы хотим иметь своё полное право. Следовательно, каким бы односторонним ни было такое высказывание, в сущности, нет никакого интереса к социальному строю как таковому, а только к тому, чем является особенно сильно развитое «я». Я очень хорошо знаю, что многие люди сегодня из своего сознания не согласятся, что именно этот разлад между переживанием «я» и социальным порядком является корнем многих, да почти всех наших социальных бедствий и недостатков. Во тот, кто смотрит на жизнь открытыми глазами, всё же должен будет сказать себе: Мы пришли именно только к тому, чтобы развить чувство «я», но не можем связать его с действительным пониманием самого человека. Мы говорим себе «я»; но мы не умеем применить это «я» к вполне постигнутому и вполне волящему человеческому существу.

Это снова можно испытать, когда выступают такие поистине из современности сформированные воззрения о том, что нужно считать необходимым для оздоровления людей из духовнонаучных подоснов. Одна личность, полностью участвующая в современной педагогической жизни, сказала мне однажды при посещении Вальдорфской школы нечто весьма примечательное. Саму эту личность я водил по школе, обратил внимание на наши методы преподавания, на социальное значение наших методов преподавания, обратил внимание именно на то, что при таких здоровых методах преподавания духовное, душевное воспитание должно соединяться с телесным. Я обратил внимание на то, что тот, кто хочет воспитывать и учить, прежде всего должен знать, как то или иное действует на силы подъёма или упадка человеческой организации, человеческой телесности. Я обратил внимание на то,

что определённые упражнения памяти или пренебрежение ими проявляются в более позднем возрасте в телесных явлениях, что простым лечением душевной жизни можно постепенно привести к улучшению телесные недуги, обратил внимание на то, что учитель обязательно должен до известной степени обозревать связь физической природы с душевной и духовной в здоровом и больном состоянии человека. И тогда мне было отвечено, что в таком случае учитель должен быть врачом. Да, до известной степени нужно, собственно, стремиться, чтобы это могло быть так. Ибо если мы посмотрим на наш социальный порядок и трудность включать в него «я», то снова вспомним о том, что я сегодня уже оценивал для двух культурных территорий, для Востока, для которого врач был одновременно учителем и вождем народа, и для Греции, где я указывал на то, что искусство в известном смысле оказывало воспитательное влияние. Искусство врача вообще было связано с каждым духовным стремлением потому что тогда человека рассматривали, хотя и с инстинктивным пониманием, как целое в телесном, душевном и духовном отношении, и потому что в оздоровлении, к которому стремились для души, хотели дать действовать силам, дававшим затем вообще познания для оздоровления человека. Дело представляли себе примерно так: Говорили себе: Приводя человека к истинной духовности, я должен, собственно, его исцелить. Тогда я должен, конечно, в более нормальной жизни, применить силы, которые являются силами оздоровления. Если я целиком и полностью понимаю эти силы, если я могу проследить их вплоть до их последних следствий, то такое познание изображает мне то, что я применяю, когда человек болен. При рассмотрении здорового человека я познаю силы, которые я должен применять, когда передо мной больной человек. У больного человека существует лишь более сильное отклонение его организации в ту или иную сторону, которое однако проявляется уже и в нормальной жизни. Если я знаю, как оздоровить нормального человека, то знаю также, как лечить больного; если я знаю, какой напиток, какая эссенция приносит мне то или иное из связей с природой, если я знаю, как познавательным образом действует то, чем является природный продукт, то я знаю также, как он подействует на больного человека, если я применю его сильнее. Мы опять имеем как духовный фильтр то, что искали на древнем Востоке в интимной общине как врачебное искусство, и как воспитание, и как развитие к духовности вообще, что вообще играло большую роль, и мы снова имеем это в более или менее духовном фильтре именно в греческой жизни искусства. Там дело было в том, что нужно было посредством искусства сделать душу здоровой, и когда подходили к делу с такими познаниями, то в употреблении слова катарсис для трагедии могли ещё чувствовать, что это указывает на нечто родственное, потому что то же самое слово употреблялось в древних мистериях для полного очищения человека к новой жизни. Но мы укажем также на то, что ещё у древнегреческих врачей познание и медицина были совершенно сёстрами, принадлежали друг другу, и что поднятым больше в духовное, в воспитании, но также в общей народной культуре видели нечто такое, что имело родство с медициной, что известным образом поднялось из медицины. Мы должны взирать на такие явления отжившего времени, если хотим приобрести верную внутреннюю душевную

силу, чтобы снова также в наше время, глядя на социальные порядки, смотреть так, чтобы видеть целого человека, и встречая своих современников, не только развивать сильное чувство «я», но уметь связывать его с чувствованием целого человека из тела, души и духа. Если благодаря духовнонаучному развитию мы способны к этому, тогда именно через душевное настроение, которое при этом возникает, находятся пути установления целого человека, а также всех людей в социальный порядок, то есть завоевания труда для социального порядка в том смысле, как без этого полагается историческим развитием как необходимость. Но это и есть то, чем мы до сегодняшнего дня боеем, правильным образом включать труд в социальный порядок.

Конечно часто в труде видят то, что затем переходит в продукт труда, некоторым образом кристаллизуется в нём и, собственно, даёт продукту труда его стоимость; тот, кто смотрит точнее, заметит, однако, что дело не в одном только том, что человек вообще работает, что он, следовательно, отдаёт силы своего физического организма социальному порядку, но существенным при образовании цен и стоимостей является то, как труд может включаться во всю социальную жизнь. Вполне мыслимо, чтобы человек совершал такой труд, который в сущности неэкономно включён в социальный порядок. Человек может быть прилежным, может также считать, что имеет право на вознаграждение своего труда; но если его труд включён в неудовлетворительный социальный организм, то часто труд не приносит пользы, а вредит. И с такой точки зрения нужно смотреть на многое, что участвует в социальном организме как, собственно, бесполезный, хотя и напряжённый труд. Посмотрим только, как ужасающе много вливается в нашу литературу, что должно быть напечатано, для чего затрачивается громадный труд на изготовление бумаги, печатание и т.д. и что затем за исключением небольшого остатка перерабатывается как макулатура. Затрачивается труд, который полностью - хотелось бы сказать - пускается на ветер. А если подумать, что во время убийственной войны последних лет громадный труд пущен на ветер, то постепенно станет понятно, что труд как таковой не может претендовать на непосредственную стоимость, но что труд приобретает свою стоимость благодаря тому, как он участвует в социальной жизни. Но наше время больше всего болеет тем, что у него нет основного социального понимания того, как соответствующим образом включить труд в социальный организм, чтобы всё то, что человек делает, он действительно делал для своих сограждан. Этого, однако, мы сначала должны добиться тем, что научимся действительно включаться со своим «я» в человеческое общество. Только благодаря тому, что мы приобретём верное понимание одного человека другим, так что то, что является потребностью другого человека, станет в то же время нашим собственным переживанием, так что мы своим «я» будем вживаться в «я» других людей, найдём мы путь к тем новым социальным обществам, которые не будут даны природой, а должны быть найдены из «я» человека. Но все решительно наши социальные требования возникают из «я». Человек чувствует, чего ему не хватает в социальном порядке; но то, что мы должны найти, есть опять-таки понимание того, что в действительности значит человеческое существование в отношении тела, души и духа. Только это, в

сущности, должно будет, собственно, смочь породить из «я» социальный порядок. Великая битва, которая разыгрывается в разделении труда, и иные способы, какими эти битвы когда-либо разыгрывались под влиянием человеческого «я», есть то, что как основной корень живёт во всех наших социальных недостатках. Мы основываем сегодня производственные общества, мы вступаем в них так, что решающим для нас является не то, что обозначает такое общество в социальном организме, а так, что прежде всего - понятным образом - решающим является наше «я». Здесь совсем не следует школьным или иным образом кричать о человеческом эгоизме. Нужно понять, то, что известным образом оправдано; так как если бы мы не имели этого чувства, то не пришли бы к человеческой свободе и достоинству. Только благодаря тому, что мы достигли этого чувства «я», мог быть проделан большой духовный прогресс. Но это чувство «я» должно найти пути к сочувствию. Сегодня много говорят о необходимости снова преодолеть индивидуализм. Дело не может заключаться в этом, а в том, чтобы найти общество в самом человеке.

Восточный человек должен был в обществе найти человека. Мы должны в человеке найти общество. Это мы сможем только когда мы во всех направлениях расширим душевную жизнь. Поэтому в одной из своих драм-мистерий я попытался изобразить сцену, в которой показано, как человек проникает к внутреннему переживанию, заключающемуся в том, чтобы пережить в самом себе дифференциацию на человечество. Там во вне существует дифференциация людей; в социальном порядке мы должны быть дифференцированы, каждый должен иметь свою профессию; внутри, однако, если мы найдём правильные мосты от человека к человеку, мы можем пережить всё то, что во вне дифференцировано, социальный мир, можем пережить в себе каждую отдельную профессию. Если этот социальный порядок входит в наше внутреннее, если мы находим возможность пережить в себе самих социальную действительность, то мы сможем пройти тот обратный путь от «я» к социальному порядку. Тем самым, однако, даётся то, что всё - сегодня мы можем указать на труд; в следующие дни мы увидим: также на капитал - что всё, связанное с отдельным человеком, может вчлениваться в человеческое общество. Мы чувствуем необходимость в товариществах, в образовании синдикатов, в образовании трестов, в профессиональных союзах, везде мы чувствуем необходимость найти путь от "я" к общественности. Но именно в том заключается великая битва современности, чтобы то, что живёт в нашем окружении, действительно могло пустить корни и в нас.

Было время - и на это уже указывалось, не столь уж отдалённое - стоит вернуться, примерно, к тринадцатому столетию - когда человек был связан с продуктом своего труда, когда каждый ключ, каждый замок, который изготавливали, доставлял радость, потому что в него вкладывали нечто от своего существа. Тогда продукту ещё напечатлевалось то, что было наследием старого социального порядка. Жили в социальном порядке ещё без вполне пробуждённого «я». С тех пор это «я» в технике пришло к полной высоте и силе. Сегодня человек, в сущности, часто чрезвычайно чуждо противостоит продукту своего труда, даже когда он работает в духовном. То, что мы совершаем

во внешнем мире, должно было бы глубоко корениться в нас самих, мочь связываться с нашим «я»! Но это будет так только если мы именно так разовьём во всех направлениях душевную жизнь, как здесь было описано в последние дни; потому что если мы так разовьём душевную жизнь, то снова будет возбуждён интерес ко всему сущему вокруг нас. Можно найти очень много людей чисто интеллектуалистического века, которые находят неинтересной как раз свою профессию, пожалуй, она стала такой. Должно снова прийти время, когда каждая частность жизни станет интересной. Если прежде она была интересной благодаря тому, чем она была как объект, то для будущего она сможет стать интересной когда при каждой частности, которую мы можем выполнить, мы будем знать, как она вляется в социальный порядок человечества. Если прежде мы смотрели на продукт, то теперь мы смотрим на нуждающихся в продуктах труда людей. Тогда как прежде любили продукт, то именно в развитой душе сможет проявиться человеческая любовь и человеческое братство, так что человек сможет знать, почему он стоит на своём посту. Это однако есть то, что, в сущности, должно сначала пустить корни в душе, прежде чем придут к взаимопониманию относительно отдельных социальных недостатков нашего времени. С этой точки зрения необходимо также обозреть, как Европа всё ещё ведёт свою битву за «я» человечества против того, что всё ещё излучается из духовной культуры Азии и что исходит из совсем других подоснов, чем имеются сегодня, из подоснов, коренящихся в человеческих душах, ещё не пробудившихся к полному «я». Так современность не только живёт между индивидуальностью и обществом в абстрактных понятиях, как часто бывает, но и как нечто такое, что пронизывает, пропитывает человеческую душу, что делает сегодня каждого отдельного человека бойцом за своё «я». Мы как раз ещё на пути, собственно, только в начале, к нахождению отношения человеческого «я» к социальному обществу. И из этого вытекают недостатки времени, которые мне поэтому не нужно приводить в особом списке. Поняв эту психологическую основу, эту духовную подпочву, увидят в правильном свете многое из того, что сегодня выступает в социальном порядке как требования, как бедствия, как зло. Мы должны иметь мужество пробиться к этому правильному свету. Только тогда будет видно, оправдан ли пессимизм, как его в самой радикальной форме выражения привёл Герман Гримм, правильно ли говорить, что в нашей европейской цивилизации остались лишь силы упадка и можно быть только пессимистичным, нужно даже установить день общего самоубийства. Да, вопрос в том, всё ли то, что Европе нужно было победить из азиатских особенностей, уже побеждено, чтобы затем, после того, как Европа найдёт саму себя, она могла с середины мирового развития достигнуть также взаимопонимания с Востоком; это нужно рассматривать с такой точки зрения, должны ли мы смотреть на нечто такое, что имел в виду Герман Гримм, или же можно думать также о том, что всё же из развития того, что дремлет в душе, человечество имеет возможность определить день, когда наступит признание того, что нам может предстоять не смерть этой европейской цивилизации, а её новое рождение. Возможно ли это и насколько, должно быть по крайней мере в общих чертах охарактеризовано в следующих лекциях.

Вена - 10.VI.1922.
Время и его социальные надежды.
(Европа — Америка)

Многоуважаемые присутствующие! Кто хочет сегодня открыть в социальном порядке силы, которые оправдывают надежды, тот должен искать в ещё скрытом. Социальные бедствия и недостатки очевидны, надежды, особенно оправданные надежды, менее очевидны. Конечно, есть люди, предающиеся большим или малым иллюзиям, которые и от великих сегодняшних трудностей ищут рецепт исцеления в том или ином, которые придумывают всевозможные социальные устройства, в которых человечество, или по крайней мере часть человечества могла бы жить лучше, чем до сих пор.

Но я думаю, многоуважаемые присутствующие, что сегодня фактически, если можно так выразиться, наша смышлённость, наша всеобщая смышлённость так прогрессирует, что сравнительно легко из так называемых разумных оснований придумать какую-нибудь социальную систему. И уже сегодня можно узнать об очень многих социальных системах различнейших партийных оттенков, не находя их, собственно, чем-нибудь плохими, и всё же не ожидая от них многого. Во всяком случае тот, кто воспринимает сегодняшний социальный порядок не просто со стороны того, что относительно него можно придумать, а с точки зрения познания человека, может говорить, собственно, лишь о том, что социальные надежды могут появиться только если человек снова сможет приблизиться - хотелось бы сказать - к человеку в себе. Дело прежде всего поистине больше не в придумывании учреждений, а в возможности найти человека, чтобы вместе с ним можно было находиться в социальных учреждениях. И затем придётся даже согласиться, что когда таким образом можно будет найти человека в социальном порядке или также в сегодняшнем социальном хаосе, то те или иные внешние учреждения смогут служить одной и той же цели; потому что это уж так, что в социальном отношении человек может преуспевать разнообразнейшим образом, значит при разнообразнейших по устройству социальных учреждениях. Сегодня дело именно в людях, а не в одних учреждениях. Поэтому также как раз в тех кругах, в которых ещё больше ощущают социальный вопрос, чем думают о нём, вызвало известное удовлетворение то, что я в своей "Сущности социального вопроса" указал не просто на то, что, например, то или иное может быть устроено иначе, а на то, что многое сегодня зависит от того, чтобы тот, кто, напр., должен руководить предприятием, был в состоянии сам или через помощников всем своим существом вступать в человеческую массу, которая работает на этом предприятии, чтобы приблизиться к ней, во-первых, посредством того, чтобы на каком бы то ни было предприятии действительно по-человечески обсуждать с теми, кто участвует в предприятии, всё то, что там происходит, от закупки, от приобретения сырья до доставки готового продукта на рынок и вплоть до того, как он переходит в потребление. Когда весь этот путь ориентированным на

человеческое, всё снова и снова обсуждают с теми, кто участвует в предприятии, только тогда закладывают основание, чтобы мочь на этом основании строить то, что ещё сегодня в социальном отношении желательно и достижение чего оправдано. Но недостаточно ещё говорить таким образом с людьми профессионально, необходимо ещё кое-что другое. И что тогда необходимо для того, чтобы снова можно было иметь социальные надежды, именно об этом я и хотел бы сегодня говорить.

Уже с давних пор распространено мнение, что человек, руководящий в социальном отношении, прежде всего должен искать путь к широкой массе. Хотелось бы сказать: Устремления в этом направлении существовали уже в течении всего девятнадцатого столетия. И когда социальный вопрос становился всё более и более жгучим, то можно было заметить, что тот или иной месяцами трудился на фабриках как рабочий, чтобы узнать жизнь рабочих. Были надворные советники, которые, после того, как уже перешли на пенсию, следовательно уже, собственно закончили свою социальную работу, отправлялись в среду рабочих и бывали тогда удивлены тем, как это в действительности выглядит в отношении народа. Короче, издавна существуют стремления узнать человека широких масс, в частности и пролетария. И можно уже сказать: Значительное, большое сделано в этом направлении нашей литературой, нашим искусством. Само собой разумеется следует полностью признать то, что литература, живопись и другие искусства дали в отношении изображения, подчас трогательного изображения того, что растёт среди широких масс; но только для больших вопросов современности дело всё же не в том, чтобы руководящие люди знали то, что живёт среди пролетариев или других широких масс — сегодня, в сущности, мало что зависит от того, что и художественно изнутри описывают, как живут широкие массы, как, например, их мучат бедствия, мучат заботы, к чему они стремятся, каковы их идеи, цели и т.д. Хотелось бы сказать: Дело не столько в том, чтобы мы нашли путь к пониманию широких масс, сколько в том, чтобы найти возможность быть понятыми этими широкими массами, чтобы войти на фабрику, на каждое предприятие и суметь говорить так, чтобы нас ощутили не академически, не как образованных, не теоретически, а чтобы нас ощутили как людей, ощутили что нам есть что сказать такого, что действительно говорит душе. Многоуважаемые присутствующие, издавна в ходу прекрасные стремления, всевозможные высшие народные школы, учреждения народного образования и т.д., что великолепно выглядит; но то, что там преподаётся народу, хотя и интересует некоторое время благодаря удивительному, содержащемуся во многих научных результатах, оно вызывает сенсацию, если мы, например, сопровождаем его показом цветных диапозитивов или если мы идём с людьми в зверинец и тому подобное, но не следует предаваться никаким иллюзиям по поводу того, что это действительно не говорит душам что это не трогает сердца. Говорить душам, трогать сердца, это мы можем только если нам есть что сказать о том, как человек установлен в бытии в целом. Конечно, на это руководящие сегодня личности имеют ещё совершенно странные взгляды. Они полагают, что принадлежащие к широким народным массам не интересуются ведь - как они это называют — напр., философскими вопросами. 0

нет, если только найти правильный язык, в который это должно быть отлито, то зажигаются и глаза, раскрываются сердца; если, напр., исходить из совершенно простых научных фактов, а затем суметь так истолковать эти факты, что, наконец, из рассмотрения возникает человеческое существо и человеческое назначение и благодаря тому, что людям показано: вещи хорошо обоснованы, а с другой стороны показано: Это не расщеплённое знание которое самое большее может интересовать в часы досуга, а нечто такое, что человек может воспринять в свою душу, так что имеет пищу для души, - если это удаётся, то только тогда кладётся начало созданию доверия между так называемым народом и руководящими личностями. Сегодня Вы можете говорить с партийной точки зрения, сегодня Вы можете как-либо приносить народу понятия капитализма, труда, прибавочной стоимости и тому подобного; народ постепенно усвоит эти понятия; тогда Вы можете говорить партийно, но этой партийной речью Вы не побудите людей войти в такие социальные формы, в которых они действительно принимали бы участие всем своим человеческим существом, сотрудничать, чтобы возникало то, на что нужно надеяться, если должны победить не силы упадка, а силы подъёма.

Многоуважаемые присутствующие, если только есть воля к таким вещам, то можно воспринять то, что, собственно, господствует там, где сегодня ещё находятся препятствия и затруднения. Я сам годами был учителем в рабочей образовательной школе. Я должен был представлять там различнейшие отрасли преподавания. Я никогда не подчинялся какой бы то ни было партийной догме; но я никогда также не находил препятствий в понимании как раз со стороны пролетариев, напр., излагая историю так, что везде просвечивало, что история не есть нечто такое, что можно охватить воззрениями исторического материализма, а нечто такое, в чём действуют духовные силы и духовные импульсы. И мне удавалось даже вызвать определённое понимание того, почему, напр., Маркс, в то время очень хорошо известный в кругах моих слушателей, пришёл к воззрению, которое обозначают как "исторический материализм" и которое именно утверждает, что всё духовное представляет лишь проявление механического, хозяйственного и т.д. Мне удавалось сделать людям понятным, что это произошло потому, что в самом деле в исторической жизни примерно, с шестнадцатого столетия всё больше и больше выступали силы, благодаря которым хозяйственная жизнь становилась столь задающей тон, столь решающей, что фактически искусство, наука и т.д. казались - в известном отношении даже были - результатами хозяйственной жизни, механической жизни. И так как Маркс знал только новую историю, он пришёл к своей ошибке. Я, однако, не хочу принимать сторону того или иного, а хочу только указать на то, что даже это понятно. Этого рода наставление народа сделало невозможным не отсутствие доверия слушателей, а то, что в один прекрасный день обычные вожди заметили: там учат не партийно-догматически, там учат так, что поистине то, о чём даётся понятие, выводится из человеческого; и им, этим обычным вождям, стало страшно, что число слушателей всё больше и больше увеличивается; и в один прекрасный день посланец этих вожаков явился на собрание, созванное для того, чтобы исследовать, гожусь ли я в учителя рабочей образовательной школы. Появился один из вождей рабочих, и когда я сделал

замечание: Да, чтобы в этом кругу имел силу принцип прогресса, здесь всё же должна господствовать по крайней мере полная свобода преподавания. Тогда этот посланец сказал: Свобода, этого мы не признаём! Мы признаём только разумное принуждение. И вот, именно из этого взгляда исходило тогда моё исключение из коллегии учителей той рабочей образовательной школы. Но для меня самого это было действительно важной наукой, не исключение в конце, а предшествующее пребывание с широкими народными массами, которые можно найти как раз в современном пролетариате, важной потому, что можно было видеть: Если только говорить из полной человечности (Menschentum), если говорить так, что слушатели имеют впечатление: нам говорят нечто такое, что проникает до самого сердца, что имеет отношение к нашему человеческому существу, что имеет отношение к человечности (Menschentum) нас как земных существ, то они рассматривают это исходящее из мировоззрения мышление как важнейшее из того, что сегодня может к ним обращаться. Существует чувство того, что прежде всего в массы должно прийти просвещение, теперь не в партийном, а в общечеловеческом духе. Люди - более или менее бессознательно - жаждут того, что исходит из действительно широкого мировоззрения. И как может быть иначе, многоуважаемые присутствующие!

Ведь, мы видим, что широкие народные массы сегодня так приставлены к своему труду, что он, собственно, не может их интересовать. Они выполняют этот труд так, как будто перед ними нечто, не имеющее никакого отношения к их человечности (Menschentum). Поэтому также объединения, товарищества, профессиональные союзы, к которым в этих кругах есть склонность, таковы, что они? Правда? делятся по профессиям - существуют профессиональные союзы металлистов, печатников и т.д., но? в сущности? имеют чрезвычайно мало общего с этим моментом производства, больше всего общего с тем, что в области материальной жизни является общечеловеческим, это потребление, удовлетворение человеческих потребностей. Относительно производства человечество должно прийти к определению, но в отношении потребления совсем не в такой же степени. И так большая часть современного человечества, стоит сегодня перед трудом, который совершенно возвращает человека к самому себе. То, чем является его окружение, не может его интересовать; его не может интересовать то, что он делает с утра до вечера, если ему не преподносят это так, что он может иметь интерес; прежде всего - поэтому с этого нужно начинать - его интересует то, что ему представляется тогда, когда он наедине с самим собой находится за работой, когда он может рассматривать единственно только то, чем он является как человек. И мы должны сказать: Если мы смотрим на социальный хаос наших дней, то мы достаточно ясно находим, что многие люди, также и с руководящим положением вырваны из того, чем является непосредственный интерес, чем является связь с тем, что они делают. Не может быть также открытой тайной, а чем-то известным в широчайших кругах, то, что сегодня даже многие, имеющие духовную профессию, собственно? имеют к ней так мало интереса, что лишь тогда, когда они отошли от своей профессии, они вынуждены были интересоваться просто собой как людьми. Но из этого следует, что необходимо, чтобы сегодня людям приносили человеческое, если хотят

обосновать социальные надежды.

По отношению к рассудочной культуре мы сделали чрезвычайно много. Мы можем сегодня указать на то, что всё создал человеческий ум, и конечно, можно узнать чрезвычайно много, когда людям преподносят человеческие достижения в этой области, в науке и искусстве и т.д., но дело не может быть в этом, дело в том, чтобы быть сегодня в состоянии распространять не только рассудочное образование, чтобы обосновать социальные формы, но чтобы быть в состоянии согреть людей, воодушевить людей, воодушевить не с помощью больших и возвышенных слов, не красотой речи, но тем, что имеют сказать нечто такое, от чего человек чувствует и ощущает: Это касается моей человечности. Многоуважаемые присутствующие, если, однако, мы сегодня подходим к человеку с мировоззрением, если мы заимствуем это мировоззрение из того, что сегодня популярно, что сегодня может быть получено как признанное также из наших выдающихся, грандиозных наук, тотчас убеждаются, что этим невозможно действительно затронуть сердце человека, дать человеку нечто такое, что касается его человечности. Человек всегда будет ощущать как нечто внешнее то, что ему можно дать обычным образом, и он будет ощущать это прежде всего так, что когда он высказывается доверительно - потому что его доверие завоевали другими качествами, - то говорит: Да, всё это может быть прекрасно; но, во-первых, нам это совершенно непонятно; так как в этом участвует столь многое, для чего нужна специальная предварительная подготовка, что нам это непонятно, а затем это для нас недостаточно просто; это нечто такое, что говорит нам: Ты не можешь это преодолеть. Я слышал, как многие люди говорили так о том, чем сегодня являются высшие народные школы, народные библиотеки и тому подобное. Но если ищут на основе того опыта, как входят в социальную жизнь, то должны как раз глубже искать, в чём собственно дело. И здесь я снова вынужден - хотелось бы сказать - как эпизод включить кое-что мировоззренческое.

Если - как мы часто делали в эти дни - мы взглянем на азиатско-восточные культуры, от которых так много наследий существует вплоть до наших школ, даже до наших средних и высших школ, то мы найдём, что, конечно, на вершинах образования там имеется нечто такое, что ещё и сегодня должно иметь для нас несказанную ценность; но то, что является характерным, это то, что было некогда найдено в этой области из познаний мира, из мировоззрений, что было, ведь, постигнуто человеческим духом, тем, что затем в дальнейшем развитии стало интеллектом, о котором я говорил в эти дни как об особой силе нового времени. Наш особенно сильно развитый интеллект нового времени есть, в сущности, именно позднейший продукт развития того, что на Востоке было сновидческим ясновидением. Это сновидческое ясновидение отбросило то, что было взглядом на внешний мир, и развилось до нашего внутреннего логического порядка, до того, что сегодня стало великим средством достижения познания природы. И в том, что сегодня в Европе мы имеем как средство для мировоззрения, мы должны, в сущности, узнать наследие Востока. Многоуважаемые присутствующие, не только средневековые схоластики говорили ещё так, что в формах их слов, понятий и идей содержалось то из сил

души, что перешло с Востока, но и мы также - хотя мы это и отрицаем - вплоть до химии и физики говорим словами, которыми мы не говорили бы, если бы наше образование вплоть до высших школ не было, в сущности, результатом того, что перешло с Востока. Но в то время, как то, что было древним ясновидением, стало интеллектом, оно в виде другой ветви выпустило из себя то, что часто становится решающим для мировоззрения широких народных масс, воззрения, которые сегодня в Европе, собственно, большей частью уже вымерли, которые были искоренены из нового образования в народных школах, которые существуют лишь в виде остатков, остатков именно у необразованных классов. В то время, как с одной стороны интеллект развился до удивительных высот, развился гораздо больше, чем показывает сегодняшняя история души, на народной основе возникло то, что известные субъективные переживания просто произвольно проектировали в пространство; развилось то, что хотя и прислало разнообразнейшие формы, но всё же может быть названо простыми словами - суеверие о привидениях. Это суеверие о привидениях, состоящее в том, что субъективные переживания объективно перемещаются в пространство и время, играло в ходе исторического развития гораздо большую роль, чем сегодня думают. И хотя сегодня каждый полуобразованный признаёт веру в привидения суеверием, всё же часто в нас ещё атавистически живут чувства, развившиеся под влиянием этого суеверия о привидениях. И поскольку мы и в этом отношении являемся наследниками восточной культуры, мы часто работаем в искусстве и в других отраслях жизни по крайней мере с чувствами, возникшими из этого течения развития человечества.

Кто теперь посмотрит точнее, что восходит - хотелось бы сказать - из глубины социального человечества в настоящее время, кто может посмотреть на того человека, который сформировался в новое время именно благодаря технике, машинам, кто может заглянуть в его сердце, в его душевный склад, тот видит, что, в сущности, в этом человеке, не прошедшем через то, что нам сегодня прежде всего делает ценным интеллект, среднее и высшее образование, что в этом человеке всё же нет внутреннего, действительного, не фразёрского интереса ко всему тому, что может возникнуть в интеллекте, а есть нечто совсем другое. Хотелось бы сказать - здесь проявляется элементарное, восходящее из глубин, движущееся вверх в нашем социальном порядке, что сегодня в Европе ещё понимают в наименьшей мере, потому что оно является чем-то новым, и когда его понимают, оно может показать, как нужно подходить к широкой массе с мировоззренческим. Тот, кто сегодня, не будучи как-либо связанным - а таковы сегодня многочисленные человеческие массы как раз из класса, который я только что описал - кто сегодня, не будучи связанным с тем, что является наследием Востока, врастает в человечество и так возвращён к самому себе, как пролетарий, а также как многие люди высших сословий, у того не интеллект в первую очередь вступает в круг его интереса, у того это прежде всего в о л я, то, что из воли пробивается в душу, что идёт из самого человека. Поэтому также, так как это было замечено совершенно внешне, сегодня существует определённое стремление рассматривать человека как волевое существо. И многие считают, что именно широким массам они могут говорить мировоззренчески только тогда,

когда они касаются прежде всего волевого в человеке. Из этого стремления вырастает то, что так часто находят, что широким массам так изображают первобытную культуру, в которой человек является инстинктивным существом. Пролетарию представляют, как в те первобытные времена человек жил в простых условиях, и хотят затем извлекать выводы о том, каким социальный порядок должен быть сегодня. Именно сегодня в народном образовании много времени посвящается тому, что изображают эти примитивные, инстинктивные человеческие отношения, и много другого есть такого, что указывает вот на что: существует определённый инстинкт ставить перед человечеством волевое, когда дело заключается в том, чтобы защищать перед людьми мировоззрение. Но хотя сегодня такие изображения человек принимает из известной потребности в сенсации, он чувствует также в своём собственном существе, не проникшем до высшего образования, что-то родственное этому инстинктивному в человеческой природе. Желая согреть людей, не опустошать их души, подойти к целому человеку, с этим всё же не справляются, и нужно быть в какой-то мере полным человеком, чтобы ответить на вопрос: Почему всё же не справляются? Так вот потому, что именно находясь на высоте науки, усваивая себе то, что сегодня научно признано, именно благодаря этому развивают нечто такое, что, хотя как таковое и не признано, тем не менее является современным суеверием. И точно так же, как образованный человек более позднего времени научился ощущать старые суеверия о призраках как суеверия, так же широкие массы человечества сегодня ощущают известным образом как бы пророчески, как бы смотря в будущее, в качестве рода суеверия то, что мы преподносим как идеи, понятия и представления об этих примитивных условиях в человеческой природе. Ибо что мы тогда преподносим? Мы преподносим будто первоначально над человечеством господствовала инстинктивная жизнь. Это нечто совсем тёмное, управляющее в бессознательных областях, которое не хотят определить точнее, жизнь влечений, в которую светят инстинкты, находимые также в животном, в которую светит то, что является там как все неспрошенное в проявлениях воли и ощущениях человека. Короче, указывают на нечто такое, что управляет в человеке как природное существо. Сегодня часто считают идеалом представлять человека так, чтобы то, что находится в человеческом внутреннем, изображать по возможности как материальные процессы, только поднятые в неопределённые представления жизни влечений, инстинктов и т.д. Вспомним, однако, многоуважаемые присутствующие, о том, что в эти дни мною было здесь развито о внутреннем человеческой природы. Я показал, что духовнонаучные упражнения и развитие приводят человека к тому, чтобы действительно заглянуть в своё внутреннее; он приходит тогда к тому, чтобы рассматривать свой внутренний организм не как современный физиолог или анатом, а так, как могут быть внутренне пережиты вещи в этом организме. Если благодаря этому пробивается зеркало памяти, то смотрят на лёгкие, на сердце и т.д. как на то, что является внешним проявлением духовного, и притом такого духовного, которое я мог представить как мировое воспоминание, связанное с великим Космосом.

Предчувствовать это может как раз человек, который сегодня своим трудом возвращён к самому себе. Но везде он должен жаждать достигнуть понимания

этого. Однако мы лишь тогда достигаем понимания этого, когда понимаем, что мы, собственно, делаем, когда мы понимаем в его духовно-душевном существе то, что в нас живёт как духовное, как душевное, которое не является нашим собственным, не принадлежит к нашей человеческой личности, а является заливом - хотелось бы сказать, - который Космос посылает в нас как людей. Человек может сегодня познать человека только если он, заглядывая в себя, приходит также к основной сущности своего телесного как духовно-душевного. Но если мы это знаем, то знаем также, что когда мы говорим о влечениях, инстинктах, обо всём том, о чем сегодня так охотно говорят, это является чем-то таким, что мы так же выставляем по отношению к истинной внутренней природе, как некогда суеверие выставляло привидения по отношению к внешней природе. Да, когда мы говорим о влечениях, об инстинктах и тому подобном в человеке, то это - хотелось бы сказать - лишь затемнённое нашим воззрением душевное. Когда мы говорим об истинной человеческой природе, мы не должны видеть призраки жизни влечений, страстей и тому подобное, а должны смотреть сквозь это на истину, мы должны так сказать реально - призрачное в нашем внутреннем, которое изображают все определения влечений, вождлений, страстей, воли и тому подобного, преодолеть так же, как мы преодолели привидения относительно внешнего порядка природы. При привидениях мы переносили во внешнюю природу то, что возникало в нас, субъективное проецировали в объективное. Здесь то, что в своей объективности имеет духовно-душевную природу, мы выставляем таким, как будто оно материально; наши влечения и инстинкты в определениях, как они давались, являются материализованными, переложенными во внутреннее человека привидениями, находящимися перед истиной духовно-душевного. Это нечто такое, что сегодня мало понимают как фактическое состояние познания, что однако чувствуют, если мы сегодня хотим с действительным познанием человека подойти к тому человеку, который предчувствует из глубины своего бессознательного - а в этих глубинах бессознательного известным образом находится духовно-душевное: Вы не должны подходить ко мне с материальными призраками; Вы должны сказать мне нечто о том, как человек сращен с Космосом.

Многоуважаемые присутствующие! Хотелось бы сказать: Если сегодня имеют социальное чувство, то это внутреннее чувство ликует, когда происходит что-нибудь такое, как со мной несколько недель назад, когда я читал лекции рабочим. Сначала задача состояла в том, чтобы говорить о понятиях политической экономии; но я всё время устраивал дело так, что предоставлял людям самим давать темы, что в начале лекции предоставлял вручать или говорить мне тему, так что то, что должно было быть им передано как знание, собственно, целиком извлекалось из сознания людей. И видите ли, случилось так, что один из рабочих вынул выпуск "Три", нашего журнала "Три" и сказал, что он прочитал в нём одну мою статью и не совсем понял там, какой, собственно, была планета, предшествовавшая Земле, которая затем перешла во тьму и из которой затем возникла Земля; и я мог тогда начать прямолинейные простые действительно духовнонаучные объяснения этим рабочим, и можно было видеть: в то время как тогда, когда говорят сухо, в абстрактных понятиях, они ощущают примерно: Это

не даёт нам ничего особенного!, их глаза загораются, когда говорят о таких вещах, потому что они чувствуют: Здесь нечто, чем их душа может питаться так, как их тело питается принимаемой пищей, как их глаза загораются, когда им дают нечто такое, что захватывает всего человека, сердце и душу, что не является просто идеей о мире, но мировоззрением в том смысле, что в этом мировоззрении действительно есть жизнь, чтобы мочь возбудить душу, даже тогда, когда рабочий приходит непосредственно от машины.

И я думаю, многоуважаемые присутствующие, что такое социальное действие должно предшествовать всем другим, прежде чем мы сможем прийти к тому, чтобы как-нибудь склонить людей - а их нужно склонить - к тому, чтобы иметь соответствующие ему социальные формы. Сколько это будет продолжаться, будет зависеть от доброй воли людей. Я знаю, что многие люди говорят: Да, значит ты указываешь нам на нечто такое, что сможет осуществиться лишь за четыре-пять столетий. На это я всегда отвечаю: Совершенно верно, если слишком немногие будут этого желать, но во всех этих вещах дело не в том, чтобы вычислять, сколько может продолжаться, пока люди придут к таким социальным формам, а в том, чтобы оставить эти расчёты и предоставить предмету войти в волю. Если эта воля будет у достаточно большого числа людей, то мы можем надеяться, что в совсем не слишком длительное время сможет быть достигнуто то, что по интеллектуалистическим представлениям может продолжаться столетия. Ничто не мешает прийти к таким социальным формам больше, чем та нерешительность, которая происходит от таких подсчётов. Стоит только прежде всего совсем не беспокоиться о том, что даёт подсчёт в интеллектуалистическом духе, а искать подхода к людям, как увидят, что мировоззрение, которое не ставит перед душой материализованные привидения, а раскрывает связь человека с Космосом, найдёт очень быстрое признание. Сегодня понимание таково, что когда с таким мировоззрением подходят к тем, кто призван судить о нём, они сравнивают его с тем, что уже имеют, и приходят к выводу, что это несведущее, дилетантское и т.д. и т.д.; или имеет место другое: Часто, когда сегодня приходится говорить об этих вещах, которые ведь действительно так затрагивают внутреннее человека, что одухотворяют влечения, инстинкты и тому подобное, то бывают вынуждены облекать это в употребительные сегодня научные формы; иначе эти вещи сразу отклоняются. Если же делается так, то опять-таки говорят: Ты говоришь языком, не предназначенным для народа. Это - то известно. Поэтому также, говоря для тех, кто выставляет требования научного образования, это облекают в совершенно другие свои идеи. Получается, однако, совершенно то же самое. Именно тогда видно, что человек, интеллект которого не направлен сначала в определённые русла тем или иным предшествующим интеллектуальным образованием, это понимает. Конечно, сначала нужно преодолеть время, в которое за это оказываются выброшенными из образовательных школ для рабочих теми, кто считает себя призванными вождями широких масс народа.

Так вот, следовательно, я должен указать Вам на то, что уже благодаря свойствам широкой массы людей сегодня должно существовать такое мировоззрение, как *антропософски ориентированная духовная наука*; ибо только из такого мировоззрения, которое, говоря о человеке,

действительно может говорить о духовном, может пробиваться надежда на то, что найдут социальное понимание. И тогда от этого социального понимания с понимающими друг друга людьми можно идти дальше. Тогда может быть надежда. Эта надежда для нас - хотелось бы сказать - в Средней Европе чрезвычайно близка. В Средней Европе лучшие люди на протяжении всего XIX столетия искали такой метод воспитания, с помощью которого ребёнка можно было бы так сказать схватить за его волю. Уже предчувствовали, что современный человек должен быть схвачен в его воле; это конечно не понимали так ясно, как может понять представленное здесь мировоззрение; но это предчувствовали. Поэтому старались найти те интеллектуалистические меры, найти методы, с помощью которых на пути представления можно подойти к воле детей, можно уловить ребёнка с его мыслительными силами в воле. И было сделано очень много хорошего именно в Средней Европе из немецкого духа - это полностью признают на Западе, по крайней мере признавали до войны. В Англии постоянно указывали на то, что в Средней Европе старались уловить волю окольным путём через педагогические методы, и это такими умами пересаживалось в Англию. Это постоянно признавалось и описывалось. Но если мы пойдём ещё дальше на Запад, в Америку, то найдём, что там из духовно-географических условий развилась определённая форма примитивного - хотелось бы сказать; я, однако, никого не хочу оскорбить - примитивного мировоззрения, которое, однако, несёт в себе замечательные зародыши будущего. Мы находим, напр., что именно в Америке образованные люди, подытоживая то, что они думают о человеке, говорят: Да, что человек интеллектуалистически измышляет, зависит от того, к какой партии он приведён обстоятельствами, в какой секте он находится; однако, воспроизводя так мнение своей секты, своего сословия, своей партии, он хотя и использует свой интеллект, но то, из чего это пробивается, есть не интеллект, а воля. И всё снова мы видим именно в американской литературе указания на волю человека, как на первичную сущность. Именно американцы охотно цитируют сегодня тех писателей, которые говорят: Интеллект сегодня не что иное, как министр государства, а господин - воля, хотя этот интеллект и является дорогим министром, как сказал Карлайл.

Это не теоретически сконструированное воззрение, это воззрение, которое именно у образованных американцев перешло в плоть и кровь людей. Так же говорят там и физиологи. И тот, у кого есть уши для таких вещей ощущает очень отчётливое различие между речью физиологов в Европе и речью физиологов в Америке. Там люди совершенно ясно говорят о том, что в зависимости от того, как человек участвует в мире, построен его мозг. Они полагают, что мозг есть механизм, который вплоть до своих центров речи зависит от того, как человек двигается, как он продвигается в мире и т.д., так что эти люди видят в раскрытии воли в мире первичное в человеке, а во всём том, что производит мозг, служебное, что в сущности не имеет большого отношения к индивидуальности человека. Эти люди говорят: Если ты хочешь узнать индивидуальность человека, то смотри на его волю; смотри как развилась его воля в детстве из его семьи, из секты, из партии и т.д.! А затем на то, как он создал себе интеллект, который - это сказал один американец - имеет не на много больше общего с его существом, чем

лошадь, которую используют для верховой езды, со всадником.

Так вот, многоуважаемые присутствующие, несмотря на то, что восточный элемент по наследству дошёл и до Америки, там - хотелось бы сказать - непосредственно из образования возшло то, что мы находим в подосновах человеческого бытия в Европе. И хотелось бы сказать: наша собственная Америка есть инстинктивно данное указание человека на волю. Америка в Европе есть в сущности ставшее бессознательным указание на волю, следовательно на многочисленный класс людей в Европе. Это, однако, также создаёт почву там, где Европа действительно должна найти взаимопонимание с Америкой, если должно наступить всемирное социальное взаимопонимание.

И в самом деле мы находим, что многое из того, что так развили американцы, представляет собой даже примитивное начало тех упражнений, которые приводят человека к духовному видению. Так оказывается, что американцы всё снова и снова рекламируют, что главное - это самоограничение, самодисциплинирование, самовоспитание; что дело не в том, чтобы чему-нибудь научиться, а в том, чтобы насадить что-нибудь своей воле путём постоянного повторения одного и того же упражнения. Они знают, какое значение имеет повторение представлений, ритмическое повторение, как это тогда захватывает волю, это воздействие на собственный центр человека. Замечательные формы встречаются в этом сознательном указании на то, что для современного человека должно представлять, собственно, наивнутреннейшее ядро человеческого существа. И именно из такого понимания сможет развиваться также признание того, что через рассмотрение воли должны прийти к духовно-душевному человека. Возникает перспектива мировоззрения, которое, хотя сегодня пролетарий ещё должен быть материалистичным, всё же сможет быть таким, как здесь представлено и как - хотелось бы сказать - может быть найдено из самих социальных условий как раз через взаимопонимание Европы с Америкой. Именно в Средней Европе благороднейшие умы старались найти то интеллектуальное содержание, которое может захватить душу, волевою природу детей; педагоги Средней Европы в девятнадцатом столетии хотели изобрести искусство из интеллекта завоевать волю; но оставалось абстрактное мышление, которое именно ещё не продвинулось до живых мыслей. Оставались ещё в восточном мире, в восточном наследии и из древнего восточного наследия хотели схватить волю. Затем пришла большая человеческая масса, которая сделала волю действенной везде. И сегодня мы живём в такое время, которое контрастирует с тем, что некогда существовало для поддержания социального порядка. Хотя и не будучи реакционно настроенным, нужно всё же знать, что во времена, когда человек, даже если он был князем, всё же находился под влиянием той же проповеди, что и последний местный крестьянин, тот, кто говорил из духовной жизни, говорил для всех и мог сказать нечто такое, что захватывало всех. Совершенно очевидная картина того, как дух спланировал социальные порядки, именно для прежних времён определённо показывало, что это пришло с Востока, что это постигалось головой и лишь затем погружалось в сердце. Теперь установилось нечто, исходящее из воли. Мы должны снова найти возможность мировоззренчески говорить из духа, захватывающего всех, от самого необразованного до самого образованного;

только так можем мы вместе работать, вместе думать, вместе ощущать, вместе желать, обосновать социальные надежды современности на будущее. Но это получится когда смогут достигнуть взаимопонимания между новыми зародышами в Европе, как они описаны в эти дни, и тем, что возникает в Америке - хотелось бы сказать - даже на высшей ступени культуры для образованных вообще. Взаимопонимание, рассчитанное на то, чтобы перейти на Запад, создаст почву для понимания внутреннего духовного развития, западного духовного развития. И, многоуважаемые присутствующие, когда мы как западные люди покажем, что мы в состоянии развить духовное из того, что мы внутренне постигаем в самих себе, когда мы сможем противопоставить европейско-американский дух восточному духу, находящемуся сейчас в упадке, только тогда мировая экономика, мировое сообщение, существующие сегодня лишь внешне, станут возможны в истинном смысле слова в доверии между людьми; ибо в какой бы форме азиат не вёл сегодня хозяйственные связи с нами, западными людьми, всё равно в своём сердце он имеет чувство: То, что вы имеете там в виде машин, нам не импонирует; этим вы делаете самих себя интеллектуалистическими машинами. Это внутренние люди. Рентгеновские лучи никогда не смогут им импонировать. Восточный человек скажет: Хорошо, вы можете так заглянуть во внутреннее человека пространственно; для того, что действительно имеет значение, нам не нужно никакого аппарата, это даёт нам само наше ясновидческое внутреннее. Оправдано ли это или нет, но это настроение, это воззрение, которое существует на Востоке. Там совершенно уверены, что дух возник из человеческой природы Востока, и с известным презрением смотрят на всё то, что, как полагают, ставит себя под принуждение техники, механистического, так что сам человек в социальном порядке работает как колесо машины. И только тогда, когда из таких основ, какие я описал, из европейского и американского духа вместе будет порождено духовное в мировоззрении, только тогда будет переброшен мост и на Восток. Для этого. однако нужно, чтобы то, что мир видит теперь в Средней Европе, как можно дальше продвинулось в приближении интеллекта к живым мыслям. Умы начала, девятнадцатого столетия: Гегель, Фихте, Шеллинг зашли дальше всего в приближении мышления к жизни. Хотелось бы сказать - то, что у них было, правда, ещё абстрактными мыслями, что они ощущали субстанциальным содержанием мира, о том они думали по крайней мере, что в нём они имеют жизненно-духовное; это был конечно только зародыш живых мыслей. Поэтому и Средняя Европа оставила проложенные ими пути. Они должны быть вновь найдены, когда мысль будет действительно сделана живой. Среднеевропейское понимание сможет это осуществить. Тогда, однако, когда Запад снова породит из себя дух, когда Восток снова увидит свой дух, когда в торговце и хозяйственнике он сможет видеть представителя духовного мировоззрения, тогда он также не будет смотреть с высокомерием, тогда возможно будет взаимопонимание с ним. Но это то, чего мы должны искать, если хотим иметь социальные надежды. Мы не сможем иметь никаких надежд, если не поймём того, что должно исчезнуть.

Здесь в Австрии был один ум, высказавший, что в конце концов всё рушится, но что из руин расцветёт новая жизнь. Так вот, только когда будут в состоянии из

внешне-социального взглянуть на внутренне-социальное, тогда сможет расцвести эта надежда; тогда, однако совсем не должны хотеть поддерживать старые порядки, а должны иметь мужество действительно считать заслуживающим падения то, что должно пасть. Ибо всегда останутся истинными слова: Ничто не сможет принести полного плода, что не было прежде брошено в землю как семя, чтобы сначала сгнить. Слово "сгнить" здесь, правда, неправильно, но образ всё же подходит. Правильно понимая то, чему мы должны предоставить пасть как гнилому, мы должны идти к новым стремлениям, к тому, что как новая жизнь должно расцвести из руин; только так можем мы в наше время приобрести социальные надежды на будущее.

Вена - 11.VI.1922.

Сущность социального вопроса

Многоуважаемые присутствующие! Когда я около трёх лет тому назад, по желанию ряда друзей, которые находились тогда под впечатлением событий, возникавших из социальной жизни, из предварительного окончания великой мировой войны, опубликовал свою "Сущность социального вопроса", то - хотелось бы сказать - непосредственным переживанием при самом опубликовании оказалось для меня то, что она в основе своей была со всех сторон неправильно понята, притом неправильно понята потому, что прежде всего эту книгу причислили к тем, которые пытались более или менее утопическим образом во внешних учреждениях представить то, что их авторы ощущали как своего рода лекарство от наступающих хаотических социальных состояний и от тех состояний, которые возникали в ходе нового развития человечества. Моя книга имела в виду известного рода обращение не к мыслям о всевозможных учреждениях, а к непосредственной человеческой природе. Из всего направления прочитанных до сих пор лекций ясно следует, что из духовнонаучных подоснов это не может быть иначе. Так особенно то, что я, собственно, давал только для иллюстрации главного, часто принималось за самое главное. Пытаясь представить, как человечество может прийти к социальному мышлению, чувствованию, а также волеию, я должен был иллюстрировать это, напр., тем, как оборот капитала мог бы быть изменён так, чтобы он не ощущался давящим образом многими людьми, как часто бывает в настоящее время. Я должен был сказать то или иное о ценообразовании, о стоимости труда и тому подобном, но всё это, собственно, лишь для иллюстрации; ибо тот, кто - если мне можно теперь употребить это выражение - хочет вмешиваться во всю человеческую жизнь, для того дело также в том, чтобы сначала подслушать эту человеческую жизнь, чтобы из неё человеческим образом находить выходы из заблуждений, притом не путём рекламирования определённых идейных шаблонов, которые затем должны были бы экспортироваться в разнообразнейшие области жизни. Для того, кто в последние тридцать-сорок лет давал воздействовать на себя социальной жизни Европы не с тем или иным предопределённым мнением, а непредвзято, прежде всего оказывается, что, собственно, то, что сегодня

социально должно происходить, уже предначертано в бессознательной воле именно европейского человечества. Везде можно найти бессознательные тенденции к чему-нибудь, они уже живут в человеческих душах, и им нужно лишь дать словесное выражение.

Вот то, что побудило меня уступить нажиму друзей и написать эту книгу. Таким было побуждение к тому, чтобы из чувства действительности, которое духовная наука - это можно выразить скромным образом - воспитывает в человеке, я пытался наблюдать то, что происходило в Европе в последние десятилетия во всех социальных классах и сословиях под поверхностью внешних явлений и учреждений. И я, собственно, не хотел сказать: То или это я нахожу правильным, а хотел сказать: Того или этого желают из скрытого подсознательного. И необходимо, чтобы просто сознавали, чего, собственно, хочет человечество. И основу многих наших социальных неполадок нужно искать именно в том, что это бессознательное стремление находится сегодня в известном противоречии с тем, что человечество придумало интеллектуалистическим образом и внесло в учреждения, так что, собственно, наши учреждения противоречат тому, чего хотят глубины человеческих сердец. И ещё по другой причине я не думаю, чтобы сегодня вообще имело особую ценность простое установление каким-либо утопическим образом того или иного устройства; потому что в историческом развитии человечества в цивилизованном мире мы вступили в такую стадию, что как бы умно ни говорили о том, что должно происходить среди и между людьми, это, собственно, не может иметь никакого значения, если люди этого не принимают, если это не является чем-то таким, к чему люди сами стремятся, конечно, большей частью бессознательным образом.

Так я полагаю, что если вообще хотят думать о таких вещах, то сегодня должны считаться с возникшим в историческом развитии человечества демократическим духом, то есть с демократическим духом, как он живёт сегодня в основе человеческих душ, с тем демократическим духом, который, собственно, имеет некоторую ценность в социальном отношении лишь тогда, когда он направлен не на то, чтобы высказывать демократические мнения, а на то, чтобы давать людям возможность высказывать их мнения, делать их действенными. Так главным для меня было ответить на вопрос: При каких условиях, собственно, люди в состоянии действительно выразить свои социальные мнения, свою социальную волю?

Рассматривая окружающий мир относительно социальной жизни, мы должны сказать себе: Да, можно многое знать о том, что то или другое должно быть иным; но каковы все препятствия к тому, чтобы то, что мы очень хорошо можем знать, что мы очень хорошо хотим осуществить, не могло стать действительностью! Существуют сами сословные и классовые различия и существуют пропасти, через которые нельзя перекинуть мосты просто тем, что имеют мнение о том, как это сделать, пропасти, образующиеся из-за того, что я вчера придавал этому столь большое значение, что именно воля, являющаяся подлинным центром человеческой природы, связана с тем, как человек вжился в сословие, в класс или в любую другую социальную связь. И опять-таки только

тогда, многоуважаемые присутствующие, когда смотрят на нечто такое, что при сложных хозяйственных отношениях нашего времени всё больше и больше устанавливается наряду с сословными предрассудками, сословными ощущениями, сословными волевыми импульсами, то находят это в самих хозяйственных учреждениях Мы рождаемся в определённых хозяйственных условиях и не можем выйти из них. И есть ещё третий род - хотелось бы сказать - препятствий для действительного социального сотрудничества людей. Они заключаются в том, что те, кто может быть именно как известные руководящие личности были бы в состоянии оказать то глубокое влияние, о котором я только что говорил, имеют другие преграды, а именно те, которые возникают из определённых догматических ощущений о жизни. Если многие люди не могут выйти за хозяйственные барьеры, за классовые и сословные барьеры, то многие не могут выйти за барьеры своих понятий и идей; всё это - хотелось бы сказать - стало уже богатым жизненным содержанием, которое затем в результате часто представляет хаос.

Но если теперь пытаются выяснить всё, что именно в последние десятилетия обнаружилось через эти препятствия и пропасти как раз в бессознательных подосновах души, то получают указание на то, что, собственно, "Сущность социального вопроса" находится совершенно не там, где её обычно ищут. Она заключается в том, что в новое время развития человечества в цивилизованном мире, одновременно с появлением столь усложняющей жизнь техники, - хотелось бы сказать - появляется также вера во всемогущество единого государства. И всё сильнее и сильнее становится эта вера во всемогущество единого государства именно в течение девятнадцатого столетия. Она стала столь сильной и прочной, что не поколебалась даже от разнообразных потрясающих суждений, которые большие человеческие массы создали себе о социальной организации.

И с тем, что так овладело людьми в виде догматической веры, соединилось затем нечто другое: полагают, что в том, на что обращена эта вера, заключается своего рода всеисцеляющее средство, так что если были бы в состоянии разумно сказать, какое государство наилучшее, то можно было бы попытаться - я не хочу сказать - создать рай, но всё же думают, что таким образом удалось бы создать мыслимо наилучшее устройство.

Вот из-за этого у нас пропадает одно, прежде всего напрашивающееся тому, кто рассматривает жизнь в её действительности так, как она рассматривалась здесь в последние дни. А именно, кто благодаря тому, что он развивает идеи о духовном мире, приобретает верное чувство действительности, тот приходит к выводу, что самые лучшие учреждения, которые можно придумать для какого-нибудь времени, могут сохранить свою положительную сторону самое большее только в это время, но что с тем, что имеется в социальной организации, дело обстоит так же, как, например, с естественным организмом человека.

Я не хочу играть в роковые аналогии, но для наглядного объяснения мне хотелось бы указать на то, что именно из человеческого организма можно понять также в социальном организме. Нельзя сказать, что человеческий - впрочем также животный и растительный - организм мог бы всегда находиться только в восходящем развитии; чтобы то, что является органическим, могло процветать,

могло развивать свои силы, оно должно также мочь отмирать. Тот, кто точнее изучает человеческий организм, находит, что отмирание присутствует в нём именно в каждое мгновение. Постоянно присутствуют силы восхождения, роста, расцвета, плодотворения, но постоянно присутствуют и силы разложения. И человек как раз очень многим обязан этим силам разложения. Да, тот, кто хочет полностью преодолеть материализм, должен обращать своё внимание как раз на эти силы разложения в человеческом организме; везде в человеческом организме он должен разыскивать распад материи под влиянием организации. И тогда он найдёт, что как раз с распадом материи связано то, чем является формирование духовной жизни в человеке. Мы можем понять человеческую организацию именно только если мы наблюдаем непрерывное разрушение наряду с силами восхождения, роста, расцвета, плодотворения.

И, многоуважаемые присутствующие, хотя я говорю это также лишь для наглядного пояснения, это должно сделать наглядным именно то, что непредвзятый наблюдатель должен найти и для социального организма. Социальный организм, правда, не умирает - этим он отличается, напр., от человеческого организма, но он меняется, и силы восхождения и нисхождения для него естественны. Лишь тот понимает социальный организм, кто знает: когда осуществляют самые лучшие намерения и создают что-нибудь в какой-либо области социальной жизни, достигаемое из существующих условий, через некоторое время из-за того, что в нём работают люди со своими индивидуальностями, оно обнаруживает силы отмирания, силы упадка. То, что для 20-го года одного столетия правильно, к 40-му году того же столетия так меняется, что уже содержит в себе силы упадка. Подобные вещи порой, конечно, высказывались в абстракциях, но в интеллектуалистический век остаются при этих абстракциях, хотя и полагают ошибочно, что мыслят так практично. И так мы видим также, что вообще люди, правда, соглашались, что в социальном организме содержатся силы отмирания, силы упадка, что социальный организм должен всё время меняться, силы упадка всегда должны действовать наряду с силами подъёма. Но хотя это и допускается, но всё же должно быть сказано: Там, где мы вмешиваемся в социальный порядок со своими намерениями, со своей воле, там абстрактно допущенного мы всё же не замечаем.

Так, напр., в социальном порядке, существовавшем перед мировой войной, можно было видеть, что, собственно, капитализм приводил к известному удовлетворению и для более широких масс тогда, когда он находился в развитии восходящего рода. Когда капитализм находился в восходящем развитии для какой-нибудь отрасли жизни, заработки повышались. Следовательно, когда шли всё дальше и дальше, когда капитал мог действовать всё свободнее и свободнее, то можно было видеть, что фактически заработная плата и применение труда всё больше и больше повышались. Но не так обращали внимание на то, что в этом повышении в то же время содержались другие социальные факторы, идущие совершенно параллельно, которые одновременно должны были вызывать появление сил упадка, напр., что при повышающейся зарплате условия жизни должны были формироваться так, что совсем не так уж много приносили к улучшению жизненного положения. Само собой разумеется такие вещи

замечали, но социальные течения не прослеживали так, чтобы сами воззрения соответствовали жизни и действительности.

И так можно видеть, что прежде всего сегодня, когда мы находимся в важном историческом пункте, социальная жизнь, собственно, должна рассматриваться в своих основах, а не в поверхностных явлениях. И тогда всё же будут приведены к отдельным отраслям, содержащимся в нашей социальной жизни.

Одной из этих социальных отраслей является прежде всего духовная жизнь человечества. Эта духовная жизнь человечества - само собой разумеется, мы не можем рассматривать отдельно от остальной социальной жизни - имеет свои собственные условия. Они полностью связаны с человеческими индивидуальностями. Духовная жизнь развивается на основе человеческих существ данного века, и от этого зависит затем вся остальная социальная жизнь. Пусть только подумают, как много в ряде социальных областей меняется просто от того, что кем-либо сделано то или иное изобретение или открытие. Затем, однако, когда занимаются выяснением этого и спрашивают: Как пришли к этому изобретению или открытию? Тогда нужно посмотреть в основу человеческих душ, посмотреть на то, как человеческие души прошли определённый путь становления, как они были приведены к тому, чтобы - хотелось бы сказать - найти в своей тихой камерке что-нибудь такое, что затем преобразует целые обширные области социальной жизни. Пусть только кто-нибудь спросит себя так, чтобы его суждение приобрело затем социальное значение, пусть кто-нибудь спросит себя: Каково значение для всей социальной жизни того, что Лейбницем было найдено дифференциальное и интегральное исчисления? Пусть попробуют как-нибудь рассмотреть с этой точки зрения действительное влияние духовной жизни на социальную жизнь, и так как эта духовная жизнь имеет свои собственные условия, то придут к выводу, что прежде всего в этой духовной жизни дано нечто такое, что представляет особую отрасль общей социальной жизни.

И опять-таки, многоуважаемые присутствующие, если спрашивают, каков этот особый характер, то нужно сказать: Всё то, что в духовной жизни человечества может действительно развиваться, должно происходить из внутреннейшей человеческой продуктивной силы, и для всей социальной жизни самым благоприятным должны будут найти то, что в этой духовной жизни может беспрепятственно развиваться из того, что находится в основе человеческой души.

Мы, однако, стоим перед другим импульсом, который всё больше и больше выступал в последние десятилетия, перед импульсом, который вылился в веру во всемогущество государственной жизни, под впечатлением того, что цивилизованное человечество из подоснов своего существа становится всё демократичнее и демократичнее. Это обозначает однако ни что иное, как то, что надежды в широких массах человечества направлены к тому что если дело идёт о том, чтобы осуществить человеческие учреждения, то в обсуждении должен участвовать каждый человек. Эта демократическая тяга может быть кому-то симпатична или несимпатична, но дело прежде всего не в этом; дело в том, что она оказалась реальной силой в исторической жизни нового человечества. Но

теперь, как раз когда смотрят на то, что проявило себя в виде такой демократической тяги, при соответствующем действительности мышлении приходят на ум совершенно особенные импульсы; взирают, напр. на то, как из внутреннего стремления Средней Европы это выступило в духовной жизни у благороднейших умов, как развились идеи именно о совместной государственной жизни людей. Я не хочу сказать, что и сегодня ещё следует придавать большое значение тому, что один из благороднейших немцев часто выставлял как "замкнутое торговое государство". Нужно меньше обращать внимание на содержание, чем на благородную волю. Но я хотел бы указать на то, что на рубеже 18-го и 19-го столетий выступило в очень популярной форме то, что можно назвать стремлением к идеям естественного права. Тогда очень значительные и благородные умы занимались ответом на вопрос: Как относится человек к человеку? Что такое вообще внутреннейшее существо человека в социальном отношении? И они думали, что если они правильно поймут человека, то смогут найти, что справедливо для человека. Они называли это разумным правом, естественным правом. Они считали, что из разума смогут найти, каковы наилучшие правовые установления, при которых человек лучше всего мог бы преуспевать. Вам стоит только рассмотреть труд Роттека, чтобы увидеть, что в первой половине 19-го столетия у многих жива была идея естественного права.

Однако опять-таки именно в течение первой половины 19-го столетия в Европе ему противопоставила себя историческая правовая школа. Эта историческая правовая школа была воодушевлена тем, что, собственно, таким образом из разума нельзя прятать того, что справедливо между людьми. Однако не замечали, собственно, того, что там было и что всё же делает всякое измышление разумного права бесплодным; не замечали, что под влиянием интеллектуального века в духовную жизнь человечества вошла известная бесплодность. И те, кто стал противником естественного права, говорили себе: Люди как раз не призваны к тому, чтобы из своей души найти что-нибудь из того, что справедливо. Поэтому право нужно изучать исторически; нужно смотреть на то, как люди исторически развивались, как из их обычаев, из их инстинктивных взаимоотношений возникали правовые состояния. Право нужно изучать исторически. Против такого изучения обратился свободный дух Ницше в его сочинении "О пользе и вреде истории для жизни". Он полагал: Если только посмотрят на то, что исторически жило в человечестве, то нельзя прийти к продуктивности и к идеям, значимым для современности. Против исторического духа должно возмущаться то, что живёт в людях как элементарные силы, чтобы из этих сил прийти к конституции социальных связей.

Короче говоря, между руководящими личностями как раз в 19-м столетии, в высший расцвет интеллектуализма возникла борьба по вопросу о том, каковы собственно основы права. И тем самым в сущности также борьба об основах государства. По крайней мере в то время этого совсем не отрицали, так как государство есть, в сущности, просто конечный итог того, что получается из отдельных установлений, в которых тогда живут правовые силы. И так, собственно, из того факта, что было утеряно чувство для нахождения правовых основ, следовало, что и по вопросу о собственной сущности государства больше

не могли прийти к ясности для себя. Поэтому мы всё время видим не только в теориях, но и в практической жизни, что и для бесчисленных людей широчайших масс жизнь государства в течение 19-го столетия постоянно становилась проблемой, которую надо было решать.

Но это всё же происходило больше для себя - хотелось бы сказать - в верхних, сознательных частях цивилизации человечества; в подосновах сверлило то, что я охарактеризовал как восхождение демократического духа. Это восхождение демократического духа, если оно правильно понимается, ведёт нас к ещё гораздо более основательному, гораздо более соответствующему действительности пониманию вопроса о сущности права, чем его частое сегодняшнее понимание. Сегодня есть очень много людей, которые считают само собой разумеющимся, что из отдельного человека как-то можно прийти к тому, чем, собственно, в той или иной области является право. Конечно, новые учёные в области права с таким стремлением уже теряют почву, и когда они философствуют таким образом или также полагают, что практично размышляют о жизни, то оказывается, что они тогда теряют содержание права, что право становится для них чем-то формальным. И тогда они говорят: То, что, собственно, является чисто формальным, должно получить содержание, в него в качестве содержания должно быть влито хозяйственное. Короче, многоуважаемые присутствующие, с одной стороны имеется отчётливое чувство, насколько бессильны люди, желая из себя прийти к понятию права, к ощущению права; с другой стороны всё же всё снова и снова ищут сущность права из человечества. Демократический дух возмущается именно против этих поисков, ибо что он говорит? Он говорит вот что: Общего абстрактного установления права вообще не существует, а существует только возможность того, что люди, находящиеся в каком-либо социальном сообществе, находят взаимопонимание, каким-то образом говорят друг другу: Ты хочешь от меня этого, я хочу от тебя того, а затем переходят к тому, что за условия для них благодаря этому получают. Тогда право возникает чисто из действительности того, чего люди взаимно хотят друг от друга, так что, собственно, разумного права совсем не может быть, так что также всё то, что возникло в историческом праве, может ещё всегда возникать, если только для этого ищут правильную почву и чтобы на этой почве люди могли приходить в такие отношения, чтобы из взаимопонимания действительно сначала производить право. "Я хочу иметь возможность участвовать в возникновении права!" вот что такое то, что говорит демократический дух. И тот, кто затем теоретически хочет писать книги о праве, тот не может высасывать у себя из пальца, что такое право, а должен просто смотреть на то, что возникает как право среди людей, и это он должен регистрировать. И в естествознании мы смотрим на мир фактов не так, что образуем законы природы из своей головы, а предоставляем вещам говорить нам, и согласно этому мы строим законы природы. Мы принимаем, что то, что мы хотим вставить в законы природы, уже создано; но то, что содержится в правовой жизни, создаётся среди людей. Там есть жизнь на другом уровне, там человек находится в области созидания, а именно как социальное существо рядом с другими людьми, тем самым возникает жизнь, которую хочет влить в социальный порядок дух развития человечества.

Это именно демократический дух.

Многоуважаемые присутствующие, третье, выступающее перед новыми людьми и взывающее сегодня к социальным новообразованиям, это сложные хозяйственные отношения, возникшие в новое время, которые мне не нужно описывать, потому что они надлежащим образом описываются со многих сторон. Теперь можно сказать: Эти хозяйственные отношения полностью таковы, что они опять происходят из других условий, чем обе другие области социального организма, чем духовная жизнь - там всё, что может стать плодотворным в социальном порядке, происходит из отдельной человеческой индивидуальности, только творчество отдельного человека может дать там правильный вклад в весь социальный порядок и чем правовая жизнь, в области которой дело может идти только о том, что право и тем самым государство происходят из взаимопонимания людей. Оба условия, одно, имеющее значение для духовной жизни, другое, имеющее значение для государственно-правовой жизни, не имеют силы в хозяйственной жизни. В хозяйственной жизни дело обстоит действительно не так, чтобы суждение о том, что может происходить, могло возникать из какого бы то ни было отдельного человека. Именно в течение 19-го столетия, когда в человечестве так расцвёл интеллектуализм, мы могли видеть, что отдельные очень значительные люди - я говорю это не из иронии, а чтобы истинно охарактеризовать вещи, стоявшие в разных областях, высказывали своё мнение об одной и другой; людям, которые хорошо участвовали в общем хозяйственной жизни, можно было доверять также, чтобы они имели своё суждение. Если им тогда приходилось высказываться о чём-нибудь, выходящем за пределы их области, что приобретало влияние на законодательство, то часто можно было сказать: Да, то, что тот или иной сказал, что сказал тот или иной о практическом влиянии, напр., золотой валюты, значительно и умно - если прослеживают то, что разыгрывалось в разных хозяйственных объединениях того времени, когда в разных государствах производился переход к этой золотой валюте, то даже удивляются сумме разумности, которая была тогда внесена в мир, но если затем изучают дальше, как затем развивались вещи, которые были предсказаны, то видят: тогда этот очень значительный человек сказал, напр.: Под влиянием золотой валюты таможенные барьеры исчезнут; произошло противоположное. И нужно сказать: В области хозяйственной жизни дело обстоит так, что ум, который может очень помочь в области духовной жизни, собственно, не всегда может быть надёжным проводником. Постепенно приходят к тому, что говорят себе: В отношении хозяйственной жизни отдельная индивидуальность вообще не может напасть на компетентное суждение. Суждения могут возникать там известным образом только как суждения коллективные, получающиеся благодаря - сотрудничеству многих, участвующих в различнейших областях жизни. Это опять-таки не может быть просто теоретической мудростью, а должно становиться практической жизненной мудростью, чтобы действительно имеющие значение суждения могли возникать только из созвучия многих.

Так вот, тем самым вся социальная жизнь делится на три отличные друг от друга области. На почве духовной жизни нужно говорить индивидуумам, на почве демократической правовой жизни нужно говорить всем людям, потому что

там дело в отношении человека к человеку из чисто человеческого существа - об этом может высказываться каждый человек - а в области хозяйственной жизни невозможно ни суждение индивидуальности, ни суждение, которое сливается из лишённого различий суждения всех людей; в этой области дело в том, чтобы индивидуумы вносили в целостность знание дела и опыт в своей области, чтобы тогда из объединений правильным образом могло возникать коллективное суждение. Оно может возникать лишь в том случае, если может отшлифовываться оправданное суждение индивидуумов. Но для этого объединения должны быть сформированы так, что в них сливается то, что может отшлифовываться и в состоянии затем давать общее суждение. Так вся социальная жизнь распадается на эти три области. Это говорит нам не какая-нибудь утопическая идея, а соответствующее действительности рассмотрение жизни.

Но теперь всё снова и снова нужно иметь в виду, что социальный организм, малый или большой, всегда несёт в себе наряду с силами подъёма также силы упадка. И так, собственно, всё, чему мы предоставляем пульсировать в социальной жизни, несёт в себе в то же время силы разрушения. В социальном организме необходимо непрерывное лечение. Если мы с этой точки зрения посмотрим на духовную жизнь, то можем в соответствии с рассмотрениями, которые проводились здесь в эти дни, сказать прямо: В восточной социальной жизни духовная жизнь была универсально руководящей. Всё единичное и в государственной, и в хозяйственной жизни выделялось так, как я описал это в последние дни, только из импульсов духовной жизни. Но если рассматривают социальную историю, то находят, что для определённого периода времени - для каждого периода времени это иначе - из духовной жизни вытекают импульсы, которые снова входят в социальные образования, что хозяйственные объединения образуются согласно идеям из духовной жизни, что государство создаёт учреждения из духовной жизни. Но видно также, что духовная жизнь постоянно имеет тенденцию развивать силы упадка или силы, из которых образуются такие силы упадка. Если бы духовная жизнь предстала перед нами в своём всемогуществе, то мы увидели бы, что из этой духовной жизни постоянно исходит импульс к тому, чтобы люди разделялись на классы, на сословия. И если изучат причины, почему на Востоке так властно кастовое деление, то найдут, что кастовое деление рассматривали в качестве необходимого сопровождающего явления того, что социальная жизнь развивалась из духовных импульсов. И если мы посмотрим на то, что получалось ещё для Платона, то у него мы увидим, что он указывал на то, что в идеальном государстве само человечество должно делиться на питающее сословие, обучающее сословие и защищающее сословие, должно делиться на сословия. Кто исследует причины, почему это так, тот найдёт, что именно в градации, данной некогда вместе со всемогуществом духовной жизни, возникали сословия, классовые различия, что затем внутри классов снова выступали человеческие индивидуальности которые ощущали эти классы как повреждение социального устройства.

Следовательно: в духовной жизни постоянно находились поводы к тому, что возникали пропасти между сословиями, классами, даже кастами.

И многоуважаемые присутствующие, если мы затем посмотрим на область государственного устройства, то должны будем искать в этой области преимущественно то, что я в эти дни обозначил как овладение трудом для всего единого социального организма в ходе человеческого развития. Именно в то время, когда пришедшая из Азии теократия развилась в государство, чтобы стоять под влиянием правового импульса, именно благодаря этому возникла проблема труда. В то время, когда каждый индивидуум должен был прийти к своему праву, возник вопрос о том, что труд должен правильно включаться в социальный организм. Но в то время, как от религиозной жизни отделилось то, что является правовой жизнью и что всё больше и больше стремится к демократизации, в то время как это всё больше и больше развивалось, мы видим, что в человечество всё больше и больше проникает также известный формалистический элемент социального мышления. Право развилось из того, что отдельный человек имел сказать другому. Право нельзя вывести из разума, но из взаимного общения разумов - если можно употребить эти слова - у людей возникает живая правовая жизнь. Она имеет поэтому тенденцию к логике, к формалистическим мыслям. Но именно в то время, как человечество проходит через разные эпохи своего развития, оно проходит через односторонности. Тогда как сначала оно прошло через односторонность теократии, позже оно проходит через односторонность государства. Из-за этого, однако, в социальной жизни воспитывается логический элемент, элемент измышления. Стоит лишь вспомнить, сколько человеческой мыслительной силы затрачено в ходе человеческого развития именно на правовую жизнь. Но то, что человечество постигает в одной определённой области, в известное время распространяется на всю человеческую жизнь. И так - хотелось бы сказать, как я уже указывал, даже религиозная жизнь была принята в юридическую жизнь. Бог Востока, дающий миру закон и оказывающий людям милость, стал судящим богом. Мировая закономерность в Космосе стала мировой справедливостью. Это мы видим в особенности в средневековье. Тем самым, однако, в человеческие навыки мышления и ощущения вошло нечто такое, как абстракция. Всё больше и больше хотели смастерить жизнь из абстракций. И так абстрагирующая жизнь распространилась на религиозную жизнь, на духовную жизнь с одной стороны и на хозяйственную жизнь с другой стороны. Приобретали всё больше и больше доверия к всемогуществу государства, которое было определено в своей абстрактной жизни управления и конституирования. Находили всё более и более прогрессивным, что духовная жизнь в форме жизни воспитания должна была целиком влиться в мир государства. Тогда, однако, она должна была пойматься в абстрактные условия, связанные с правовой жизнью. Хозяйственное также было в известной мере поглощено тем, что ощущалось как уместное для государства. И во времена, когда появился современный род хозяйствования, всеобщим мнением было, что государство должно быть той силой, которая прежде всего должна говорить о правильном формировании также и хозяйственной жизни. Тем самым однако мы передаём другие отрасли жизни под власть абстракции. Как бы это ни выглядело абстрактно само по себе, это столь же соответствует действительности. И я хотел бы наглядно пояснить это именно в отношении

человеческого воспитания.

В наш век, когда смышлённость столь дешева, люди, когда они хотят придумать, каковы наилучшие педагогические меры - я говорю это без иронии -, могут собраться в малую или большую коллегия - это уж совсем безразлично когда они так сойдутся и подумают, как нужно воспитывать и всё, что должно быть в учебном плане того или иного класса они придумают что-нибудь совершенно превосходное. Я убеждён в том, что если только эти люди мало-мальски сообразительны - а таково сегодня большинство людей - то они создадут идеальную программу. Мы живём - или жили по крайней мере, так как от этого уже стараются уклониться - во время программ. Чем, собственно, мы богаче, чем программами, чем какими-нибудь руководящими положениями в той или иной жизненной области! Основываются общества и опять общества; они набрасывают свои программы: это должно быть так или так. Мне совершенно нечего возразить против этих программ, я убеждён в том, что никто, критикующий эти программы, в сущности, не сделает лучших, чем эти; только дело не в этом. Ибо то, что мы придумываем, мы можем навязать действительности, но действительность становится тогда не такой, чтобы люди могли в ней жить. А дело в последнем. И так оно - хотелось бы сказать - временно кончается в этой области. Все видели, как человек с наилучшими, благороднейшими намерениями для развития человечества наиновейшего времени выдвинул для всего цивилизованного человечества такую программу из четырнадцати превосходных пунктов. Она рассыпалась тотчас, как только вошла в контакт с действительностью. Следует чрезвычайно многому научиться на судьбе четырнадцати абстрактных пунктов Вильсона, которые вышли из сообразительного человеческого мозга, но не соответствовали действительности, не были взяты из жизни. И так же, многоуважаемые присутствующие, в педагогике, в воспитании и обучении дело совсем не в программах, которые, ведь, даются только из государственной и правовой жизни. Там наилучшим образом может быть издано в качестве приказа, что нужно делать то или иное; но в действительности имеют дело с учительской коллегией, включающей учителей с теми или иными способностями. С этим следует жизненно считаться. Никакая программа не может быть осуществлена; осуществить можно лишь то, что может исходить из индивидуальностей этих учителей. Нужно иметь ощущение, чувство этих индивидуальностей. Нужно каждый день заново из непосредственной жизни индивидуумов говорить, что должно происходить. Тогда не смогут выдвигать какую-нибудь всеобъемлющую программу. Она остаётся абстракцией. Создано что-нибудь может быть только из жизни. Представим себе самый крайний случай. Представим себе, что для какой-нибудь области дано только то, что имеется некоторое число учителей со средними способностями. Теперь, собственно, если эти учителя в какой-то час, когда им нужно не преподавать, а только думать, должны будут придумать цели обучения, должны будут издавать приказы, то они, конечно, сочинят что-нибудь чрезвычайно умное; но подойти к действительности обучения есть нечто другое. Там речь идёт исключительно об их способностях как целых людей. Совсем не одно и то же, считаются ли с непосредственной жизнью или только с тем, что вытекает просто из интеллекта.

Этот интеллект имеет именно ту особенность, что он преувеличивает вещи, что он в, сущности, всегда охватывает неизмеримое мира. В действительной жизни этот интеллект должен быть просто слугой в одной конкретной области.

Однако, многоуважаемые присутствующие, если особенно принять во внимание, что то, что стоит между людьми, поскольку они в полном равенстве противостоят друг другу в своём человеческом существе, что это может развиваться как право, то нужно сказать: То, что вообще развивается между людьми, будет совершенно правильным, если оно исходит из абстракций современности; ибо так люди будут ощущать, что они обосновывают правовые отношения друг к другу, которые опираются на известные абстрактные человеческие понятия и становятся определёнными правовыми отношениями только тогда, когда люди сходятся на демократической почве. Но в пределах общечеловеческого нельзя создать ничего такого, что хотело бы произрастать из непосредственной жизни индивидуума, а только то, что имеет значение для людей вообще. Это значит, что на демократическую почву, именно если хотят быть честными, не может литься то, что должно проистекать из индивидуальности человека в духовной жизни. Поэтому необходимо, чтобы люди поняли, что хотя вера во всемогущество правовой и государственной жизни характерна для нашего времени, хотя исторически и оправдано, что в то время, когда появились современные государства, они забирали себе школы, потому что их нужно было отнять у других сил, которые больше не управляли ими правильно. Не следует желать задним числом исправлять историю, но нужно уяснить себе, что из развития новейшего времени исходит тенденция снова сформировать духовную жизнь в себе самостоятельно, так чтобы духовная жизнь имела в себе собственную социальную форму, собственное управление, чтобы также то, что происходит в отдельные школьные часы, могло исходить из живой жизни индивидуальности учителя, а не из подчинения какому-нибудь приказу. Мы должны решиться, хотя передача духовной жизни и с ней школ во власть государства и рассматривается как прогресс, проделать этот путь снова обратно. Тогда станет возможным проявление свободной человеческой индивидуальности в духовной жизни, также в области образования. И никому не следует бояться, что из-за этого, например, пострадает авторитет; нет, там, где нужно продуктивно работать из человеческой индивидуальности, там эти индивидуальности тоскуют по естественным авторитетам. И мы можем видеть это уже на Вальдорфской школе. Там каждый рад, если тот или иной может быть для него авторитетом, потому что он нуждается в том, что этот другой производит из своей индивидуальности.

И так государственно-правовой жизни остаётся возможность работать из демократического духа. Опять, однако, дело обстоит так, что государственная жизнь, именно из-за своей склонности к абстрактности, несёт в себе возможные силы развития, которые затем ведут к силам упадка. И тот, кто изучает, как из-за склонности к абстракции в государственно — политическом, собственно, то, что люди делают, должно всё больше и больше отделяться от конкретного интереса к отдельной области жизни, тот поймёт также, что именно в государственной жизни заключается основа той абстрактности, которая всё больше и больше

развивалась в циркуляции капитала. Современное образование капитала сегодня часто опротестовывается широкими массами; но так как ведётся борьба, она ведётся лишь из незнания условий. Ибо тот, кто хотел бы ликвидировать капитал или капитализм, должен был бы ликвидировать всю современную хозяйственную и социальную жизнь; так как эта социальная жизнь невозможна по иному принципу, чем разделение труда, а с ним неразрывно связано образование капитала. Оно проявляется в новейшее время особенно в том, что большая часть капитала представлена именно средствами производства. Существенным, однако, является то, что капитализм, во-первых, есть необходимое явление современной жизни, что он, однако, с другой стороны, также постоянно, именно когда он огосударствливается, ведёт к тому, что деньги отделяются от конкретных отдельных областей. И в девятнадцатом столетии это зашло так далеко, что то, что, собственно, прежде всего циркулирует в социальной жизни, становится столь отделённым от отдельных конкретных областей жизни, как у мыслителя, живущего только в абстрациях, бледные идеи отделены от действительной жизни. Хозяйственное, отделённое таким образом от отдельных областей жизни, есть денежный капитал. Если у меня в кармане есть какая-нибудь сумма, то она может представлять любой хозяйственный объект или также объект духовной жизни. Как совершенно общее понятие относится к единичным опытам, так этот элемент относится к отдельным конкретным областям жизни. Вот почему в социальном порядке должны возникать кризисы. Эти кризисы часто изучались, и, напр., в марксизме теория кризисов играет большую роль. Ошибка заключается в том, что кризисы однозначно выводят из рядов причин, тогда как в действительности их следует выводить из двух глубинных течений (*Unterstromungen*). Может быть, что капитал избыточен; тогда, циркулируя как избыточный, он ведёт к возникновению кризисов. Может, однако, быть также, что капитала слишком мало; тогда это также приводит к кризисам. И эти кризисы имеют разную сущность. Эти вещи изучаются в современной политической экономии не соответственно действительности. В действительности дело обстоит так, что одна и та же вещь может иметь самое различное происхождение. И так видно, что как духовная жизнь имеет склонность вести к силам упадка, происходящим из сословных, классовых и кастовых различий, точно так же жизнь, работающая в направлении абстракций - и это с полным правом - имеет в себе тенденцию, с одной стороны, вести к силам подъёма, заключающимся в оправданном образовании капитала, а с другой стороны, однако, из-за того, что капитализм вводит в абстрактное хозяйствование, при котором одна и та же сумма капитала может делать одно или другое, ведёт к тому, что возникают кризисы. Когда это замечают, то становятся социал-реформаторами и придумывают что-нибудь такое, что должно вести к спасению; но только тогда сталкиваются с тем, что отдельная индивидуальность, хотя и должна быть компетентной в хозяйственной жизни, когда она вносит свой опыт в соответствующие объединения, однако, из этой отдельной индивидуальности не может исходить руководящее для всей хозяйственной жизни. Поэтому наряду с государственно-правовым и духовным я поставил ассоциацию, как необходимое для хозяйственной жизни. И здесь поразительно было, когда в небольшом

собрании рабочих в Германии я говорил об ассоциациях, что мне сказали: Мы слышали о многом, но что такое, собственно, ассоциации, мы не знаем, об этом мы ничего не слышали. Ассоциация не является организацией, не является какой-нибудь коалицией, она возникает благодаря тому, что отдельные люди, занимающиеся хозяйственной деятельностью, находят друг друга, и каждый в отдельности не принимает то, что делается из какого-нибудь центра, а может вносить то, что он умеет и может из своего познания области, в которой он участвует. И из сотрудничества, при котором каждый старается как может и в котором то, что происходит возникает благодаря гармонии некоторого множества, только из таких ассоциаций может происходить всё остальное хозяйственное. Многоуважаемые присутствующие, такие ассоциации возникнут, они уже возникают, об этом я не беспокоюсь. Тому, кто мне говорит: это утопия, я отвечаю: Я знаю, что эти ассоциации возникают просто из подсознательных сил в людях; но мы можем разумом способствовать этим ассоциациям, мы можем давать им возникать быстрее или же ждать, пока они разовьются из нужды. В этих ассоциациях будут объединены те, кто ведёт производство, торговлю и потребители, и в них будут играть роль просто производство циркуляция товаров и потребление. Труд будет всё больше и больше входить в область правовой жизни. Относительно труда люди должны найти взаимопонимание демократическим образом. Благодаря этому труд будет отделён от того, что единственно только и может быть деятельно в области хозяйственной жизни. Этим может быть только то, что исходит из коллективного суждения благодаря объединению производителей и потребителей с теми, кто посредничает в обращении. Поэтому в области хозяйственной жизни в ассоциациях будут играть роль только товары. Тем самым, однако, даётся нечто очень значительное, даётся то, что мы вообще перестанем устанавливать какие-нибудь твёрдые принципы относительно цены и стоимости товара, а будем говорить: цена, стоимость товара является чем-то меняющимся с условиями жизни. Цена и стоимость запечатлены тем, что как коллективное суждение исходит от ассоциаций. Я не могу описывать это дальше; но дальнейшее можно прочитать в моей книге "Сущность социального вопроса".

Я хотел указать только на то, что с одной стороны наблюдение свидетельствует о том, что вся социальная жизнь распадается на три области, которые исходят из совершенно разных условий, на духовную жизнь, правовую и государственную жизнь и хозяйственную жизнь. В современном развитии цивилизации они прорабатываются к известной самостоятельности. Понимать эту самостоятельность и постепенно вырабатывать в каждой области своё, чтобы они могли правильно сотрудничать, вот в чём сейчас дело.

Многоуважаемые присутствующие, люди разнообразнейшим образом размышляли об этой трёхчленности социального организма, и когда где-нибудь становилась известна моя "Сущность социального вопроса", указывали на то или иное, уже звучавшее в прошлом. Я не хочу ставить какой-нибудь вопрос о приоритете. Дело не в том, находили ли то или иное отдельные люди, а как оно вводится в жизнь. Можно было бы лишь радоваться, если бы действительно многие приходили к этому. Но вот что всё же нужно заметить: Если Монтескьё во

Франции определил род тройного деления социального организма, то это просто тройное деление. Там указывалось, что эти три области имеют именно совершенно разные условия, поэтому их нужно отделять друг от друга. В моей книге такой тенденции нет. Там дело не в том, чтобы различать духовную, правовую и хозяйственную жизнь так, как в человеке различали бы систему нервов и чувств, систему сердца-лёгких и систему обмена веществ, если бы при этом сказали, что это три отделённых друг от друга системы. Таким делением ничего не достигается; достигается только когда видят, как эти различные области сотрудничают, как они лучше всего становятся единством благодаря тому, что каждая работает из своих условий. Так и в социальном организме. Если мы знаем, как поставить духовную, государственно-правовую и хозяйственную жизнь каждую в свои исконно собственные условия, предоставить работать из исконно собственных сил, то возникнет и единство социального организма и тогда увидят, что из каждой из этих областей исходят известные силы упадка, которые, однако, снова излечиваются благодаря взаимодействию с другими областями. Тем самым указывается, не как у Монтескье на тройное деление социального организма, а на трёхчленность социального организма, которая однако сходится в единстве всего социального организма благодаря тому, что каждый человек принадлежит всем трём областям. Человеческая индивидуальность, в которой ведь всё дело, так участвует в этом трёхчленном социальном организме, что связывает три члена друг с другом.

Итак, можно оказать, что как раз когда побуждаются тем, что здесь сказано, то нельзя стремиться, скажем, к делению социального организма, а к самому расчленению его стремятся именно для того, чтобы правильным образом возникало единство. Выходя больше на поверхность, можно также видеть, что больше столетия европейское человечество имеет тенденцию искать такое расчленение. Оно придёт, хотя бы люди и не хотели его сознательно; ибо бессознательно они так движутся в хозяйственном, духовном и государственно-правовом, что эта трёхчленность придёт. Она есть нечто, требуемое самим развитием человечества.

И можно указать также на то, что - хотелось бы сказать - три импульса, относящихся к этим трём различным областям жизни, некогда вступили в европейскую цивилизацию как три важных идеала, как три девиза для социальной жизни. В конце 18-го столетия на европейском Западе появился призыв к свободе, равенству и братству. Кто же, следя за развитием нового времени, не скажет, что в этих трёх девизах заложены три важных человеческих идеала. Но с другой стороны опять-таки нужно сказать, что в 19-м столетии было много людей, очень умно опровергавших возможность какого-нибудь единого социального организма, какого-нибудь государства, которое должно было бы осуществить вместе эти три идеала. Здесь я могу указать, что был написан остроумный труд, в котором показано, что в государстве не могут быть одновременно полностью объединены свобода, равенство и братство. И нельзя сказать, чтобы то, что там остроумно написано, не должно было внушать поистине очень большие опасения. И так снова оказываются перед жизненным противоречием. Но только жизнь существует не для того, чтобы не иметь

никаких противоречий; она везде противоречива и состоит в том, чтобы всё снова преодолевать возникающие противоречия. Именно из возникновения и преодоления противоречий состоит жизнь. Так что совершенно правомерно, что были выставлены три великих идеала свободы, равенства и братства; однако, именно потому, что в 19-м столетии и вплоть до наших времён полагали, что всё должно быть устроено совершенно централизованно, поэтому приходили к жизненным ошибкам в этом отношении и поэтому не могли понять, что не имеет никакого смысла биться над тем, как будут использоваться средства производства, как должен будет развиваться капитализм и т.д., а дело в том, чтобы привести людей к условиям, в которых они могли бы устраивать свои социальные дела из самых коренных влечений своего существа. Здесь мы должны сказать, только когда будет жизненно понято, что свобода действует в духовной жизни, в свободном продуктивном раскрытии индивидуальности, что равенство должно действовать в государственно-правовой жизни, где каждый должен развивать то, что подходит каждому человеку, в отношениях с каждым другим в демократическом духе, что братство должно действовать в конкретных союзах, охватывающих то, что мы называем ассоциациями, только тот, кто так смотрит на жизнь, видит её правильно.

Тогда, однако, поймут, что из-за того, что надеялись абстрактным образом в одинаковой форме вместить все три идеала просто в единое государство, в которое вставлено хозяйство, пришли к жизненному противоречию. Три идеала, свободу, равенство и братство, поймут жизненно тогда, когда поймут, что свобода должна господствовать в духовной жизни, равенство в государственно-правовой жизни и братство в хозяйственной жизни, притом не сантиментальным образом, а так, чтобы вести к социальным формам, в которых люди могли бы жить так, чтобы чувствовать своё человеческое достоинство и ценность. Если поймут, что единый организм может возникнуть только благодаря тому, что из свободы продуктивно развивается дух, что равенство, должно действовать в праве и государстве, а братство в хозяйственной жизни, в ассоциациях, тогда отойдут от худших социальных зол современности.

Потому что только то, что может свободно проистекать из человека как индивидуальность, даёт ему духовную жизнь, коренящуюся в истине. Эта истина может выступать только если она непосредственно изливается из человеческой груди. Демократический дух не успокоится, пока не осуществит равенства в государственно-правовой области. Мы можем это сделать из разума, иначе мы подвергнем себя революциям. А в хозяйственной области должно жить братство в ассоциациях. Тогда право, которое будет основано среди людей из таких условий, в которых равный противостоит равному, будет живым правом. Всякое иное право, которое каким-то образом парит над человеком, становится условностью. Действительное право должно происходить из совместной жизни людей, иначе оно становится условностью. А настоящее братство может основать только жизненная практика, если она сама создаётся из хозяйственных условий в ассоциациях; иначе человеческое сотрудничество в союзах основывает не жизненную практику, а жизненную рутину, какую мы имеем почти везде в настоящее время. Только когда научатся спрашивать: что за хаотические

социальные состояния возникают под влиянием фразы вместо истины в духовной области, условности вместо права в государственно-правовой области, жизненной рутины вместо жизненной практики в хозяйственной области, тогда правильно поставят вопрос и тогда ступят на путь, который один только может правильно решить социальный вопрос. Вероятно, будут несколько шокированы тем, что здесь социальный вопрос затрагивается не так, как по мнению многих он должен затрагиваться; но здесь следует говорить лишь из того, что можно получить из самой действительности с помощью духовной науки, которая везде идёт к действительности, и тогда оказывается, что центральными вопросами социальной жизни являются: Как путём правильного расчленения социального организма прийти от господствующей часто фразы, исходящей из человеческой индивидуальности из-за того, что в своём духовном творчестве она должна сгибаться перед другими, от фразы к истине, от условности к праву и от жизненной рутины к жизненной практике? Только когда поймут, что для того, чтобы создать свободу, равенство и братство, необходим трёхчленный социальный организм, тогда правильно поставят социальный вопрос, тогда также настоящий момент правильно свяжут с 18-м столетием, и тогда Средняя Европа найдёт возможность к тому, что сказала Западная Европа, когда потребовала свободы, равенства и братства, тогда Средняя Европа из своей духовной жизни сможет сказать: свободы в духовной жизни, равенства в государственно-правовой жизни и братства в хозяйственной жизни; тогда для социального вопроса будет многое сделано и можно будет создать себе идею о том, как три области в социальном организме могут сотрудничать из свободы, равенства и братства в оздоровлении наших сегодняшних хаотических духовных, правовых и хозяйственных условий.

Эпилог

К дословно воспроизведенным лекциям Рудольфа Штейнера в качестве приложения я присоединила кое-что, достойное увековечить прошлое и могущее образовать целое с предшествующими лекциями, несмотря на радикальное различие в манере изложения. Наряду со строго научным философским построением лекций Конгрессу, мы видим здесь продиктованный моментом тон сообщения в отчёте, а затем в афоризмах отпечатанные в плавильной печи сжатого выражения мыслей монеты духовного золота. Как тонкий серебрянный свет сияет рядом исходящая из поэтической души Альберта Штеффена тоска при переживании впечатлений, доставленных ему тогда распадающейся, прежде такой цветущей Австрией. Я благодарна ему за то, что он разрешил мне удержать этот душевный моментальный снимок и приложить его к книге как воспоминание о тех временах.

Мария Штейнер

Приложения

Венские дни

Кто едет из Швейцарии в Австрию и при пересечении границы заклинивается в месте таможенного досмотра, тот видит себя окружённым людьми, взгляды и жесты которых, несмотря на различие высказываемых идиом, всё же имеют нечто общее; говоря кратко, это почти сплошь спекулянты, часто наихудшего сорта. Путешественник меняет свои деньги, получает за один швейцарский франк почти три тысячи крон и при первой же их трате, покупая булочку за сто или лимонад за пятьсот крон, замечает, что становится мотом и получает товары низшего качества, как только не находится на чеку при оплате и подсчёте денег. Курс падает, говорят его спутники, местные огорчены, иностранцы довольны. Какое дело последним до того, что первые больше ничего не могут купить, если сами они могут тратить только валюту. Здесь скромнейший прежде американец становится Крёзом, богатейший прежде австриец нищим. Поразительно, как быстро пачкаются пальцы. Едва проехали несколько часов по ту сторону границы, как заметно, что руки и лицо чернеют. Это из-за столь плохого угля в Австрии, сжигаемого в паровозе. Читают в газете, что цена килограмма повысилась больше, чем на сто крон. Следствия: подорожание электроэнергии, газа, железных дорог, всех промышленных изделий. Чужестранцы богатеют, местные уроженцы беднеют. В Вене ещё явственнее бросается в глаза, что люди, имеющие деньги, подвергаются опасности душевно опуститься. Как человек может не опуститься, если он должен тратить такие громадные суммы в гостинице за помещение на один день 60000 крон (один английский фунт), за билет в театр 12000 крон (один доллар), за одну еду 3000 крон (один франк), тогда как обитатели города, в котором он ещё сравнительно дёшево наслаждается, буквально умирают с голоду? Что это происходит, правда, не так очевидно, как оживление иностранцев. Это они прогуливаются по роскошным улицам, сидят в содержащих много воздуха и света кафе, покупают в шикарных магазинах одежду, чемоданы, цепочки, вазы, картины и т.д., тогда как венцы, если они не спекулянты, всегда, когда их видно, так сказать, находятся в состоянии исчезновения, в изношенных, хотя и хорошо вычищенных пиджаках, так как свою культуру они не потеряли. В своём несчастье они неохотно появляются на улицах. Кроме того они слишком слабы для ходьбы. А кто же может ещё оплачивать трамвай (восемьдесят крон)?

Прелесть этого города кажется неисчерпаемой. Какие здания. Какие памятники. Какая полнота форм и красок в парках. Только в них играют измождённые дети. Я видел школу - (скорее всего школьников), идущую через сад, и ужаснулся от жёлтых лиц и худых плеч.

Мой первый выход был в городской музей. Я был как будто ранен, когда не нашёл больше многих, ещё обозначенных в каталоге знаменитых картин, вместо которых пустые рамы и в них вставленные крошечные чёрно-белые фотографии, говорящие о том, что те, кто увёз эти картины, обнаружили высокообразованный эстетический вкус. Среди изъятых картин было изображение святого мученика. Его не спрашивали, будет ли он себя лучше чувствовать у нового владельца.

Вечером этого дня шла Легенда о Иосифе Рихарда Штрауса. Можно было видеть могущественное великолепие костюмов, которые красовались в музее как картины. Стояла воздвигнутая роскошная плита, с усиленной помпой великого прошлого. Королева, превосходящая всех кутящих драгоценностями и гибкостью. Слуги, превращенные в автоматов. Танцовщицы, как ставшая чувственностью поросль. Атлеты, как жаждущие смерти звери. И ни одного существа, заслуживающего носить человеческий образ. Чудовищные заблуждения нашего поколения. Всё действие в огненно-красном. Затем начался характерный танец юноши и искусство обольщения женщины. Бегство и преследование. Отталкивание и покорение. Адская пытка. Наконец, появился ангел-спаситель, в золотых доспехах, с серебряными крыльями и увёл обречённого на смерть. Но он мог рассеять захлёстывавший зрительный зал угар грубости и вожделения. Он со своей склеенной арматурой не смог создать чистой атмосферы. Но где нет катарсиса, нет и искусства.

Несмотря на это, представление было величественным; величием гибнущего Рима.

Среди зрителей были видны европейцы всех наций (также японцы). Но мне казалось: настоящих венцев не было. Они гибли тихо, не с таким оформлением.

Есть ли в современной эпохе что-нибудь, отрывающееся от упадка, как раннее христианство в Римской империи? Что не имеет ничего общего с церковными представлениями и с культовой ложью, а основано только на чистом, свободном духе?

Здесь можно с радостной уверенностью воскликнуть: антропософия. Венский конгресс этого движения также имел международное участие. Но оно было иначе настроено, чем зрители Легенды о Иосифе. Жизненные проблемы, с которыми боролся каждый, свели их вместе с Запада и Востока. Они приехали из Америки и из Финляндии. Одно судно привезло вниз по Дунаю большое число немецких студентов. Это было избранное общество слушателей, годами воспитанное на великих мыслях. Поэтому Рудольф Штейнер в двух своих циклах лекций "Антропософия и науки" и "Антропософия и социология" мог заняться труднейшими загадками бытия. Огромный зал, в котором он говорил, всегда был переполнен. Изо дня в день росло воодушевление слушателей.

Существенным этих лекций было объединяющее действие слова. Люди со дня на день сходились ближе, несмотря на различия их языков - и национальностей, несмотря на противоположности их духовного склада. Да, они были рады своей разнородности, потому что как раз благодаря ей они могли давать и получать. Среди всех господствовало настоящее чувство дня Святой Троицы.

Конечно, среди них были и люди с необыкновенной полнотой жизненного опыта и редкой широтой горизонта. Я познакомился с людьми, которые ещё разговаривали со Стриндбергом и Ибсеном. Один норвежец, г-н ф.М., рассказал мне, как его отец часто читал ему из дневника один разговор с Ибсеном. "Когда я умру", сказал Ибсен, "я буду пронизан великим светом". У госпожи Ибсен, урождённой Турресен, был брат, тесно связанный с антропософическим мировоззрением (тогда оно называлось ещё теософическим). Ибсен (как

свидетельствовали мне разные скандинавы) часто говорил: Если бы он раньше знал об этих мыслях, то многое в его произведениях стало бы другим. Кто не замечает, как близок его дух нашему, давая воздействовать на себя его последнему произведению "Когда мы мёртвые пробудимся" (в особенности в переводе Христиана Моргенштерна, который также ещё знал его лично)? Я предоставляю историкам литературы дальше провести эти великие линии. Они идут также к Стриндбергу. Даже к Толстому, который ещё приобрёл для чтения лекцию Рудольфа Штейнера "Толстой и Карнеги". Что современные умы не могут проникнуть к антропософическому мировоззрению, обусловлено не последним (у него великие точки зрения), а узостью сердец, с которой к нему подходят. Венский конгресс, конечно, кажется внёс некоторое изменение. Очень редко прежде учёному преподносили столь единодушные овации. Но чувствовали не только Рудольфа Штейнера - исследователя и социолога, но также Рудольфа Штейнера - художника. Было захватывающим переживанием видеть в народной опере эвритмическую постановку двух сцен из его пьес-мистерий. Здесь веяло другим ветром, чем в Легенде о Иосифе. Здесь были свободны и цельны.

Эвритмия обращается к ценнейшему благу, уделённому и беднейшим: к речи. В самих звуках человек ещё может почувствовать божественное дыхание, некогда веявшее ему из Космоса. Он вдыхает и выдыхает его как гласные и согласные. Если он переносит на всё тело тенденции движения, живущие в слове, то он движется в духе своего Творца. Он снова связывает себя со Вселенной. Он достигает новой красоты.

Кто ощущает это (это заключено в сущности эвритмии и не нуждается в том, чтобы сначала быть примышленным к ней), тому современные искусства движения, склоняются ли они к покаянию или к боксу, кажутся заблуждениями.

То, что из духовной силы действует в речи, было в богатой полноте извлечено с помощью разработанного в Гётеануме искусства выражения. При этом способе декламации и рецитации нельзя не чувствовать, что за каждым словом действуют природные силы, которые и сейчас ещё являются творческими. Но воля к прекрасному художницы всегда владела ими.

Ещё интенсивнее ощущалось это, когда в один из следующих дней представлялись обе редакции гётевской "Ифигении". Тогда с помощью ритмов и звучаний вживались в двойственную душу Гёте, до и после путешествия в Италию, в северную душу Гудрун и в южную, римскую душу, в возвышенную, космическую, могущественно ткущую в дыхании и в самосознающую, постигающую себя в биении пульса. Имели основополагающее переживание, что в стихе господствуют те же законы, что и в дыхании и в крови. Снова узнавали, что поэзия связывает мир и человека.

Альберт Штеффен.

**Из сообщения Рудольфа Штейнера о Венском конгрессе.
Рассмотрения для членов Гётеанума
18-го июня 1922 г., Дорнах, Швейцария.**

Милые друзья! Такие конгрессы, как первый Штуттгартский, а затем второй Венский конгресс, стали, собственно, для антропософического движения требуемой извне необходимостью. С самого начала антропософическое движение работало из эзотерического, а при эзотерическом движении само собой разумеется, что оно никоим образом не выступает агитационно, а по возможности ищет свой путь так, чтобы, хотя и давая возможность слушать каждому, кто хочет слушать, обращаться лишь к тем людям, которые из своего сердца и из своего чувства ощущают к нему известную склонность и которые затем, это нужно сказать, находят к нему путь в соответствии с судьбой.

Теперь, однако, с определённого момента особенно, наша литература получила очень быстрое распространение и благодаря этому попала в руки многих людей, прежде всего и таких, которые имеют определённое научное направление в духе современных условий. Все возможные научные направления начали тогда полемически или иным образом объясняться с антропософией.

Главным образом благодаря этому люди затем снова почувствовали побуждение научным оружием, как это им было свойственно, защитить это антропософическое мировоззрение, и так пришло то, что - можно было бы сказать - по требованию мира антропософическое мировоззрение должно быть деятельным в разнообразнейших отраслях жизни. То есть, можно сказать совершенно непредвзято, к нам просто пришли извне; мы, собственно, совершенно не были склонны отходить от старых способов рассмотрения антропософии. Мы были к этому принуждены.

Сначала мы с разнообразнейших сторон занимали оборонительную позицию. Ибо антропософия подвергалась нападкам, притом самым необъективным образом. Но постепенно у неё выросли чрезвычайно дельные силы, которые действительно способны применить основные антропософические принципы, а также антропософическое исследование к отдельным областям.

Мало по малу можно было начать разрабатывать в антропософическом духе большое число важных отраслей жизни и науки.

Из-за того, что тогда в этих разнообразнейших областях также были получены публикации, антропософическое движение тем более снова было выставлено разнообразнейшим кругам, и через определённое время попросту пришлось выступить перед большой публикой. По часто здесь разъяснявшимся причинам, нужно было также занять определённую позицию именно с антропософической точки зрения по отношению к великим вопросам времени, по крайней мере с точки зрения культуры. Вот каковы в существенных чертах были импульсы к чему-то такому, как первый Штуттгартский конгресс и как теперь Венский конгресс.

Перед Венским конгрессом нашими друзьями была поставлена особая задача. Эта задача понятна. Она понятна - хотелось бы сказать — из-за сущности Вены, сущности Вены опять-таки внутри австрийской сущности. И в последнее время среди нас было очень много разговоров о специфических культурных особенностях Востока, о таковых Запада. Из этого пытались понять, из каких основ возникнут силы подъёма перед лицом столь действенных сегодня сил упадка. Это привело к тому, что в этом особенно подходящем месте, в Вене,

именно этот способ рассмотрения был выдвинут в центр работы конгресса. И конгресс назывался Западно-Восточным конгрессом. Это произошло из убеждения, что сегодня мы просто находимся в таком моменте цивилизации Запада, когда должно прийти, притом преимущественно из духовных подоснов, взаимопонимание во всём земном культурном мире.

Я однажды и здесь указывал на то, что один английский министр колоний сказал, что, собственно, точка рассмотрения мировых дел в настоящее время перемещается с Северного моря и Атлантического океана в Тихий океан. Можно сказать - и этим говорится нечто чрезвычайно важное: Прежде Европа и связь Европы с Америкой были тем, в чём заключалось дело, в чём заключалось дело ещё, собственно, с 15-го столетия, когда Азия была более или менее отрезана от Европы турецким вторжением. Тогда произошёл большой культурный переворот, и то, чем тогда по существу стала культурная жизнь нового времени, было ориентированной на Запад культурной ж и з н ь ю. Отныне, когда точка зрения внешней культурной жизни переместилась в Тихий океан, положено начало тому, что большой областью, которой, собственно, нужно заниматься в отношении всех культурных вопросов, должна стать в с я З е м л я. Но так как между людьми, которые вообще хотят иметь какое-нибудь дело друг с другом, необходимо взаимопонимание, даже доверие, то этому должно предшествовать взаимопонимание в духовной области.

Если мы сегодня посмотрим на Азию, то везде увидим, что люди живут в последних отростках прадревней величественной духовной культуры, духовной культуры, которая изгнала из себя всё остальное, как государственно-юридическую жизнь, так и экономически-хозяйственную жизнь. Мы видим, что эти люди в Азии совершенно не могут понять человека Запада, что они смотрят на машинное, от которого происходит внешняя культура Запада, что они находят, что и во внешних социальных порядках выступает что-то машиноподобное, что они с известным презрением смотрят на ставшее внешним понимание всей жизни на Западе. Мы знаем с другой стороны, что Запад всё же произвёл те культурные силы, которые должны развиваться в будущем, что Запад также несёт в себе духовность, которая, однако, сегодня ещё не вполне обнаружилась.

Но всё зависит от того, чтобы на Западе научились снова с большим пониманием смотреть на то, что содержит Восток, хотя сегодня и полностью в продуктах упадка и даже в ощущениях упадка, и чтобы на Востоке научились так смотреть на Запад, чтобы его одобрять, а не просто отрицать, как было до сих пор.

Для создания тех духовных основ, которые необходимы для такого взаимопонимания, естественно, понадобится ещё многое. Сегодня, когда хозяйственные условия так рвутся к сотрудничеству, мы не можем надеяться, что порядок этих хозяйственных условий, хотя временами он так выглядит, может вызвать что-нибудь иное, чем суррогат, который должен будет ожидать своего завершения до тех пор, пока духовные отношения не приведут к взаимопониманию до наивнутреннейшего человеческого существа.

Наш Венский конгресс должен бы известным образом служить этому взаимопониманию, притом - хотелось бы сказать - в самой центральной области.

И в этом отношении также можно было как раз предаваться определённым надеждам. Если хотят найти такие надежды оправданными, то для Австрии нужно привлечь к рассмотрению всю австрийскую сущность.

Австрии уже много десятилетий всё снова предсказывали распад, и до этого не доходило. Чтобы до этого дошло, понадобилась мировая война. В настоящее время дело обстоит так, что немецкая часть Австрии, собственно, находится в ужасном положении. Эта немецкая часть Австрии, в сущности, не может существовать сама собой. Ибо сколько бы ни возражали против старой Австрии, тем не менее в Европе, именно в Средней Европе отдельные области, образующие теперь государства-наследники, по известным причинам могли продвигаться вперёд только в м е с т е. И особенно в том куске старой Австрии, который населён немцами, сказывается, что националистическая идея не может прочно укорениться. Это чисто абстрактная идея и в существенном она произошла из того, что за недостатком настоящей духовной жизни в 19-м столетии национальный вопрос всё больше и больше выступал как суррогат духовной жизни.

То, что сегодня существует как немецкая Австрия, не имеет никаких хозяйственных возможностей самостоятельного существования и особенно не имеет никакой возможности иметь столицей Вену. Дело обстоит так, что Вена того размера, до которого она развилась, может существовать лишь как столица старой Австрии; сейчас для того, что осталось как немецкая Австрия, она как город слишком велика, а поэтому и внутренне не имеет условий для возможности существования.

Но опять-таки следует сказать: эта Австрия, также немецкая Австрия в ходе своего развития восприняла культурные ферменты, которые, несмотря на это, снова доставляют возможность того, что именно эта Австрия, особенно в духовном отношении, может создать мост между Западом и Востоком, между которыми она находится благодаря своим народам - и благодаря своему географическому положению.

Нужно только уяснить себе следующее: В Австрии налицо факт, что немецкий элемент везде образует род культурной основы. Идите с Востока Австрии. Вы тотчас найдёте в старом Семиградье смешанное с румынским, с сербским народным элементом древний немецкий народ, который вплоть до моей юности полностью держался своего германизма, семиградские саксы; затем, когда сами венгры централизовались, они существенно уступили свою самостоятельность. Но эти семиградские саксы были народным элементом, который скрывал в себе совершенно немецкое ядро и - хотелось бы сказать - именно как культурная колония нёс в себе вполне определённый род многообразно индивидуализированного германизма.

Пойдите затем дальше вверх, к югу от Карпат. Вплоть до Карпат распространены венгры. Сегодня там, к северу от Дуная, находится словацкая часть Чехословакии. Раньше она принадлежала Венгрии. Конечно, население там словацкое, притом в значительной мере мадьяризованное, особенно школами с шестидесятых годов прошлого столетия. Но там до Прессбурга жили ципсерские и другие немцы, рассеянные везде как культурный фермент. И везде там в

словацко-мадярской культуре в самой основе жил немецкий элемент, конечно, во второй половине 19-го столетия исчезавший — (исчезнувший?). Из западной части этого немецкого элемента происходят рождественские представления, которые некогда, столетия назад были пересажены туда из более западных немецких областей, а теперь снова вливаются в нашу культуру.

Если Вы отправитесь дальше в местности между Тиссой и Дунаем, следовательно в среднюю, в южную Среднюю Венгрию, то найдёте там швабское население, швабско-немецкое население. Если Вы пойдёте на запад от Венгрии, туда, где Венгрия граничит с современным Бургенландом, то найдёте там так называемых водных кроатов, совсем, совсем немецкое везде население. Вы узнаете, следовательно в этой восточной части на фоне иноязычного населения некогда переселившихся сюда немцев, которые часто в более позднее время восприняли другой элемент, однако, были весьма деятельны; кровь там всё же не изменила самой себе. И прежде всего не изменило самому себе то, что живёт в мыслительных формах. Кто сведущ в таких мыслительных формах, тот везде сумеет различить, как это всё-таки полностью продолжает действовать, также если это продолжает жить в венгерском или румынском, также если это выступает в другом языке, как то, что в прежние столетия вселилось туда как немецкий элемент и постепенно было обречено на внешнее отмирание.

Если Вы снова перейдёте в современную западную часть, в Чехословакию, в прежнюю Богемию, Моравию и Силезию, то найдёте на Земле везде немецкое население. Не только то, что южнее Рудных гор, есть такое сплошное население, но Вы найдёте везде - в Праге, например, около трети или четверти населения немцы - везде, как в других областях также включены немцы. Процесс был вполне таким, что германизм хотя постепенно и исчезал, но везде, также в иноязычных областях, проявлял себя как сила.

Если Вы пойдёте на юг, то, например, в южнословенской, следовательно, в сербской области, Вы найдёте включённый крут - земельку Готтшеер: маленькую немецкую культурную колонию. И Вы найдёте сплошное немецкое население в северной Штирии, в Зальцбурге, в северном Тироле, где на юге оно наталкивается на другое население, где, однако, везде вкраплены немцы, вплоть до немецкой государственной границы с Австрией. Вы найдёте затем сплошное немецкое население в Верхней и Нижней Австрии. Это, следовательно, была старая Австрия.

Всё больше и больше на первый план выступали отдельные национальности. Но, в сущности, нет области, в которой то, что некогда вошло как немецкий вклад, не было бы деятельно как с и л а.

Но всё же Австрия всё больше и больше менялась. И тогда дошло до того, что всё больше и больше проявлялись другие народные индивидуальности, румынская, украинская, русинская, польская, венгерская, югославская, сербская, словенская, кроатская и славонская, итальянская, богемская, следовательно, чешская: вот то, что постепенно вышло на поверхность. Сегодня мы видим процесс, который захватил и внутренние части Австрии. Едва ли ещё можно сказать, что Вена является немецким городом в другом смысле, чем в том, что там всё же по крайней мере в основном ещё говорят по-немецки. Но даже если

когда-нибудь должно было бы дойти до того, что словенский элемент с юга, чешский с севера распространятся всё дальше, и немецкий характер Австрии совершенно исчез бы, то немецкие силы в Австрии всё же были бы деятельны. Но существенно то, что именно то, что в Австрии вышло из немецкого, проявляло известную самостоятельность по отношению ко всему другому немецкому, имеющемуся на европейском материке. Ведь австрийское, в какой бы внутренней взаимосвязи оно ни находилось с остальной немецкой сущностью, всегда было чем-то совершенно, совершенно самостоятельным. И это пришло из-за того, что в Австрии в определённой форме поддерживался католицизм.

Конечно, в своих сегодняшних разъяснениях я очень легко могу быть неправильно понят, но так как я не могу быть достаточно подробным, то должен исключить именно эти недоразумения. Дело обстоит так, что, конечно, можно многое возразить - это было бы сделано и в самой Австрии - против того, что содержалось в господствующем католицизме. Но этот католицизм всегда давал именно Австрии, а особенно Вене, совершенно определённый отпечаток. Можно было видеть, что в шестидесятых и семидесятых годах прошла либеральная волна культурной жизни, либеральная волна, смотревшая - хотелось бы сказать - на внешние формы представлений. Но даже в этих внешних формах представлений опять-таки действовало то, что содержалось в католицизме.

Нужно лишь подумать, как долго длилось то, что в Австрии, за исключением совершенно определённых областей образования, никто собственно не мог стать образованным человеком, действительно ведущим в науке человеком, не примкнув как-либо к ведущим силам католицизма. Учились в гимназиях, руководимых в основном монахами. Монахи везде были профессорами гимназий. Строгое схоластическое мышление в его дальнейшем развитии в 19-м столетии стало благодаря этому чем-то таким, что напечатлено всей австрийской образованной жизни, также австрийской научной жизни и что вполне сохранилось вплоть до новейшего времени.

Не следует забывать такие явления, что, например, ещё в моей молодости учебники - вплоть до учебников начертательной геометрии - были написаны бенедиктинскими монахами или другими монахами. Отдельные гимназии обеспечивались монастырским духовенством, которое, конечно, должно было сдать государственные экзамены, но которое вносило в австрийские гимназии совершенно определённый дух, совершенно определённую форму мышления. Австрийские гимназии, которые, можно сказать, лишь перенесли либеральную эру, а не вознесли её, были либерализованы выдающимся человеком, который сделал их превосходными гимназиями: Л е о Т у н о м в пятидесятых годах 19-го столетия. Так что, собственно, если хотеть правильно понять многое из того, чем является австрийское образование, нужно идти в монастырь, а не архисвященникам, не к архиепископам и епископам; в монастырях в течение всего 19-го столетия концентрировалась невероятная учёность. В монастырях была та учёность, которая затем проявлялась в важнейших исследователях в университетах. Важнейшие исследователи вышли из монастырей, или, если они не вышли из монастырей, то опять-таки участвовали в образовательных течениях, которые в глубочайшем смысле находились под влиянием монастырей.

Но только австрийский католицизм, пока он не пережил реакцию в конце 19-го столетия, был фактически течением развития, движущимся к чрезвычайно либеральному элементу. У монахов в отдельных областях науки Вы везде могли видеть, что остро вышколенное мышление, которое усвоил именно монах из старой схоластической науки, действовало в науке и особенно в педагогике науки и, что древняя теократическая сущность должна была известным образом остаться неприкосновенной. Так что, собственно, всё, что не восходило до мировоззрения, следовательно, понятия науки в их специфичности, развивало в Австрии нечто чрезвычайно значительное.

Видите ли, одним из самых значительных исследователей в области нового естествознания, которого теперь везде называют, является Г р е г о р М е н д е л ь . Он был австрийским орденом священником в Моравии. В то время, как мы проводили свой Венский конгресс, везде появлялись юбилейные статьи о Грегоре Менделе. Может быть интереснейшим побочным событием, наряду с нашим конгрессом, было то, что все газеты были полны высоких оценок Грегора Менделя. Дело обстояло так, что действительно этот Грегор Мендель вырос из монашеского образования, что он стал естествоиспытателем, который теперь везде признан, теория наследственности которого признана во всём мире чем-то необычайным. И Грегор Мендель является прямо-таки типом выросшего из австрийской сущности человека, деятельного в отдельных областях знания.

Но таких Грегоров Менделей, таких деятельных людей - только не всех это привело к таким делающим эпоху открытиям - можно было найти в австрийском образовательном стремлении в 19-м столетии массово, так что можно сказать: католицизм, собственно, принёс там самые значительные цветы именно в отношении научной жизни. К этому затем присоединилось ещё нечто другое, что часто упускается из вида.

Тот, кто как немец вырос из, собственно, австрийской сущности, вырос из диалекта. Кроме этого диалекта есть ещё род общего австрийского языка, которым, собственно никто не говорит от сердца, но который благодаря этому тем более пригоден быть общим языком, выходящим за повседневные нужды, и который затем стал именно языком науки, а поэтому, так как он поднялся над диалектами, нашёл себя чрезвычайно образом в латинской логике. В австрийской форме выражения заключается с одной стороны нечто чрезвычайно гибкое, а с другой стороны также нечто живое. Именно всё это имеется там.

Если принять это в качестве основной черты австрийской сущности, то опять-таки нужно принять во внимание также в н е ш н ю ю австрийскую сущность. Конечно, можно было приехать в Австрию в семидесятых, восьмидесятых, девяностых годах, можно было приехать в 20-м столетии, можно приехать сейчас, и естественно, в Австрии везде в известном смысле находится то же, что и вне её в мире. Само собой разумеется, везде приходят изобретения и открытия, также научные достижения. Естественно и Вена, и Австрия не остались пощаждёнными кино и т.п. Но всё же во всём там живёт именно совершенно своеобразная сущность Австрии. И здесь хотелось бы сказать: Собственно, уже в течение всего 19-го столетия — пожалуй, именно благодаря амальгамированию с католицизмом - в Австрии не было особой склонности внутренне срастаться с

тем, что туда внешне втекало. Австриец, даже когда он начал одеваться по французской или английской моде, всё же сохранял в себе вплоть до аристократических слоёв нечто специфически австрийское.

Вы знаете, что я, собственно, не хочу становиться психоаналитиком, у меня нет к этому особой склонности, но именно относительно австрийской сущности хотелось бы сказать: внешними обстоятельствами побуждаются к тому, чтобы развивать нечто подобное психоанализу, так как когда подходят к австрийской сущности, то везде имеется нечто, не изживающееся в полном сознании.

Австрийцы охотно воспринимают всё чужое; они во многих отношениях даже чрезвычайно горды этим чужим. Но в своём внутреннем, в своём сознании они совсем не имеют с ним полной связи. И именно так, как когда психоанализируют отдельного человека ищут скрытые "душевные провинции", так же, подходя к австрийской сущности, всегда пытаются искать такие скрытые душевные провинции, даже у отдельного австрийца. Когда к нему подходят с психоаналитическим взором, то везде находят: он несёт в себе нечто прежнее. Оно совсем внизу, в его бессознательном существе; временами оно пробивается вверх. Но это нужно сначала довести до его сознания или он должен сделать это сам. А когда приступают к делу вполне основательно, когда достаточно анализируют, то почти у каждого, особенно же у образованного австрийца - у необразованного это видно уже снаружи - открывают нечто такое, что, собственно не имеет ничего общего с императором Иосифом, императором Францем и всем позднейшим, что туда пришло в 19-м столетии; возвращаются к императрице Марии Терезии и ещё дальше за Марию Терезию. Там везде выступает нечто от 18-го столетия. Каждый австриец на дне своей души в качестве скрытой душевной провинции имеет нечто из 18-го столетия. Как психоаналитик выискивает эту запихнутую вниз душевную область и затем высвобождает её из души, потому что люди совсем не переработали её, так же как будто вся эта Австрия не вполне переработала 18-е столетие, как будто в какой-то момент времени императрица Мария Терезия поместила себя в души и затем это снова изгоняли наверх. Так что, следовательно, фактически там нужно считаться с чрезвычайно многим инстинктивным, но хотелось бы сказать, исторически инстинктивным. Если полностью узнают австрийца, как говорят в Австрии, изнутри и снаружи, то приходят ко многому существовавшему прежде, скрытому в сердце. И в Австрии стараются узнать самих людей внутренне и внешне. Всё это, однако, предопределяет австрийца перебрасывать род моста между Западом и Востоком. Так как многое из того, что привело к обрушению этого моста, что несёт в себе именно настоящее время на Западе и на Востоке, а также в середине вне Австрии, это обнаруживается если на Австрию смотрят так поверхностно; но если смотрят на более глубокое, то находят, что там везде есть скрытые душевные провинции, из которых можно извлечь многое, чтобы перебросить этот мост между Западом и Востоком.

Вторая часть этого выступления относилась к лекциям, прочитанным на конгрессе другими докладчиками.

Западно-восточные афоризмы

Рудольфа Штейнера

Человека теряют из душевного поля зрения, если душевно не следят за всем его бытием во всех его жизненных проявлениях. Нужно говорить не о познании человека, а о целом человеке, который раскрывается, познавая себя. Познавая, человек употребляет как орудие своё чувственно-нервное существо. Для чувствования ему служит ритм, живущий в дыхании и кровообращении. В волеии обмен веществ становится физической основой бытия. Но в физическом свершении чувственно-нервного существа пульсирует ритм; а обмен веществ есть материальный носитель мыслительной жизни. И в абстрактнейшем мышлении живёт чувство и волнуется воля. Древний человек Востока втягивал в своё сновидческое мышление больше от ритмической жизни чувства, чем человек современности. Поэтому в своей мыслительной жизни первый переживал и больше ритмического тканья, последний ощущает больше логического рисования. В восхождении к сверхчувственному видению восточный йог сплетал сознательное дыхание с сознательным мышлением. Он постигал этим продолжающееся в дыхании мировое свершение. В дыхании он переживал мир как «я» (als Selbst). И на ритмических волнах сознательного дыхания через всё человеческое существо двигались мысли. Переживалось как божественно-духовное непрерывно посылает втекать в человека исполненное духом дуновение и как благодаря этому человек становится живой душой. Человек современности должен искать сверхчувственное познание иначе. Он не может связывать мышление с дыханием. Медитируя, он должен поднимать мышление из логической жизни к созерцательной. Но созерцая, мышление ткёт в духовно — музыкально-образном элементе. Оно отвязывается от дыхания и сплетается с духовным мира. «Я» не переживается теперь дыхательно в собственном существе человека, но в окружности духовного мира. Восточный человек некогда переживал мир в себе и сегодня имеет в своей духовной жизни отзвук этого; западный человек со своим переживанием стоит в начале и находится на пути нахождения себя в мире. Если бы западный человек захотел стать йогом, то должен был бы стать рафинированным эгоистом, так как природа уже дала ему чувство «я», которое восточный человек имел лишь сновидчески; если бы йог захотел искать себя в мире как западный человек, то он ввёл бы сновидческое познание в бессознательный сон и был бы душевно опьянён.

Восточный человек имел духовное переживание как религию, искусство и науку в полном единстве. Он жертвовал своим божественно-духовным существом. Милостиво притекало от них к нему то, что возвышало его до настоящего человеческого существа. Это была религия. Но в жертвоприношении и в местах жертвоприношений открывалась ему также красота, через которую божественно-духовное жило в искусстве. И из прекрасного откровения духа вытекала наука. На Запад текла волна мудрости, которая была прекрасным светом духа и делала художественно одухотворённых людей набожными. Там религия воссоздавала своё собственное существо; и только красота оставалась ещё соединённой с мудростью. Гераклит и Анаксагор были мировыми мудрецами, которые мыслили художественно; Эсхил и Софокл были

художниками, которые формировали мировую мудрость. Позже мудрость была предоставлена мышлению; она стала знанием. Искусство было перемещено в свой собственный мир. Религия, источник всего, стала наследством Востока; искусство стало памятником времени господства земной середины; знание стало самостоятельным господином собственного поля в человеческой душе. Такой стала духовная жизнь Запада. Полный человек, как Гёте, нашёл погружённый в знание духовный мир. Но он стремился видеть истину знания в красоте искусства. Это влекло его на юг. Кто следует ему в духе, может найти задушевное религиозное знание, борющееся за художественное раскрытие в красоте. Если западный человек в своём холодном знании увидит пробивающееся под ним в блеске красоты божественно-духовное, если восточный человек будет предчувствовать в своей исполненной тёплого чувства религии мудрости, возвещающей о красоте Космоса, освобождающее знание, которое превращается в человеке в силу воли: тогда предчувствующий восточный человек больше не будет ругать мыслящего западного человека бездушным; тогда мыслящий западный человек больше не будет с удивлением смотреть на предчувствующего восточного человека, как на чуждого миру. Религия сможет быть углублена из художественно оживлённого познания; искусство сможет быть оживлено из религиозно рождённого познания; знание будет просвещено из несомой искусством религии.

Восточный человек говорил о чувственном мире как о видимости, в которой в малой степени живёт то, что он в полностью насыщенной действительности ощущал в своей душе как дух; западный человек говорит о мире идей как о видимости, в которой тeneвым образом живёт то, что он в полностью насыщенной действительности ощущает своими чувствами как природу. То, что для восточного человека было чувственной майей, для западного человека есть сама себя несущая действительность. То, что для западного человека есть душевно построенная идеология, было для восточного человека самой себя созидающей действительностью. Когда современный восточный человек найдёт в своей духовной действительности силу дать майе прочность бытия, и когда западный человек найдёт в своей природной действительности жизнь, чтобы увидеть в своей идеологии действующий дух: тогда между Востоком и Западом будет достигнуто взаимопонимание.

Человечество Востока в седой древности познавательно переживало высокую духовность. Эта мыслимо постигаемая духовность пульсирующе пронизывала чувство; она изливалась в волю. Мысль ещё не была представлением, отражающим вещи. Она была сущностью, которая несла жизнь духовного мира в человеческое внутреннее. Сегодня восточный человек живёт в отзвуках этой высокой духовности. Его познавательный взор некогда ещё не был направлен на природу. Он смотрел сквозь природу на дух. Когда началась установка на природу, человек ещё не сразу увидел природу, он природным образом видел дух; он видел привидения. Последним ростком высокой духовности на пути с Востока на Запад стало суеверие привидений. Западному человеку естествознание было дано с появлением Коперника и Галилея. Он должен был идти в своё внутреннее, чтобы искать дух. Там дух ещё скрывался от него, и он видел лишь влечения и

инстинкты. Но они являются материальными привидениями, встающими перед душевным взором, так как он ещё не устремлён внутрь на дух. Когда начнётся установка на дух, внутренние привидения исчезнут, и человек будет сквозь свою природу смотреть на дух, как древний восточный человек смотрел на него сквозь внешнюю природу. Западный ум придёт к духу сквозь мир внутренних привидений. Его вера в привидения есть начало познания духа; то, что Запад унаследовал от Востока как веру в привидения, есть конец познания духа. Люди должны найти себя в духе через привидения - и так будут строиться мосты между Востоком и Западом.

Восточный человек ощущает "я" и видит "мир"; «я» есть Луна, которая отражает мир. Западный человек мыслит "мир" и излучает в свой мир мыслей "я". Я есть Солнце, которое облучает мир образов. Когда восточный человек в мерцании своей Луны мудрости почувствует солнечный луч, когда западный человек переживёт в луче Солнца воли мерцание Луны мудрости: тогда воля Запада усилит мысли Востока, тогда мысль Запада спасёт волю Востока.

Древний восточный человек чувствовал себя в духовно поволенном социальном порядке. Заповеди духовной власти, которые доводили до его сознания его вожди, давали ему представления о том, как он должен включаться в этот порядок. Вожди имели эти представления из своего видения в сверхчувственном мире. Руководимый ощущал в них передаваемые ему из духовного мира руководящие линии для его духовной, правовой и хозяйственной жизни. Воззрения на отношение человека к духовному, на отношение человека к человеку и на ведение хозяйства приходили к нему из одного источника духовно поволенной заповеди. Духовная жизнь, государственно-правовой порядок, ведение хозяйства в переживании были единством. Чем дальше продвигалась культура на запад, тем больше отделялись правовые отношения между людьми и ведение хозяйства от духовной жизни в сознании людей. Духовная жизнь становилась более самостоятельной. Другие члены социального порядка оставались ещё единством. При дальнейшем продвижении на запад разделились и они. Рядом с государственно-правовым, которое некоторое время управляло также всем хозяйствованием, развилось самостоятельное экономическое мышление. Западный человек живёт ещё в процессе этого последнего разделения. И одновременно перед ним вырастает задача сформировать три разделённых члена социальной жизни, духовную жизнь, государственно-правовое поведение, ведение хозяйства в высшее единство. Если ему это удастся, то восточный человек будет с пониманием смотреть на его творение, так как он снова найдёт то, что он некогда потерял, единство человеческого переживания.

Среди частных течений, взаимодействие и борьба которых составляют человеческую историю, находится завоевание труда человеческим сознанием. На древнем Востоке человек работал в смысле возложенного на него духовно поволенного порядка. В этом смысле он оказывался господином или работником. С движением культурной жизни на запад в человеческое сознание вступило отношение человека к человеку. В него был вплетён труд, выполняемый одним для другого. В правовые понятия проникло понятие стоимости труда. Большая часть римской истории древности представляет это сращивание понятий права и

труда. При дальнейшем проникновении культуры на запад хозяйственная жизнь принимала всё более сложные формы. Она втянула в себя труд без того, чтобы правовое оформление, которое она прежде приняла, удовлетворяло требованиям новых форм. Возникла дисгармония между трудовыми и правовыми представлениями. Снова установить гармонию между ними является великой социальной проблемой Запада. Как труд может найти своё оформление в праве без того, чтобы быть вырванным из него ведением хозяйства, вот содержание проблемы. Если Запад благодаря пониманию социального покоя вступит на путь решения, то Восток встретит его с пониманием. Если на Западе проблема породит мысли, которые проявятся в социальных потрясениях, то Восток не сможет приобрести доверие к дальнейшему развитию человечества Западом.

Единство духовной жизни, права и ведения хозяйства в смысле духовно поволенного порядка может иметь место лишь до тех пор, пока в хозяйстве преобладает земледелие, а торговля, как и промышленность присоединяются как подчинённые земледелию. Поэтому духовно поволенное социальное мышление древнего Востока в отношении ведения хозяйства в существенном носило подчинённый земледелию характер. С ходом цивилизации на Запад в качестве самостоятельной отрасли хозяйства выступила сначала торговля. Она требовала определений права. Нужно было, чтобы торговля могла вестись с каждым человеком. Этому идёт навстречу только абстрактная правовая норма. В то время как цивилизация продвигалась дальше на запад, промышленность в индустрии стала самостоятельным элементом хозяйства. Плодотворно производить товары можно только если с людьми, с которыми должны работать в производстве, живут в связи, соответствующей человеческим способностям и потребностям. Развитие индустрии требует сформированных из хозяйственной жизни ассоциативных связей, в которых люди могли бы удовлетворять свои потребности, поскольку это возможно по природным условиям. Найти правильную ассоциативную жизнь есть задача Запада. Если он окажется состоятельным, то Восток скажет: наша жизнь некогда протекала в братстве; с течением времени оно исчезло; прогресс человечества отнял его у нас. Запад вновь дал ему расцвести из ассоциативной хозяйственной жизни. Он снова восстановил исчезнувшее доверие к истинной человечности.

На древнем Востоке человек, сочиняя, чувствовал, что через него говорят духовные силы. В Греции поэт давал Музам говорить через себя своим современникам. Сознание этого было наследством древнего Востока. В ходе духовной жизни поэзия всё больше становилась откровением человека. На древнем Востоке духовные силы через человека пели людям. От Богов вниз к людям звучало мировое слово. На Западе оно стало человеческим словом. Оно должно найти путь вверх к духовным силам. Человек должен научиться сочинять таким образом, чтобы Дух мог слушать его. Запад должен сформировать соответствующий Духу язык. Тогда Восток скажет: Божественное слово, которое некогда текло к нам с Неба на Землю, оно снова нашло дуть из человеческого сердца в духовные миры. В восходящем человеческом слове мы с пониманием видим мировое слово, нисхождение которого некогда переживало наше сознание.

Восточный человек не видит смысла в "доказательстве". Он, созерцая,

переживает содержание своих истин и благодаря этому знает их. А что знают, то не "доказывают". Западный человек везде требует "доказательств". Он, мысля, пробивается к содержанию своих истин из внешнего отблеска и посредством этого толкует их. Но что толкуют, то должны "доказывать". Если западный человек высвободит из своего доказывания жизнь истины, то восточный человек поймёт его. Если восточный человек в конце доказательских хлопот западного человека найдёт свои недоказанные истины в настоящем пробуждении, то западный человек должен будет приветствовать его как сотрудника в работе для человеческого прогресса, который может выполнить то, что сам он не в состоянии сделать.